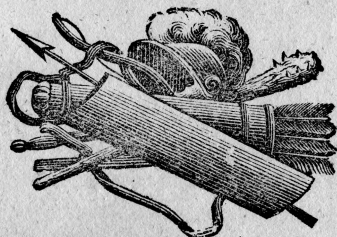

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

РУСКОМУ ИНВАЛИДУ

НА 1822-й ГОДЪ.

КНИЖКА II.

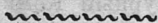
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

НОВОСТИ
ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАНЫЯ

А. Воейковъ и В. Козловъ.

КНИЖКА II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи Главнаго Шшаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1822.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмь, чшобы до выпуска изъ Типографіи были
предспавлены въ Цензурный Комиссепъ семь экзем-
пляроеъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуешъ.
С. П. б., Января 5-го дня, 1823 года.

Цензоръ *А. Бирюковъ.*

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XIV.

П Р О З А.

Шиллеръ.

(Изъ соч. Г-жи Спаль о Германіи.)

Шиллеръ соединялъ въ себѣ необыкновенный Гений съ примѣрною чеспностію. Качества сіи долженствовали бы бытъ неразлучными, по крайней мѣрѣ въ лицѣ Писателя. Ложь и лицемеріе кажутся еще отвратительнѣе въ сочиненіяхъ, нежели въ дѣлахъ человѣческихъ. Мы осуждаемъ или извиняемъ сіи послѣднія, смотря по причинамъ ихъ и по цѣли; между тѣмъ какъ въ произведеніяхъ Писателя, неоснованныхъ на искреннемъ его убѣжденіи, видимъ мы одинъ только пышный наборъ пустыхъ словъ.

Поприще Литтературы есть конечно прекраснѣйшее изъ всѣхъ, если, избравъ оное, пойдете вы по слѣдамъ *Шиллера*. Справедливоспъ требуетъ замѣнить, что строгая чеспноспъ есть господствующая добродѣтель между Германцами. Въ сей только странѣ удостоверитьспъ вы многочисленными примѣрами, до какой степени можно возвысить характеръ и обязанности каждаго званія. Но *Шиллеръ* былъ

*

и шамъ предметомъ всеобщаго удивленія, какъ по добродѣтелямъ своимъ, такъ и по талантамъ. Совѣспъ была его Музою. Онъ не имѣлъ нужды призывашъ ее; ибо гласъ ея всегда внятенъ шому, кто однажды послѣдовалъ спасительному его влеченію. *Шиллеръ* любилъ Поэзію, Историю и Лишперашуру — каждую для нея самой. Если бы онъ рѣшилъ, никогда не издавашъ своихъ швореній; то написалъ бы оныя съ одинаковою щцательностію. Ни желаніе блестящаго успѣха, ни своенравіе Моды, ни предразсудки, словомъ, никакія внѣшнія отношенія не имѣли вліянія на ученые шруды его. Въ каждомъ его сочиненіи виденъ онъ самъ; каждое изображаешъ его душу. *Шиллеръ* не поспигалъ возможности, перемѣнишь какое - либо выраженіе, если внушренное чувствіе, кошорое внушило оное, оспавалось въ немъ неизмѣннымъ. — Конечно и сей Писатель не былъ свободенъ ошъ самолюбія, сопряженнаго почши неразрывно съ любовію къ славѣ и необходимаго для поспоянной дѣятельности. Но можешъ бышь не найдешся двухъ вещей, споль различныхъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ благородная любовь къ славѣ и малодушная суепность. Последняя спараешся выиграшь успѣхъ, хотя бы то было обманомъ; первая пріобрѣтаешъ оный, какъ бы по праву завоеванія. Первая не довѣряешъ самой себѣ и прибѣгаешъ къ хитрости, дабы преклонишь на свою спорону общее мнѣніе; последняя полагаешся на одну шолько Природу, и при все- сильной ея помощи преодолеваетъ всѣ препяшствія. Наконецъ, ешъ нѣчто еще высшее, нежели любовь къ славѣ; ешъ чувствіе, кошорое

еще превосходитъ оную чистотою и благородствомъ. Это — любовь къ истинѣ! Она подѣлаешь Писателей неушомимыми сподвижниками на полѣ Нравственности; охранителями священнаго огня, пламенѣющаго на жертвенникѣ добродѣтели!

Пріятно видѣшь невинность во образѣ Генія и открываешь крошечность въ его энергіи. Что наиболѣе вредишь понятію, которое имѣемъ мы о добротѣ? Мысль, что она нерѣдко приближается къ слабости. Но сколь величественное представляется намъ зрѣлище, когда сія доброта въ высочайшей степени соединена съ просвѣщеніемъ и силою Генія! — Шиллеръ, при вступленіи своемъ на поприще Липперашуры и свѣта, давалъ свободу пылкому своему воображенію, и потому нерѣдко заблуждался. Но вмѣстѣ со зрѣлостію лѣтъ, приобрѣлъ онъ сію высокую чистоту, которая рождается опъ возвышеннаго образа мыслей. Чувствованія, противныя Нравственности, никогда не унижали его произведеній. Шиллеръ жилъ, говорилъ и поступалъ такимъ образомъ, какъ будто бы существованіе злыхъ людей было ему совсѣмъ неизвѣстно. Онъ нерѣдко изображалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ; но и самое начертаніе сихъ характеровъ было иногда не довольно глубоко; а иногда увеличено. Все показывало, что Сочинитель не имѣлъ объ оныхъ совершеннаго познанія. Злые люди представлялись его воображенію, какъ препятствія на пути къ благоденствію; онъ взиралъ на нихъ, какъ на бѣдствія Физическія. Въ самомъ дѣлѣ, умственные способности ихъ измѣняющія болѣе, нежели

въ одномъ отношеніи: привычка къ пороку нечувствительно превращаетъ ихъ душу въ испорченный испинкъ.

Шиллеръ былъ вѣрный другъ, превосходный супругъ и отецъ. Не было качества, коего недоставало бы мирному и крошечному его характеру, воспламененному однимъ только возвышеннымъ талантомъ. Истинное благочестіе, любовь къ человѣчеству, почтеніе къ прекрасному полу, энтузіазмъ къ изящнымъ Искусствамъ, оживляли попеременно его Гений и ознаменовались, блестящими чертами, во всѣхъ его сочиненіяхъ. Вообще утверждающъ, что умъ можешь замѣнить все. Не спорю; но правило сіе ограничивается сочиненіями, коихъ успѣхъ зависитъ отъ обдуманнаго плана и тщательнаго исполненія. Если же вы хошите представить человѣческую Природу, во всей ея глубинѣ и со всѣми бурями, ея постигающими; то и самое воображеніе будешь для сего недостаточно. Надобно имѣть душу, которая бы испытала бури страстей, но въ коей проникнувшіе лучи небснаго свѣтила водворили прежную ясность и спокойствіе.

Я въ первый разъ видѣла *Шиллера* во дворцѣ Герцога и Герцогини Саксенъ-Веймарскихъ, въ сномъ же блистательномъ, какъ и просвѣщенномъ обществѣ. Онъ прекрасно читалъ по Французски; но никогда не говорилъ на семъ языкѣ. Я объявила себя ревностною защитницею нашей Драматической системы и отдавала ей преимущество предъ всѣми прочими. *Шиллеръ* не откасался со мною спорить, хотя большая часть присутствовавшихъ были моего мнѣнія.

Онъ весьма медленно и съ прудомъ изъяснялся по Французски; но внутреннее убѣжденіе дѣлало его краснорѣчивымъ. Вступая въ сіе преніе, хотѣла я сперва употребить обыкновенныя оружія своей націи: живость и шутку. Но въ словахъ *Шиллера* вскорѣ открыла я такое богатство мыслей; я такъ была поражена простотою и благородствомъ его характера; я нашла его столь скромнымъ и безпечнымъ на счетъ собственныхъ своихъ успѣховъ и вмѣстѣ столь гордымъ и твердымъ въ защитѣ мнѣній, коихъ истина казалась ему несомнѣнною, — что съ сей минуты посвятила ему, съ полной мѣрѣ, искреннѣйшее мое удивленіе и дружество.

Смертная болѣзнь постигла *Шиллера* во цвѣтѣ мужества. Дѣти его и супруга, коей превосходныя качества заслуживали и оправдывали его нѣжность, усладили послѣднія минуты его жизни. Г-жа *Волльцогенъ*, достойная пріятельница сего семейства, спросила его, за нѣсколько часовъ до смерти, какъ онъ себя чувствуетъ: »Ежеминутно спокойнѣе«, отвѣчалъ Снихотворецъ. Въ самомъ дѣлѣ, не могъ ли онъ, съ полнымъ упованіемъ, ввѣрить себя Божеству, коего Царствіе прославлялъ на землѣ? Не приближался ли онъ къ обиталищу праведныхъ? Не надѣялся ли вступить въ блаженный ихъ сонмъ и обрѣсти тамо друзей, уже давно его ожидавшихъ?

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Продолженіе.)

Нынѣшніе Греки, равно какъ и древніе Аѳиняне, сохранили по преданію множество суевѣрныхъ средствъ, служащихъ къ опроверженію мнимаго чародѣйства. На прим., когда кого хвалишь, то надобно только заговорить о чеснокѣ и плюнуть. Для предупрежденія всякаго несчастія вѣшаютъ въ каждомъ новомъ домѣ — по десяти луковицъ чесноку. На кораблѣ, выходящемъ въ море, найдешь вы также мѣщечикъ онаго, какъ дѣйствительнѣйшее, предохранительное средство отъ бури. Когда же Капитанъ въ доказательство того, что корабль принадлежитъ ему, вывѣшиваетъ на немъ вѣнокъ, то онъ вмѣстѣ не забываетъ и сего чудеснаго мѣщечка. «Чесноку! чесноку!» кричатъ обыкновенно матросы, чтобы опровергнуть угрожающее имъ бѣдство. Впрочемъ никто не почитаетъ себя причиною несчастія; но всегда складываютъ вину на злаго духа. По мнѣнію Грековъ, духи сіи иногда видимо, а по большей части невидимо находятся между людьми. Ихъ очень легко оскорбить безъ всякаго намѣренія, и въ такомъ случаѣ они бываютъ непримиримы. Если кто изъ Грековъ сохнетъ отъ продолжительной болѣзни; то сіе почитается также мщеніемъ обиженнаго духа.

Сей силы злыхъ духовъ, дурнаго глаза и колдовства, опасаются Греки во всѣхъ случаяхъ жизни, а особенно при свадьбахъ. Посему и спаряются они, употребивъ заблаговременно все предостерегательныя мѣры. Они весьма щедро

даряяпъ мвимуую колдунью, кошорой приписываешся сила вредипъ, и нерѣдко примиряюпся съ своими непріапелями, для бѣльшей еще безопапности. Нѣкопорья колдуньи явно хваспаюпся, что умѣюпъ дѣлапъ браки бесплодными. Впрочемъ, къ опврапщению сего очарованія нахопяпся многія средспва. Сии послѣднія споль же спранны и нелѣпы, какъ и самыя обряды, къ коимъ прибѣгаюпъ мнимыя волшебницы, для произведепія своего чародѣйспва. Нѣмецкій Путешеспвенникъ *Бартольди* разспвазываетъ по сему поводу нѣсколько анекдотовъ, слышанныхъ имъ въ Греціи. Но всѣ оныя до пакой степени оскорбляюпъ вѣрояпіе и даже благоприспойность, что, чрезъ повтореніе оныхъ, нарушили бы мы должное уваженіе къ нашимъ Чипашеламъ.

Почпи невѣрояпно, до чего проспираешся здѣсь суевѣріе. Повсюду видишь деревья, обвѣшенныя лоскупьями, коимъ приписываешся сверхъеспспвенная сила. Въ Аркадіи, въ извѣспные дни года, убиваюпъ ягняпъ и козь, чтобы угадывать будущее по ихъ внутреспнностямъ и костямъ, особливо по лопапкамъ. Большая часть Грековъ носяпъ спарые рѣзные камни вмѣспно палиспановъ, почиая оныя предохранипельнымъ средспвомъ опъ всякой напаспи. Хозяйки домовъ вѣшаюпъ въ комнапѣ по нѣскольку яиць, имѣющихъ двойной желпокъ, дабы куры неслись въ изобилии и — чтобы въ домѣ ихъ было все благополучно.

Греки вообще божапся при каждомъ случаѣ; но какъ муцины, такъ и женщины, весьма осперегаюпся произносипъ имя дьявола. Если же, разсердясь, хопатъ сказапъ: »ч. . шебя возьми!»

то употребляютъ вмѣсто того слѣдующій оборотъ: »Возьми себя шопъ, копорого здѣсь нѣтъ и копорой далеко отсюда!« — Здѣсь услышите также совсѣмъ особыя роды божбы. На прим. женщины говорятъ: »Клянусь жизнью, это такъ справедливо, какъ я люблю глаза свои!« или: »чтобы мнѣ ослѣпнуть, если это неправда!«

Изъ числа знаковъ, сопровождающихъ ужаснѣйшія кляпвы, важнѣйшимъ почитается скорое пропязаніе всѣхъ пясти пальцевъ. Вообще, число паятъ у Грековъ имѣетъ столько дурное знаменованіе, что они не иначе употребляютъ его въ разговорахъ, какъ по предварительномъ извиненіи.

Во всей почти Европѣ употребляется пословица: »Бѣда никогда не приходитъ одна.« Греки напрошивъ говорятъ: »Добро пожаловашъ, несчастіе, если только ты одно.«

Нельзя почти изчислить всѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, употребляемыхъ Греками. Они наступаютъ на шѣю человѣка, коему хотять нанести вредъ; а дабы предохранить себя отъ несчастія, пробиваютъ гвоздями башмаки, пронося надъ ними проклятія и потомъ зарываютъ ихъ подъ груду камней. Въ Афинахъ есть крушой утесъ, съ котораго капающа женщина, кои желаютъ имѣть дѣшей. Увѣчныхъ дѣшей, во время луннаго сіянія, проносятъ сквозь нѣкопору пещеру для ихъ излѣченія; а худыхъ и чаклыхъ заспавляютъ ползая по горнымъ пропінкамъ, держатъ противъ луны, и уходя домой, оставляютъ шамъ ихъ плашь. Дѣшамъ, вмѣстѣ ладонки, привѣщиваютъ мѣщечикъ съ угольями и солью. (Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Глинскій.

Дума. (*)

Подъ свѣдомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучъ привѣнный отърадныхъ свѣщихъ
Спрашлся проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцающъ, бродилъ,
Тремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

*

Волось уцѣлѣвшихъ сѣдые оспашки
На сморщенно въкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, вѣясь въ безпорядкѣ:
Спраданье на Глинскомъ бразды провело...
Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою;
Угрюмою думой въ минувшемъ лепалъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И шажко спонаа, вздыхалъ.

*

(*) Болѣе неудачное подражаніе, нежели переводъ прекрасной Думы Юліана Нѣмцевича. Глинскій, по вліянію своему на дѣла Россіи и Польши, равно принадлежитъ Исторіи обоихъ Государствъ. Измѣна его Отечеству и гибельный конецъ весьма поучительны. Это побудило меня, сію пьесу Нѣмцевича присовокупить къ собранію Думъ, которое дѣлаю я, избирая предметы изъ отечественной Исторіи. (Прим. Сочин.)

При немъ неопспунно въ шемницѣ сидѣла
Прелестная дѣва — опрада слѣнца;
Свободой и счастьемъ и свѣпомъ презрѣла,
И блага всѣ — въ жерпву она для опца.
Блескъ пышный черпога для ней замѣнила
Могильная мрачность шемницы сырой;
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

*

„О, долго ли будешь, споная, лишь слезы?“
Рекла она нѣжно — „печали забудь!
Бышь можешь, разпоргнишь сіи пы желѣзы:
Надежда лелѣеть и узниковъ грудь!
Бышь можешь, оспапокъ несчастливой жизни,
Спокая волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ опчизны
Ты счастливо кончишь въ пиши.“

*

„На лонѣ опчизны!“ воскликнулъ измѣнникъ —
„Не мнѣ утѣшашься надеждою сей!
Спрашась угрызений, спенающій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнишь шрещещь о ней!
Могу ль бышь покоень хопя на мгновенье?
Червь совѣспи шайно шерзаетъ меня;
Къ себѣ самому я пишаю презрѣнье
И мучусь, измѣну клянн.“

*

„Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ бышь въ мирѣ иль грознымъ въ
войнѣ:
Богащства, познанья, порода, опвага —
Все съ щедростью было низпослано мнѣ!

Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;

Душа пренешала, духъ юный кипѣлъ...

Вдругъ поднялись шучей на Польшу сосѣды —

И лавръ мнѣ достался въ удѣль.“

*

„Могольскія Орды влещѣли бѣдою:

Липва задымилась въ пылу боевомъ —

И спарцы и жены, и дѣщи полною

Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;

И въ пещель деревни и пышные грады;

И буйный Тапаринъ въ крови упопаль;

Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады —

Мечъ жадный надъ всѣми сверкаль.“

*

„Вспревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу

Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой.

Доспигъ — и опважно въ кровавую сѣчу;

И кровь полилася, напѣнась, рѣкой.

Покрылись шѣлами поля и равнины;

Липвинъ и Тапаринъ упорно спояль;

Но съ яроспью новой за мною дружины —

И гордый Моголь побѣжалъ.“

*

„Боролся съ кончиной власпишель державной;

Тревогой и плачемъ наполненъ дворець —

И вдругъ о побѣдѣ и громкой и славной

Опъ Глинскаго съ вѣспью примчался гонецъ.

Чело Александра веселоспъ покрыла.

„Когда торжествуетъ родная спрана,“

Онъ рекъ предстоящимъ, „погда и могила,

Повѣрите, друзья, не спрашна!“

*

„Симъ подвигомъ славнымъ презмѣру надменныхъ,
Не могъ укротить я волненья спрассей —
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно среди ночи цалъ жертвой мечей!
Погибъ онъ — и други мнѣ спали врагами,
И преданъ душою лишь меспи одной,
Дерзнулъ я внеспися съ чужими полками
Въ опчизну свирѣпой войной.“

*

„О мука! о совѣсть — ширанъ неопстпунной!...
Ни зрѣлице спогонъ родимой земли,
Ни шайной гласъ сердца, изъ длани преспупной,
Въ часъ битвы, изшоргнушь меча не могли!
Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ и грозныхъ душой Москвитянь,
Увы, къ преспупленью влекомъ преспупленьемъ,
Разиль я своихъ согражданъ!“ ...

*

„Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Расперзанныхъ прупы и груды косшей;
Душа предалася неволью кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я шоску преспупленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проспулкамъ забвенья,
Мешалъ о родной споронѣ!“

*

„Но Геній враждебный о шайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстие далъ,
И Рускій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ:

Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый
Забывши и славу и спарость мою;
На дядю Царицы, надѣль онъ оковы
И свель его въ бездну сію.“

*

„Лѣтъ десяшь живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣпяшь ко мнѣ;
Тоскую угрюмый въ душѣ безопрадной
И думой спремлюся къ родимой спранѣ.
Примѣнно слабѣю въ ушраченныхъ силахъ;
Чушь сердце шрепещеть, нѣмѣеть мой гласъ;
И медленно льещя кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужъ близишся часъ!“

*

„О дочь моя, скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли!
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Ошь милой опчизны жишь грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славной,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Просупки несчастныхъ опцовъ своенравно
Не будешь опмщашъ на дѣпяхъ.“

*

„Край милый увидишь — и сердца ушрапы,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палашы,
И сердцу свяшья гробницы узришь!
Ошца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примушь опчизны сыны —
И ты дни окончишь въ пищи безмящежной,
На лонѣ родимой спраны.“

*

„Пусть рокъ мой — исполненъ поскою и мученьемъ,
Пребудешь примѣромъ опшизнѣ моей!
Да каждый, пылая преступнымъ опмщенъемъ,
Ипши не посмѣетъ спезею спрасшей!
Да видяпъ во мнѣ моей родины брапья,
Что рано иль поздно — измѣнѣ взгремяпъ
Ужасныя сердцу согражданъ прокляпья
И совѣспъ опъ сна пробудяпъ!“ —

*

Несчастный умолкнулъ съ душевной поскою;
Вдругъ спонъ по шемницѣ — и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою
И холодъ кончины его оковалъ!...
Такъ Глинскій — мужъ Думы и пламенный воинъ,
Погибъ на чужбинѣ въ тюремной глуши!
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мѣрѣ доспоинъ,
Когда бъ не надменность души!

Рылѣевъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XV.

ПРОЗА.

Видѣніе.

(Изъ Мейстера.)

Мнѣ казалось, что я перенесенъ былъ въ счастливыя спраны древней Италіи. Свѣжая зелень покрывала цвѣшущій берегъ; прелесныя рощицы проспирала прохладныя свои сѣни. Сладоспнѣйшія благоуханія весны разливались повсюду. Длинные ряды высокихъ деревъ приводили ко храму, воздвигнутому на вершинѣ опивѣсисаго холма. Казалось, что оный владычествовалъ надо всею окрестностію. Воздухъ былъ чистый и какъ бы прозрачный. Легкія облака, сославленные изъ золоша и пурпура, носились по краямъ обширнаго горизонша и возвышали крошкѣй блескъ его лазури. Очаровательная сія спрана озарялась какимъ-то небеснымъ, Магическимъ свѣшомъ: оный былъ ярокъ и блиспапелень, какъ свѣшъ прекраснѣйшаго дня и вмѣспѣ шихъ и сладоспень для взора, подобно сребристому сіянію луны, въ прекраснѣйшую лѣшнюю ночь.

Я приближился ко храму и думалъ уже видѣшъ предъ собою Киприду, одну изъ Грацій,

или сонмъ веселыхъ Нимфъ, всегдашнихъ ихъ соупницъ. Но какимъ сладоспнымъ содрога-
 ніемъ, какимъ свяшымъ благоговѣніемъ преис-
 полнилось мое сердце! Какое неожиданное и
 вмѣспѣ восхищительное явленіе предспавилось
 моимъ взорамъ! Одна изъ сихъ облачныхъ шка-
 ней, соспавленныхъ изъ золота и пурпура,
 спуспилась на землю. На ней возсѣдала нѣ-
 копорая небесная красота, коей плѣнительныя
 черты помрачали всѣхъ богинь Древности, без-
 смерпной Музою Гомера проспавленныхъ. Къ
 величеспвенному виду Юноны, къ пронцапель-
 нымъ взорамъ Минервы, къ очаровашельнымъ
 прелеспямъ Афродиты, присоединяла она како-
 по неизьяспимое сліяніе спрожайшей правопы
 съ чувспвищельнѣйшимъ соспраданиемъ. При-
 супспвіе ея всеяло въ душу священнй, чи-
 спѣйшій воспоргъ, дополѣ мнѣ неизвѣспный.
 Пламенникъ, копорый держала она въ рукѣ,
 озарялъ почпенный ликъ ея нѣкопорымъ шаин-
 спвеннымъ сіяніемъ.

»Нѣпъ!« сказала она мнѣ, угадывая мои мысли.
 »Я не принадлежу къ симъ баснословнымъ боже-
 спшамъ, кои споль долго усыпдали дѣпспво
 человѣческаго рода прелеспивыми мечшамъ пы-
 каго и своевольнаго воображенія. Ты сполько же
 обманываешься, если думаешь видѣпъ во мнѣ
 священнй ликъ Испины! Можетъ ли Испина,
 сокрышая въ лонѣ Предвѣчнаго, сойспи на землю
 и явисья, во всемъ своемъ блескѣ, слабымъ
 очамъ смерпнаго? — Но я Вѣра; я дщерь
 Испины, и дщерь ея любимая. Мнѣ предна-
 чено, показывашъ къ ней пушь сердцамъ добрымъ
 и чувспвищельнымъ, доспойнымъ ея познанія.

Ихъ-то благочестивому убѣжденію вѣрю я священные пайвы, коихъ, безъ моеи невидимой помощи, мысль смертнаго не могла бы никогда поспигнуть: великую пайну собсвеннаго ихъ бытія; первые лучи приугошвленной для нихъ будущности; слабый, но весьма уже благошворный опблескъ вѣчной премудрости, вѣчной благости, все сошворившей и о всѣхъ промышляющей. Чрезъ меня-то познають они, что сей попечительный Промыслъ Всевышняго еще удивительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели весь блескъ и все величіе безчисленныхъ солнць, коими усѣялъ Онъ вселенную.»

» Но вопшь двѣ сесшры мои, кои къ намъ приближаются! Тщешно будешь пы искашь ихъ въ опдаленіи опъ меня.»

Это была Надежда, опершаяся на золошой якорь и окруженная радужнымъ сіяніемъ изъ блиспапельнѣйшихъ цвѣшовъ. Это была Любовь, державшая въ рукахъ драгоцѣнную курильницу изъ древняго хризолита, увѣчанную фіалками и разливавшую чистѣйшія благоуханія Воспока.

» Смершныѣ«, продолжала Вѣра, » кои прилѣпляются къ намъ всеиъ сердцемъ, вскорѣ обрѣтають въ глубинѣ души своей всѣ радости, достойныя вѣчнаго обипалища блаженныхъ.»

При сихъ словахъ, копѣль я повергнушся къ стопамъ прехъ небесныхъ дочерей и посвящилъ имъ всю свою жизнь. Но сіе движеніе меня пробудило; чудесное видѣніе исчезло изъ моихъ взоровъ, но преисполнило душу чувствіями живѣйшаго умиленія и искреннѣйшаго благочестія.

Замокъ Кокенгүзенъ.

(Отрывокъ изъ живописнаго путешествія
по Лифляндіи.)

Мы прибыли сюда поздно вечеромъ. Дорога вела чрезъ гору Сеспукальнъ, лежащую близъ помѣстья Озельсгофа, — самую высокую изъ всѣхъ, которыя встрѣчались намъ на пути. По здѣланнымъ измѣреніямъ, возвышающа она надъ поверхностью Бальшійскаго моря почти на 700 Парижскихъ фушовъ. Отсюда имѣли мы прекрасный видъ. — Ты конечно не забылъ еще величественнаго утра и грозы на Брокенѣ и пріятныхъ вечеровъ, проведенныхъ нами въ Рюбеландѣ и при Роспрапфѣ. Счастливые сіи дни живо представляюща теперь моему воображенію. Безразсудно было бы сравнивать Лифляндскія горы съ сими колоссами Природы, коихъ величественная высота поражаетъ взоры наблюдателя и преисполняетъ душу его благоговѣніемъ. Но Природа вездѣ равно прелестна и горы Лифляндіи не менѣе плѣнительны. Повсюду, гдѣ мы только проѣзжали чрезъ гористыя мѣста, сердце наше оживлялось какимъ-то веселымъ чувствованіемъ, неизвѣстнымъ въ равнинахъ; какая-то неизяснимая сила разливалась по всѣмъ нашимъ нервамъ. Душа довольна была собою и окружающимъ ее міромъ; мысли наши изяснялись живѣе и свободнѣе. Такъ, другъ мой; человѣкъ, угнетенный судьбою, потерявшій довѣренность къ людямъ, человѣкъ, коему заботы жизни ослабили полетъ Генія, — долженъ посиѣшиться на высоту горъ. Здѣсь-то, подкрѣпивъ себя чистымъ, легкимъ воздухомъ,

съ новою бодростью возвратишься онъ къ шягоспному шуму жизни, подобно шуману, копорый, поднимаясь изъ долинъ понкими испареніями, ниспадаешъ пошомъ изъ облаковъ въ видѣ проливнаго дождя.

День склонялся уже къ вечеру. Удвоивъ шаги наши, поспѣшили мы къ мирнымъ берегамъ Двины, напаяющей своими водами большую часть Лифляндіи. Окресности Шпокмансгофа можешъ бытъ знакомы шебѣ по произшествію, случившемуся здѣсь, въ 1801-мъ году, съ извѣстнымъ Писателемъ, *А. фонъ Коцебу*. Описание онаго находишь въ I-й часши его книги: »Доспопамятнѣйшій годъ моей жизни;« а по-сему и считаю излишнимъ, о семъ распространяться. Скажу только, что мѣста сіи имѣли для насъ особенную привлекапельность. — Несчастіе другаго, случившееся даже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, все еще прогаешъ нѣжную струну чувствительнаго сердца и возбуждаешъ въ немъ живѣйшее соучастіе.

Съ правой спороны простиралась предъ нами цѣпь холмовъ, покрытыхъ соснами и сѣнолиственными деревьями. Съ лѣвой мелькала Двина, по вблизи, по издали. Черезъ нѣсколько минушь увидѣли мы на холмѣ мызу Шпокмансгофъ, копорой садъ, окруженный валомъ, простирается до самой большой дороги.

Мы имѣли еще довольно времени, чшобы осмотрѣшь ошатки развалинъ, лежащихъ влѣво отъ сей дороги. На одной только споронѣ ошталась стѣна, толщиной въ 4 фуша. Сей старый замокъ построень былъ на рѣчкѣ Локшингъ, копорая, соединяясь здѣсь съ Двиною,

образуетъ оспрый уголь. Знапоки Лифляндскихъ древносней полагають, что эпо былъ старинный замокъ *Герцике*, гдѣ имѣлъ пребываніе свое Россійскій Князь *Всеволодъ* или *Виссезольдъ*, какъ называется его *Генрихъ* Леппскій. Епископъ *Альбертъ*, желая опомспить за опущошенія, причиненныя симъ Княземъ, напалъ на него въ 1208-мъ году, побѣдилъ его и разрушилъ замокъ и городъ. Княгиня и всѣ дѣши взяшы были въ плѣнъ; но *Виссезольдъ* спасся бѣгствомъ. Сей несчастный Князь, съ прошивоположнаго берега *Двины*, увидѣвъ свой замокъ въ пламени и произнесъ съ горестію: «*Герцике*, любезный мой городъ! наслѣдіе предковъ! Горе мнѣ, осужденному видѣшь неожиданную погибель моего народа!»

Разстояніе опъ *Шшокмансгофа* до *Кокенгузена* соспавишь около двухъ миль. Чѣмъ ближе подъѣзжаете къ послѣднему, шѣмъ живописнѣе спановяшся окрестности. Ежели вдругъ перенесетесь опъ *Трейдена*, съ прекрасныхъ уединенныхъ береговъ рѣки *Аа*, на берега *Двины*; то найдете большое различіе въ сельскихъ видахъ.

Въ обоихъ мѣстахъ пропекають рѣки; но *Аа* гораздо менѣе и пещепъ пріятнѣйшими лучинами по плодоносной долинь. Здѣсь видите одну только цѣпь горъ, ибо прошивуположный берегъ *Курляндіи* имѣеть совершенно ровную землю. Тамъ долина по обѣимъ споронамъ ограничивается безпрерывными горами и какъ бы спдѣлена опъ прочихъ частей земли. — Здѣсь горы не сполько лѣсисты и имѣють болѣе осприя очерщанія. Тамъ онѣ

покрыты прелесными рошицами, между коими взоръ перяется въ пріятномъ разнообразіи: по съ обѣихъ споронъ, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, выдающся онѣ въ равнину; по раздѣляющся на нѣсколько оспраслей и образующъ множество небольшихъ, прохладныхъ долинь. — Здѣсь поражаетъ глазъ бѣлая извешковая скала; шамъ, изъ шрепещущей сѣни, съ улыбною проглядываетъ красноватый плишнякъ. Здѣсь весною и лѣтомъ, множество судовъ несущся въ Ригу, съ богатымъ грузомъ опечесивенныхъ произведеній; шамъ едва ли увидишь болѣе одной рыбачьей лодки. Кокенгузень изображаетъ собою усовершенствованную дѣйствительность, а Трейденъ идеальную, пашушескую Природу.

Всякой наблюдатель легко замѣнитъ сіе различіе, съ какой бы почки ни смотрѣлъ онѣ на мѣста сіи: съ горъ, или изъ долины. Прелесный Паркъ, который сама Природа разоспала, такъ сказать, между высотъ Кокенгузена и вдоль Перзебаха, конечно не можетъ равняться съ живописными берегами Аа; но и онѣ имѣетъ свои красоты. Сей увеселительный домикъ, лежащій на скалѣ горы; освѣняющіе его кустарники, кои предспавляютъ какъ бы нѣкоторый цвѣщущій куполь; сіи живописныя группы деревъ, разсѣянные по долинь; сія журчащая рѣчка, которая образуетъ два небольшихъ водопада и спремится въ Двину, недалеко опшуда прошекающую: — все сіе вмѣстѣ составляетъ прелеснѣйшую каршину. Если бы судьба осудила меня бытъ опшельникомъ; по въ этой долинь уединеніе конечно не нашель бы я скучнымъ или шагоспнымъ.

На другой день, рано по утру, взобрались мы на высошы Кокенгузена, кошорья со спороны Двины довольно крупы. Замокъ поспроенъ изъ дикаго камня, на извеспковомъ ушестѣ, между коимъ и Двиною лежишь большая дорога. Долина Перзебахская покрыша была еще мракомъ, между шѣмъ, какъ древнія спѣны озарялись уже яркимъ блескомъ упренной зари. Наконецъ, появилось величественное свѣшило дня. Мало по малу, вершины деревъ начали позлащаться его лучами; но сумрачная завѣса проспиралась еще надъ куспарниками долины. Казалось, что свѣшъ сражался со шьюю. Но гора бросала еще исполинскую шѣнь свою на рѣку, у подошвы ея шумящую. — Мы взопли на верхъ спѣны. На прошивуположныхъ висопахъ Перзешаля, видны были помѣспья Бильшпейнгофъ и Ашрадзень; съ Воспочной спороны мелькали предъ нами красныя кровли Паспорскаго дома и мызы Кокенгузень; наискось увидѣли мы, на другомъ берегѣ Двины, древнія развалины замка Альшоны; еще далѣе Клауеншпейнъ и Гришерсгофъ; но за ними предмешы сливались уже съ небосклономъ, въ легкомъ упренемъ шуманѣ. Это была одна изъ каршинъ, доспойныхъ *Клодъ-Лоррена*, но гораздо еще живѣе, блиспапельнѣе и разнообразнѣе! Какое Искусство можетъ сравниться съ прелестными произведеніями Природы! — Я хотѣлъ уже оспавишь свои сравненія; но мнѣ представилась еще одна мысль: Соглашаюсь, что берега Двины менѣе прекрасны; но воспоминанія минушаго дѣлають ихъ драгоцѣннѣйшими для моего сердца, придають имъ какую-то неописанную очаровашельность. Мѣста,

кои лелѣяли наше дѣшство, подобно первой любви, напечатлѣваюцца въ памяти нашей неизгладимыми чертами. Видѣ оныхъ исполняетъ душу живѣйшимъ воспоргомъ, нежели образъ совершеннѣйшей красоты на землѣ!

Во всякой странѣ есть мѣста, кои, по воспоминаніямъ древности, для жителей ея сдѣлались классическими. Для любителей Лифляндской Исторіи берега Двины вообще достопримѣчательны. Здѣсь поселились первыя Нѣмецкія колоніи; здѣсь, на новоустроенныхъ замкахъ, въ первый разъ развѣвались знамена, съ образомъ Пресвятой Дѣвы, покровительницы новопокоренной земли. Здѣсь происходили первыя бивы у Нѣмцевъ съ природными жителями Лифляндіи и сосѣдними владѣльцами. — Во время прибытія первыхъ, Кокенгузенъ (прежде Кокенуа) имѣлъ уже особливаго Князя, именемъ *Весцека*. Находясь въ зависимости отъ Полоцкаго Князя *Владимира* и чувствуя слабость свою, не зналъ онъ, къ чьей сторонѣ пристать. Неудачи *Владимира* рѣшили его сомнѣніе. *Весцека* заключилъ союзъ съ *Альбертомъ* и уступилъ ему часть своей земли. Другая, вмѣстѣ съ замкомъ Кокенуа, осталась въ его владѣніи, въ качествѣ леннаго помѣстья. Но человекъ, привыкшій однажды владычествовать, не охотно покоряется необходимости. *Весцека* тайно старался вредить Нѣмцамъ. Рыцарь *Ленневаденъ*, желая отмстить вѣроломному, напалъ на него въ замкѣ Кокенуа и взялъ его въ плѣнъ. *Альбертъ* не одобрилъ пошупокъ Рыцаря и не только далъ ему свободу,

но еще одарилъ его весьма щедро. Между пѣмъ дѣла ошозвали Епископа въ Германію. Какъ скоро *Весцека* узналъ о помѣ, шо напалъ на чужеспранцевъ въ сосѣдномъ округѣ и побилъ ихъ на-голову. Безразсудный не предвидѣлъ, что сіе понудишь Епископа скорѣе возвратиться въ Лифляндію, а Нѣмцы ошмспяшь ему жестокимъ кровопролишіемъ. *Альбертѣ*, предводительствуя своими спранниками, явился, въ 1207-мъ г., подъ спѣнами Кокенуа, и припомъ споль неожиданно, что *Весцека* едва успѣлъ за-жечь свой замокъ и спаспись бѣгспвомъ. Онъ удалился въ Новгородъ къ Великому Князю *Ярославу*, ошцу благочестиваго Героя *Александра Невскаго*. Отсюда никогда уже не возвращался онъ въ удѣлъ предковъ своихъ. *Альбертѣ* усшупилъ Гермейсперу *Финно-фано-Рорбаху*, преспью часпъ завоеваннаго Княжества и возспановилъ сгорѣвшій замокъ въ 1210-мъ году. Рыцарь *Рудольфѣ-фонѣ-Герихо* избранъ Начальникомъ онаго.

Въ 1229-мъ году, Рижскій Епископъ *Николай* ошдалъ Кокенгузень, вмѣспѣ съ прочими помѣспьями, въ удѣлъ Рыцарю *Тизенгаузену*. (Древнія лѣнописи называютъ его *Дитрихомѣ фонѣ Кокенцусомѣ*.) Сей женапѣ былъ на дочери послѣднѣаго языческаго владѣшеля сего замка. Но въ 1397-мъ г., Архіепископъ *Іоаннѣ фонѣ Валленроде* опяпъ опяпалъ онай у сей фамиліи, за шо, что она предана была Рижскому Соборному Капишулу и не хотѣла ему повиноваться.

Несогласія Лифляндскаго Ордена съ Архіепископами возобновились въ послѣдней половинѣ

15-го сполѣнія. Сильвестръ *Штобвассеръ* возведенъ былъ въ сей санъ и коварною своею Полипикою причинялъ великія смятенія въ Лифляндіи. Три Гермейспера, Оспгофъ фонъ *Менеденъ*, Іоганъ *Вольтусъ* и Берндтъ фонъ деръ *Борхъ*, вели явную войну съ симъ хищрымъ Прелашомъ. Онъ предалъ Рижскихъ житеелей проклятію и оплучилъ ихъ опъ церкви; наконецъ, призвалъ даже на помощь чужеспранныя войска. Но Берндтъ фонъ деръ *Борхъ*, въ 1479-мъ году, захвапиль его въ Кокенгузенѣ, гдѣ онъ вскорѣ попомъ умеръ. Важнѣйшая пошеря при сей осадѣ сосполя въ Лифляндскихъ лѣтописяхъ; ибо *Сильвестръ* приказалъ сжечь весь свой Архивъ.

Въ 1556-мъ году, Архіепископъ - Маргграфъ *Вильгельмъ*, осажденный Гермейсперомъ фонъ *Фюрстенбергомъ* въ Кокенгузенѣ, взяшь былъ имъ въ плѣнь и ошведенъ въ Смильшенъ. Но сильное заступленіе брата его *Альбрехта*, Герцога Прусскаго, и *Сигизмунда Августа*, Короля Польскаго, вскорѣ возвратило ему свободу.

Любопытныя могушь читати подробности сего похода въ Лѣтописяхъ *Руссова*, который рассказываетъ оныя со всею чисносердечною простотою своего времени.

Въ 1700-мъ году, во время войны Карла XII съ *Петромъ Великимъ* и его Союзниками, защищавшіе замокъ, по недоспапку пороха, должны были сдать его Саксонцамъ. Но сіи послѣдніе, по прошесивши года, привуждены были оставить оный и предъ выходомъ своимъ взорвали замокъ на воздухъ. Полагаюшь, что при семъ случаѣ разрушенъ былъ до основанія и самый городъ.

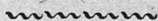
Ты можешь бышь удивишься, что я о семъ послѣднемъ не говорилъ доселѣ ни слова, между тѣмъ какъ во многихъ новыхъ Географіяхъ описывается оный съ довольною подробностію, какъ будто бы существовалъ и по нынѣ. Но съ сожалѣніемъ долженъ я признаться, что не нашелъ даже никакихъ слѣдовъ города. Самыя древнія Лѣтописи споль мало говорятъ объ ономъ, что неизвѣстно даже, въ которомъ году онъ построень. Можно только положить навѣрное, что городъ сей никогда не былъ значительнымъ, хопя въ 17-мъ сполѣшій особенный округъ назывался его именемъ, и хопя находились тамъ Ландгерихтъ и обласпная Консистерія. Нѣсколько обрушившихся сводовъ показываютъ, что оный лежалъ на горѣ у самага зámка. Теперь нашли мы тамъ вспаханное поле.

Сими Историческими воспоминаніями заключаю я свое описаніе Кокенгузена, можешь бышь слишкомъ уже длинное. Но съ прудомъ разспашюсь я съ сими мѣстами, въ коихъ провелъ первую лѣта моей молодости и кошорыя, еще долго и пріятнѣйшимъ образомъ, будутъ занимать мое воображеніе.

Съ Нѣлецъ. С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ А. Н. Ог—ну.

О ты, съ копорымъ я опъ юношескихъ лѣтъ,
Привыкъ позабываць непостоянный свѣтъ,
Привыкъ дѣлать мечты, надежды, наслажденья,
И Музы дѣвственной проспя пѣснопѣнья,
И тихіе часы досуговъ золопыхъ!
Другъ сердца моего и другъ стиховъ моихъ!
Завидую тебѣ: умѣреннымъ счастливымъ,
Твой духъ не возмущенъ мечшой славолубивой;
Ты, гордо позабывъ мяшежный свѣта шумъ,
Въ уединеніи, жилищѣ смѣлыхъ думъ,
Ведешь съ Науками невидимые годы
И жизнь свою, какъ ходъ шоржеспенный Природы,
Покорна мудроспи законамъ вѣковымъ.
Ты счастья не искалъ за рубежемъ роднымъ;
Но вѣрный самъ себѣ и опъ спраспей свободной,
Нашель его въ душѣ, проспой и благородной.
А я, повѣрившій надеждѣ молодой,
Обмануть счастьемъ, одинъ, въ спранѣ чужой,
Пою мою печаль — Пѣвецъ, душою сирый —
Какъ спруны хладныя Арминіевой лиры
И въ пишинѣ учусь душою посковать.
Но я еще люблю бывое вспоминашь;
Люблю въ спрану опцевъ въ мечпахъ переселяшьел
И всемъ ушраченнымъ, всемъ милымъ наслаждашься,
И съ вами быць душой, родимые друзья!
О незабвенный край, о родина моя!

Спрана, гдѣ я любилъ лишь прелести Природы;
 Гдѣ юности моей плѣнительные годы
 Капились весело незримою спруей;
 Гдѣ вѣчно царствующе съ опрадной пишиной
 Миролубивыхъ душъ живыхъ наслажденья;
 Спрана, гдѣ въ первый разъ богиня пѣснопѣнья
 Спыдливою рукой цѣвницу мнѣ дала,
 Огонь Поэзіи въ душѣ моей зажгла —
 И я, божественнымъ воспоргомъ оживленный,
 Воспѣлъ мои мечпы и мой удѣлъ смиренный,
 И неприпворною, свободною душой
 Благодарилъ боговъ за пѣсни и покой!
 Тогда, не зная людей, застѣнчивый мой Геній
 Не зналъ и зависши коварныхъ оскорбленій.
 Судь вѣрною толпы его не занималъ;
 Онъ пѣлъ для дружества и славы не искалъ.
 Но вы сокрылись, дни счастливаго незнанья!
 И чувства новыя, и новыя желанья
 Смѣнили навсегда покой души моей.
 Опдайте мнѣ, Судьбы, блаженство прошлыхъ дней,
 Опдайте мирныя опеческія сѣни
 И сердце безъ любви и умъ безъ заблужденій!
 Не щепно ль радости минувшія зову?
 Ужь бремя суепы стягчишь мою главу;
 Унылая душа невольно холодѣеть
 И на грядущее надѣяшься не смѣешь;
 И гаснешь жизнь моя! — Лишь пы, хранищель мой,
 Одна опрада мнѣ, забытому судьбой!
 Ты можешь, вѣрный жрецъ богини вдохновенья,
 Родить въ моей душѣ и жажду просвѣщенья,
 И твердость на пупи спасительныхъ прудовъ,
 И оживишь мой умъ и жаръ моихъ стиховъ.

Когда жь, опъ бремени суешь освобожденный,
Съ собою помиръсь и дружбой ободренный,
Я полечу въ страну, гдѣ молодость моя
Узнаеть миръ души и цѣну бытія?
О! сбудуся ль мои послѣднія желанья?
Клянусь, собравъ умомъ плоды образованья,
Провесъ въ кругу родныхъ, на родинѣ моей,
Осташокъ счастливый шобой спасенныхъ дней.
Тогда души моей воскреснушь наслажденья.
Забывъ коварный свѣтъ, въ пищи уединенья,
Я буду воспѣвать мой радостный удѣль,
Родимыя поля, просныя нравы сель
И праѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы —
И посвящашъ тебѣ дары моей цѣвницы!

Н. Языковъ.

Р о л а н с ъ.

Одинокъ въ облакахъ мѣсяцъ плыль туманный.
Одинокъ въздыхаль въ полѣ вишязь бранный.

*

По правѣ вкругъ него конь бродилъ уныло.
„Добрый конь, вѣрный конь! Понесемся къ милой!

*

„Не къ добру сердце мнѣ что-то предвѣщаетъ,
Не къ добру грудь моя шяжко въздыхаетъ;

*

„Не къ добру спутникъ мой, бродишь ты уныло. —
Добрый конь, вѣрный конь! Понесемся къ милой!“

*

Конь вздрогнулъ. Ты душою смушенъ, випязь бранный!
Быспро мчишь конь шебя къ споронѣ желанной!

*

Мчись, леши! но наспигъ рокъ шебя суровой —
Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой!

Баронъ Дельвиго.

*Къ портрету * * * * **

Опаснаго ея бѣгипе взгляда,
Иль бойшесь къ ней любовь несчастпную познашь! —
Какъ можно сполько чувствѣ глазами выражаешь!
И сполько сохраняешь, въ душѣ жестокой хлада!

Б — — ть.

Загадка.

(Омонимъ - Анаграмма - Шарада - Логогрифъ.)

Чипапели! всегда бываю я при васъ,
Но рѣдкостью меня счипаепе подь-часъ;
Когда жь я повернусь другою спороною,
Васъ часпю вижу подо мною;
Раздвинусь на-двое — и буквой и рѣкою
Зовепе вы меня. Смѣшайше же пеперь!
И вамъ предспавишся шакой ужасный звѣрь,
Котораго усы Гусарскихъ даже долъ;
А шамъ бѣднякъ, и Царь, извѣстный въ рашномъ полѣ.

Словаревъ.

Печашапъ позволяепся: 3-го Окпября, 1822-го года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XVI.

П Р О З А.

*Разсужденіе о суетности жизни теловѣтской,
на случай смерти Князя Потемкина.*

Соч. Дениса Ивановича фонъ-Визина. (*)

Незапная кончина Вельможи, возшедшаго на самый верхъ могущества и славы, привела мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ повореній Царя *Давида*. И дѣйствительно, я никого не знаю, кто бы такъ живо изобразилъ бренность суетной жизни человѣческой, какъ сей Богодухновенный мужъ. — Поучительныя его мысли собралъ я здѣсь, съ присовокупленіемъ моихъ разсужденій, не для чего инаго, какъ въ собственное мнѣ, душевное наставленіе, дабы я, прочитывая сіе, напоминалъ себѣ чаще часъ смертный и къ нему всегда приготавлился. Какъ скоро дошло до слуха моего извѣстіе о сей кончинѣ, то въ ту же минуту вспомнилъ

(*) Знаменитаго Автора Недоросля, Бригадира, Придворной Грамматички, Посланія къ слугамъ моимъ, писемъ изъ Франціи къ Графу Воронцову въ Москву, мыслей о Правленіяхъ и Законодательствѣ и многихъ другихъ, остроумныхъ и сапирическихъ сочиненій.

я сіе мѣсто изъ *Давида*: » Видѣхъ челоуѣка превозносящася, яко кедры Ливанскія, и мимо идохъ, и се не бѣ.« Преходя мысленно, какъ спремился онъ къ пріобрѣщенію славы міра сего и къ спяжанію земныхъ сокровищъ, ощутилъ я всю испину другаго Псалма Давидова, въ коемъ сказалъ онъ: » Внегда умреши ему, не возмешь вся, ниже снидешь съ нимъ слава его.« И дѣйствительно! Какъ можно себѣ предсавишь, чшобы всѣ подъяшыя шруды его, всѣ предпріемлемыя мѣры къ исполненію дальновидныхъ расположеній, на кои почши весь свѣшъ обращалъ свое вниманіе, пресѣклись и исчезли мгновенно? Не ощутишельна ль испина, Давидомъ произнесенная: » Суешны супъ помышленія челоуѣческая; шщепно предпринимають; Богъ располагаетъ по волѣ Его.« Не смошря ни на шипла свѣшпоспи, ни на силу знашноспи, ни на блескъ сокровищъ, разишь смершь внезапнымъ ударомъ. Оный не даетъ имъ времени довершишь благодѣяній своихъ шѣмъ, кому добра желаюшь, ни удовлешворишь шѣхъ, предъ кѣмъ чувствуюшь себя виноватыми. — А вы, обманувшіесе въ надеждѣ будущаго своего счастья, пресѣченіемъ жизни пресавившагося Вельможи! — вы негодуете шеперь за то, для чего не успѣлъ онъ совершитъ истиннаго вашего счастья. Не забываєте ли вы, что преселившійся нынѣ въ вѣчну ю жизнь благодѣшель вашъ не имѣлъ силы, ни на одно мгновение ока опдалишь конца своего? Не сами ль виноваты вы, не внемля ошерегавшаго васъ Пророка, глаголавшаго сіе: » Не надѣйшесе ни на Князи, ни на сыны челоуѣческіе, въ нихъ же нѣсшь спасенія. Извидеть духъ

его и возврапится въ землю свою; въ шой день погнбнуть вся помышленія его?»

Смерть сія естѣ великое поученіе сильнымъ міра сего. Она являетѣ, что слава міра естѣ суешна. » И да не приложишь человекъ къ тому, величатися на земли.«

Я обращаю теперь рассужденія на самого себя. Всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я страдаю самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго. Не болѣе, какъ въ теченіе года поразили меня шакowychъ чешыре удара; но Господь, защитишель живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти. Угодно было святой воли Его, лишитѣ меня руки и ноги и части употребленія языка, сходно изреченію: »наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя.« Но сіе лишеніе не почишаю я дѣйствіемъ гнѣва Божія, а паче почишаю дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія; ибо воспоминаю, что лишился я пораженныхъ членовъ въ самое то время, когда возвращаюсь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечшою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію меня въ суешную знаменитость. Тогда Всевидецъ зная, что шаланшы мои могутѣ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня способъ изъясненія словесно и писменно, а просвѣтилъ меня въ рассужденіи меня самого. — Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ, и не прешану до конца жизни моей восклицати: »Господи, благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!«

Хорошіе дома въ Парижѣ.

Я часто вспоминаю о доброй моей шепкѣ, у которой провелъ нѣсколько лѣтъ счастливаго дѣтства. Какъ бы она удивилась, если бы могла возвратиться съ того свѣта и взглянуть на нынѣшніе, такъ называемые *хорошіе дома*! Покойная шепка моя жила въ провинціальному городѣ, гдѣ люди, имѣющіе отъ 4 до 5000 фр. годоваго дохода, почищаются уже богатыми. Домъ ея принадлежалъ дѣйствительно къ лучшимъ въ городѣ. Въ погребѣ ея находилось всегда 10 или 12 бочекъ хорошаго вина, изъ собственныхъ ея виноградниковъ; прудъ ея наполненъ былъ прекрасною рыбою; въ огородѣ произрасала въ изобиліи поваренная зелень; десятокъ два окороковъ висѣли на чердакѣ; а богатый запасъ сухихъ фруктовъ, варенья и наливокъ съ трудомъ помѣщался въ ея кладовой. Легко можно себѣ представить, что шепка моя достойнымъ образомъ могла принимать и угощать Земскаго Исправника, Гусарскіихъ Офицеровъ, кои отъ времени до времени прѣзжали за ремонтомъ, и даже самого Губернатора, когда онъ посѣщалъ сію провинцію. При сихъ чрезвычайныхъ случаяхъ мыли и чистили старинное серебро; выставляли на показъ весь Японскій фарфоръ; а егеръ и садовникъ надѣвали ливрею съ галунами и съ важностію служили за споломъ. Коротко сказать, весь домъ принималъ какой-то торжественный видъ. Не подумайте однако жъ, чтобы шепка моя была знатная барыня. Совсѣмъ нѣтъ. Мужъ ея былъ простой частный человекъ, который жилъ умереннымъ своимъ доходомъ, не мѣшался ни

въ какія шорговыя спекуляціи, не принималъ участія ни въ опікупахъ, ни въ подрядахъ. Самый домъ скорѣе показывалъ изобиліе, нежели роскошь. Мебели онаго, всегда чисныя и чрезвычайно покойныя, давно уже вышли изъ моды. Тешка моя могла принять къ себѣ дваццать человѣкъ прїѣзжихъ и каждому изъ нихъ дать небольшой уголокъ и хорошую постелю; но въ цѣломъ домѣ не было ни одной *кушетки*, ни одного *шезлонга*. Гардеробъ ея наполненъ былъ бѣльемъ и плашьемъ для всѣхъ временъ года; но въ комнапахъ не было ни мраморовъ, ни бронзь, ни дорогихъ картинъ. Хозя добрая моя родственница занимала почетное мѣсто въ своей провинціи; но я и тогда уже былъ увѣренъ, что истинно *хорошіе*, богатые дома находятся только въ Парижѣ. Я неперпѣливо желалъ увидѣть сію столицу Франціи, которая почищается вмѣстѣ столицею моды и вкуса. Черезъ нѣсколько времени нашелся къ тому удобный случай; я переселился въ Парижъ; но прїянное заблужденіе мое было непродолжительно.

Многократныя опыты вскорѣ меня удостовѣрили, что наружный блескъ не всегда бываетъ признакомъ изобилія и счастья. Но слѣдующій случай убѣдилъ меня въ томъ совершенно. Однажды являешся ко мнѣ человѣкъ, находившійся въ услугахъ у одного изъ моихъ знакомыхъ. «Я слышалъ», говоритъ онъ мнѣ, «что Вы ищете себѣ слугу, и пошому осмѣливаюсь предложить» — «Какъ!» вскричалъ я. «Ты не хочешь оставашся у Г. З*? Что могло побудить тебя, оставить такой хорошей домъ?» — «Да, сударь; хорошій, если Вамъ

угодно... « — »Но Г. З*. довольно богатъ? « —
»Вы хошите сказать, что онъ много прожи-
ваетъ.« — »Загородный домъ его стоить около
300,000 франковъ.« — »И находишься въ залогѣ
въ 400,000! « — »Но его мебели? « — »До сихъ
поръ не заплачены.« — »А лошади и экипажи? «
»Все наемное.« — »Но его споль? « — »Все поку-
паешь въ долгъ « — »Но его люди? « — »Нѣсколь-
ко мѣсяцовъ уже не получали жалованья; и вопи
причина, почему я рѣшился его оставить.« —
»Но неужели не имѣешь онъ друга, котораго
бы помогъ ему въ нуждѣ? « — »О, у него много
друзей; но всѣ они ведутъ подобный образъ
жизни. На прим. прешняго дня, изволили Вы
кушать у Г. К*. Знаете ли, для чего съли шамъ
за споль не прежде 8-ми часовъ? « — »И думалъ,
что въ этомъ домѣ всегда шакъ бываетъ.« —
»Ахъ нѣтъ! Серебро и споловое бѣлье взяты
были на прокатъ и привезены не ранѣе 7-ми
часовъ. Замѣтили ли Вы, что Г-жа И. не могла
воздержаться отъ коварной усмѣшки, когда Вы
хвалили брилліанты Г-жи В.? Знаете ли Вы,
что было тому причиною? « — »Можетъ быть
зависть? « — »Совсѣмъ нѣтъ! Г-жа И., а можетъ
быть и всѣ госши, кромѣ Васъ, очень хорошо
знали, что камни эти были фальшивые. Но я
скажу Вамъ еще одинъ примѣръ. Вы конечно
знакомы съ любезнымъ молодымъ человѣкомъ,
Г-мъ *Альфонсомъ*? « — »Который давалъ не-
давно прекрасный балъ? Безъ сомнѣнія. —
»Такъ я скажу Вамъ, что Вы и всѣ го-
сши были обмануты мнимою его роскошью.
Домъ, въ которомъ онъ принималъ Васъ,
нанятъ съ мебелью; вино, которое кушали

Вы съ такимъ удовольствіемъ, поддѣлано однимъ погребщикомъ, корошко мнѣ знакомымъ; споловая посуда, которую принимали Вы за серебро, была изъ Англійскаго *апплике*, да и ша взята на-прокашъ изъ магазина; самые люди, кои Вамъ служили, наняшы были имъ на одинъ день, или взяшы у пріятелей. При всемъ томъ, цѣлый городъ говорилъ объ эпомъ балѣ и всѣ донныѣ увѣрены, что домъ Г. *Альфонса* принадлежитъ къ числу хорошихъ и богатыхъ.» — «И шы много знаешь подобныхъ людей?» — «Очень много, милоспивый Государь. Я служилъ по крайней мѣрѣ у 20-ти извѣстныхъ расшочителей и оставилъ ихъ, когда они перестали мнѣ плашш.» — «Что жъ они шеперь дѣлають?» — «Скрываються въ углу какого-нибудь предмѣстія и ожидають случая, поправиль свое соспоянїе наслѣдспивомъ, игрою, или женидьбою, дабы опяшь завести *хорошій* домъ и — раззорилься въ другой разъ!»

Съ Франц.

*Мысли Графини Буфлеръ,
собранныя Герцогомъ Левисомъ.*

Графиня *Буфлеръ* принадлежала къ числу любезнѣйшихъ женщинъ своего времени. Она была искреннимъ другомъ Принца *Конти*, который также славился острою ума и непринужденною пріятносною своей бесѣды. Они ежедневно бывали вмѣстѣ, и Г-жа *Буфлеръ*, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, была душою сего общества. Я мало зналъ ее; но собралъ

нѣкоторыя ея мысли и правила, кои, какъ мнѣ кажешся, заслуживающъ бытъ извѣстнѣе. Можешъ бытъ нѣкоторыя замѣшпять, что въ сихъ спрочахъ нѣтъ ничего новаго. Не спорю, что разбирая шворенія древнихъ и новыхъ Моралиштовъ, нельзя не найши мнѣній, кои, будучи иваче изъяснены, заключающъ въ себѣ почти шощъ же смыслъ. Но я почишаю шрудъ сей неблагодарнымъ и думаю, что одна шолько празднаая зависшъ можешъ найши въ ономъ какулибо пріятность. Предоставляя оный другимъ, съ удовольствіемъ и признательностію выписываю сіи мысли, шоль же справедливыя и правоучительныя, какъ и хорошо изъясненныя. Я не забочусь о шомъ: не сказала ли Зооастрѣ или Конфуцій чего-нибудь подобнаго, за 2 или 3000 лѣтъ предъ симъ? Надѣюсь, что и Чингисхели будущъ того же мнѣнія.

Вотъ правила Г-жи *Буфлерѣ*:

»Въ поведеніи простота и разсудительность; въ наружности сирятность и благоприспійность; въ поступкахъ справедливость и великодушіе; въ употребленіи своего имущества бережливость и щедрость; въ несчастіи непоколебимость и гордость; въ благоденствіи скромность и умѣренность; въ словахъ истина, ясность и шощность; въ обществѣ ласковость, услужливость и дружелюбіе; въ отношеніи къ своимъ домашнимъ справедливость безъ излишней строгости и шнисхождение безъ короткости.»

»Надобно исполнять каждую изъ своихъ обязанностей, шсмотря по важности оной и по отношенію къ прочимъ.»

»Надобно избѣгатьъ случаевъ, даваяшь совѣщья. Если же сіе необходимо, шо должно присту-
пать къ тому съ совершеннымъ чистосерде-
чіемъ, хотя бы шо и подвергало насъ непрят-
носпямъ.»

»При исполненіи важной обязанности должно
почищать всякую опасность и даже самую
смерть однимъ только запрудненіемъ, а не
препятствіемъ.»

»Надобно жерпивовашъ всемъ — для спокой-
ствія душевнаго.»

»Лучшее лѣкарство опть душевныхъ и тѣлес-
ныхъ страданій, есть — умѣренность.»

»Надобно бышь равнодушнымъ къ похвалѣ и
порицанію; но слѣдуя предписаніямъ Нравствен-
ности и влеченію сердца, не должно однакожь
презиратьъ общаго мнѣнія и — сколько можно,
согласовашъ поступки свои съ законами при-
личія.»

»Тѣ только шушки позволишельны, кои не
нарушаютъ правилъ Нравственности и — не
вредятъ ближнему.»

Сіи мысли Г-жи *Буфлеръ* списаны мною съ
подлиннаго экземпляра. Оный принадлежитъ
нынѣ одной достойной ея почишательницѣ и
съ нѣсколькихъ лѣтъ уже хранился, какъ
драгоцѣнность, въ ея коммашѣ, за стекломъ и
въ богашой рамѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В о л ы н с к і й.

Д у м а.

~~~~~

„Не пошь опчизны вѣрный сынъ,
Не пошь въ справѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго щеславья!
Пусть будетъ мужъ Совѣща онъ
И мученикъ позорной казни,
Споюшь за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни.

*

Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неоспразимсю грозой,
Какъ покорили Казани.
Пусть удивляетъ . . . . Но когда
Онъ все шворитъ по изъ щеславья;
Вѣда нещаспному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья.

*

Гласъ общій цѣну дасъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —
И на проклятіе вѣкамъ
Предасся рабъ сей опъ попомства.
Не пошь опчизны вѣрный сынъ,
Не пошь въ справѣ Самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго щеславья!

*

Но пошь, кто съ гордыми въ борьбѣ,
Наградъ не ждешъ и ихъ не просипъ
И забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приносишь.
Прошивъ пирановъ люпыхъ пвѣрдъ,
Онъ будешъ и въ цѣлхъ свободенъ,
Въ часъ казни правою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

*

Повсюду честный человекъ,
Повсюду вѣрный сынъ опчизны,
Онъ проживешъ и кончипъ вѣкъ,
Какъ другъ добра безъ укоризны.
Ковашъ ли спанешъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣли,
Онъ на него — какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ снени!

*

И хопъ падешъ — но будешъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной,
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, Герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

*

Вражда къ неправдѣ закипипъ
Неукропимая въ попомкахъ —
И Русь священная узрипъ
Неправосудіе въ обломкахъ.“ —

Такъ сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несть онъ горделиво.

*

Спраць Сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнь и Вирономъ,
Дерзнулъ на пришлеца одишь.
Всю правду высказавъ предъ трономъ,
Открылъ Царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокий.

*

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій
И ждалъ съ безпрепешной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Недолго вольности лишёнъ,
Герой влачилъ свои оковы;
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входилъ спраць къ нему суровый.

*

Проникъ — и осѣнясь Крестомъ,
Сказалъ: „За истину свящую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ!
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жершвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

*

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордою опвага;
И бодро изъ шюрьмы своей
Шель другъ общеспвеннаго блага.
Пришекъ . . . увидѣль палача —
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча —
И кровью освѣпилась плаха! —

*

Сыны опечеспва! Въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при врапахъ
Почіешъ прахъ врага Вирона!
Опець семейспва! Приведи
Къ могилѣ мученика сына;
Да закипишь въ его груди
Святая ревность гражданина!

*

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переносишь,
И, благородная душа,
Пусть личность всякую опброситъ.
Пусть будешь чесни образцомъ,
За спраждущихъ — желъзной грудью
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Поспѣдному неправосудью.

Рылѣевъ.

Примѣтаніе.

Оберъ-Егермейсперь и Кабинетный Миниспръ, Ар-
спемій Пешровищъ Волынскій, служилъ Государямъ
Пешру I-му, Екашеринѣ I-й, Пешру II-му и
Аниѣ. Въ послѣдніе годы царспвоанія Императора

Петра I-го былъ онъ Астраханскимъ Губернапоромъ и участвовалъ въ 1723 году въ усмиреніи Калмыковъ. При Императрицѣ Аннѣ, вскорѣ по соспавленіи Кабинета, былъ онъ назначенъ Кабинетнымъ Министромъ и находился въ семь высокомъ званіи до 1736-го года, въ которое время отправленъ былъ вмѣстѣ съ Д. Т. С. Варономъ Шафировымъ и Т. С. Неплюевымъ на Кемировский Конгрессъ, для переговоровъ съ Турками. Возвратившись ко Двору, онъ оставался въ Кабинетѣ до 1740 года. Тупъ, движимый Папріоцизмомъ и раздѣляя всеобщую ненависть къ Бирону, воспользовался онъ однажды — удобнымъ случаемъ, чтобы подать Императрицѣ челобитную, въ коей представлялъ о необходимости удалить Бирона. Мстительный любимецъ узналъ о семъ и рѣшился погубить мужа-Папріопа (*). Фельдмаршалъ Минихъ упоминаетъ, что самъ видѣлъ, какъ Императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговоръ Волынскаго. Преданіе говоритъ, что происшествіе сіе имѣло сильное вліяніе на добрую, но слишкомъ доверчивую Государыню, и ускорило ея кончину.

О характерѣ Волынскаго Кн. Шаховской въ Запискахъ своихъ говоритъ, что онъ, разговорами своими, поселялъ высокое мнѣніе о любви своей къ опеческву, о ревности ко славѣ Монаршей и усердіи къ пользѣ общеспавенной.

Казнь Волынскаго послѣдовала 8-го Іюля, 1740-го года. Онъ похороненъ на кладбищѣ церкви Самсонія, что на Выборгской споронѣ, вмѣстѣ съ друзьями своими Хрущовымъ и Еропкинымъ.

(*) Волынскій былъ неостороженъ въ словахъ. Биронъ симъ воспользовался; наряжена была Комиссія, сорпавленная изъ его враговъ, чтобы судить Волынскаго. Мужъ сеи погибъ на плахѣ; друзья его были частію казнены, частію сосланы.

Къ Портрету Князя П. А. В — го.

Кого не увлечётъ палантъ сего Поэта?

Ему никто не образецъ;

Онъ сыплетъ оспрошой, играетъ; но Мудрець

Еще въ младыя лѣта!

---

*Отвѣтъ на другое Посланіе С. П. Б. - П . . . . ,
которая называетъ себя младенцемъ, въ от-
ношеніи къ стихотворческому ея дарованію.*

Не спану сравнивашъ Горациа впредь съ Вами:

Младенцемъ былъ ли онъ Пипъ —

О томъ Испорія молчишь.

Но знаемъ, что дитя - Овидій ужъ стихами

Просилъ прощенія у мащери своей,

Когда по рѣзвости виновенъ былъ предъ ней.

И тѣмъ я болѣе съ Поэтомъ Превращеній

Сравню по чувству сердца Васъ,

Что стихотворческой Вашъ юный, пылкій Геній

Мнѣ крылья придаетъ — и съ Вами на Парнассъ,

Сшарикъ, какъ бабочка, лепѣшь, паришь дер-
заетъ! . . .

Но онъ объ учасши Икара воспоминаешь,

И лиру скромную кладешь у Вашихъ ногъ! . . .

Ахъ! поже сдѣлалъ бы и самъ нашъ милый богъ! . . .

Со всею божескою силой,

Со всѣмъ величіемъ безсмертья на челѣ,

Чего не дѣлали и боги на землѣ

Для смерщной милой? . . .

Князь Шаликовъ.

---

*Къ И. И. Дмитріеву, въ день рожденія,
Сентября 10-го.*

На осень не смотря, весенніе Зефиры,
Когда родился Ты, Твою согрѣли грудь —
И не угаснетъ огонь Твоей вѣвки лиры! . . .
Какъ въ славѣ, Неспоромъ равно и въ жизни буди!

К. III — вѣ.

Къ портрету А. С. Пушкина.

Талантъ и чувства въ немъ созрѣли прежде дѣшъ.
Овидій нашъ, онъ спалъ ко славѣ Музъ Поэтъ!

К. III — вѣ.

Объясненіе загадки, помѣщенной въ предъиду-
щемъ No.

Омонимъ — *икра*; Анаграмма — *арки*; Шарада —
ик-ра; Логогрифъ — *ракъ, Ирѣ, Кирѣ.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. ХVII.

П Р О З А.

Приказъ, отданный Императоромъ Петромъ Великимъ воинству своему, въ день Полтавскаго сраженія, Юня 27-го дня, 1709 года.

Воины! Вопрь пришелъ часъ, который рѣшишь судьбу опечесства. — И шакъ не должны вы помышлять, что сражаешесь за Петра, но за Государство, Петру врученное; за родъ свой, за опечесство, за православную нашу Вѣру и Церковь. Не должна васъ шакже смущать слава непріятели, будто бы непобѣдимаго, которой ложь вы сами своими побѣдами надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ! А о Петръ вѣдайше, что Ему жизнь Его не дорога; только бы жила Россія въ блаженствѣ и въ славѣ, для благосостояніа вашего!

Историческое извѣстіе о плѣнѣ Шуйскихъ.

Человѣкъ мужественный и великодушный съ радостію въ сердцѣ воспоминаетъ прошедшія бѣдствія, побѣжденныя его постоянствомъ и бесстрашіемъ. Человѣкъ слабый духомъ съ ужасомъ взираетъ на минувшія несчастія. Сіе сужденіе о частныхъ лицахъ можно примѣнить и къ цѣлымъ народамъ. Мужественный и великодушный народъ любитъ вникать въ происшествія, имѣвшія горестныя послѣдствія для его опечесства, дабы извлечь изъ нихъ спасительныя уроки и удалить по возможности причины, навлекшія сіи гибельныя событія.

Раскроемъ Исторію и увидимъ, что безначаліе и внутренніе раздоры всегда бывають причиною величайшихъ несчастій. Они - по угрожали паденіемъ Россіи, по прекращеніи рода Рюрикава. Могущественная сія спржава, терзаемая внутренними и внѣшними врагами, претерпѣвала всѣ возможныя бѣдствія. Древняя ея столица содѣлалась добычею Поляковъ, а Царь военнопленнымъ. Обширное Государство было уже на краю гибели и склоняло вью подъ яремъ чужеземный. Надежда начала угасать въ сердцахъ истинныхъ сыновъ отчизны; но явились *Пожарскіе, Минины* и — тысячи гражданъ воспрянули спитъ посмѣдной дремоты. Они сразились и — Москва узрѣла въ спѣвахъ своихъ хоругвь отечесства. Тогда враги смирились; похищенные престрла были изгнаны и родъ *Романовыхъ*, ко благу Россіи и вселенной, возсѣлъ на пронѣ Рускомъ, древнемъ дошвеніи его предковъ. Такимъ образомъ любовь къ отечесству превозмогаешь всѣ удары судьбы.

и поржествуетъ надъ несчастіемъ; а воспоминаніе Геройскихъ подвиговъ какого-либо народа, а особливо намъ соплеменнаго, пріятно для всякаго чувствительнаго и образованнаго челоѡвка.

Сіи размышленія да предшествоуютъ слѣдующему извѣстію о торжественномъ представленіи Королю Польскому плѣннаго Царя *Василія Ивановича Шуйскаго*, которое намѣренъ я сообщить Читателямъ. Сей отрывокъ почерпнуть мною изъ древняго манускрипта, хранящагося въ библіотекѣ Князя *А. А. Ч.* и былъ уже напечатанъ въ Польскомъ Журналѣ, подъ заглавіемъ: *Новый Варшавскій памятникъ на 1804-й годъ*, въ томѣ XIII-мъ; — изданіи весьма рѣдкомъ, ибо малое только число экземпляровъ оного осталось у Книгопродавцовъ. Я спарался, сколько можно, сохранить точность въ переводѣ.

» Въ 1811-мъ году, 29-го Октябрю, слѣдующій день послѣ праздника Святыхъ Апостоловъ *Симеона и Иуды*, достопамятенъ былъ представленіемъ Королю Польскому, *Сигизмунду III*, плѣннаго Царя Московскаго съ двумя его братьями. Въ 4 часа по полуночи коронный Гешманъ *Жолкевскій*, съ нѣкоплыми Польскими и Липовскими Вельможами и Земскими Послами, сопровождаемые своею свитою и воинствомъ, повезли Царя въ замокъ, чрезъ Краковское предмѣстіе и съ великими почестями (*honorificentissime*). За Гешманомъ непосредственно слѣдовала Королевская опкрытая кареша, запряженная въ 6-шь лошадей. Въ сей карешѣ сидѣлъ самъ Царь, въ бѣлой длинной парчевой одеждѣ и въ остроконечной горностаевой шапкѣ. Онъ былъ небольшого росшу, сушуловашъ, круглолицъ,

смугль, съ корошко подсприженною бороною, до половины посѣдѣвшею; глаза имѣль онъ впалые и суровые, носъ длинный, нѣсколько горбатый и ротъ широкій. Предъ нимъ сидѣли два его родные брата *Шцуйскіе*, старшій *Дмитрій* и младшій *Иванъ*; а между ими, въ ерединѣ карешы, но пониже, сидѣль Приспавъ Королевскій. Какъ кареша сія была открыта и все можно было видѣть; по и спеченіе народа было весьма многочисленно. По прибытіи въ замокъ, гдѣ и Королева со всѣмъ Дворомъ своимъ на нихъ смопрѣла, введены они были въ большую Сенапорскую Палату и поснавлены предъ прономъ Королевскимъ. Царь съ брашьями, кои поклонясь Королю, съ шапками въ рукахъ стояла передъ прономъ Его Величества, предспавляли собою печальное зрѣлище непостояннаго счастья. Присупствующіе вспоминали бывшія въ недавнемъ времени распри между Королями Польскими и Царями Московскими, о помъ, кому должно прежде снимать шапку и уступать первое мѣсто. Качая головами, удивлялись они великому счастью Короля и неожиданному надъ нимъ благословенію Божію. Присупствіе сего мужа и воспоминаніе о прежнемъ его величіи возбуждали состраданіе въ зришеляхъ. Каждый предспавляль себѣ въ недавнемъ времени цвѣшущее соспоянне, богатство и могущество споль великаго Государства; видя же сего владѣтеля, сверженнаго съ шолкой вышины, всѣ сожалѣли о немъ искренно. Съ любопытствомъ взирали на него Король, Сенапоры и Послы земскіе, восхваляя Бога въ сердцахъ своихъ. Царь также смопрѣль на

всѣхъ съ любопытствомъ при видѣ такого величія Короля, Сенапа и всѣхъ Сословій (tantam majestatem Regis, Senatus et Ordinum), а особливо, когда въ числѣ Сенапоровъ увидѣлъ онъ Юрія Мнишкы, Воеводу Сендомирскаго, опца бывшей Царицы Московской. Попомъ Коронный Гешманъ Жолкевскій вспаль съ своего мѣста и произнесъ прекрасную рѣчь о непостоянствѣ земнаго счастья. Удивляясь особенному благополучію Короля, похвалялъ онъ его мужество и благоуміе въ споль великихъ и чудесныхъ подвигахъ, копорыми онъ сомнительное счастье умѣлъ склонить на свою спорону; исчисливъ шакже шруды его при взятіи Смоленска и сполчнаго города Москвы, и указуя на предстоящаго Великаго Царя Московскаго, напоминалъ о могуществѣ знаменитыхъ его предковъ, не шолько спрашныхъ предъ симъ Коронъ Польской, самому Королю и сосѣдственнымъ Государямъ, но даже и грозныхъ прошивниковъ Турецкому Султану и почти всему свѣшу, по величію и необьящной силѣ своего могущества.» (*)

(*) Симъ заключается сей опрывокъ, полученный нами опъ одного почтеннаго любителя Испоріи и Древностей. Прочитавъ оный, не можемъ не повшорить разсужденій, коими начинаешь онъ сію спашью. Но бѣдственная эпоха, здѣсь описываемая, была шолько предвѣщаніемъ новаго величія и благоденствія, въ копорыя облеклась Россія, когда благословенный Домъ Романовыхъ ушвердился на ея пресполь.

Древности, найденныя въ Тавридѣ.

Извлечение изъ книжки: Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride etc. — Par Mr. de Blaramberg. (·)

Верспахъ въ 5-ти ошъ шого мѣста, гдѣ, какъ полагають, находилась древняя Паншикапея, возвышается могильный холмъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Золотаго кургана*. Судя по нѣкоторымъ вещамъ, недавно здѣсь вырытымъ и доставленнымъ изъ Керчи къ Его С-ву, Графу А. Ф. Ланжерону, должно думать, что холмъ сей былъ гробницею какой-нибудь весьма знашной особы. Къ сожалѣнію, драгоценныя сіи остатки до шого пострадали ошъ времени и сырости, что шрудно будетъ опредѣлять почную эпоху ихъ древности и почти невозможно разпознашь собственное оныхъ употребленіе.

Всѣ догадки наши основываются на Греческой надписи, кошую нашли мы на одной вазѣ, о коей упоминаемъ въ послѣдствіи. Она ясно доказываетъ, что помянутый курганъ принадлежишь къ остаткамъ Греческихъ гробницъ, воздвигнутыхъ древнею Милезскою колоніею, основавшеюся въ сихъ мѣстахъ за нѣсколько вѣковъ до нашего Лѣтосчисленія. (**)

(·) Въ No. 237-мъ Р. И. помѣщено краткое извѣстіе о сей любопытной книжкѣ. Мы надѣемся угодить нѣкоторымъ изъ Читателей, сообщивъ изъ оной пространнѣйшее извлечение.

(**) Если вѣрить Стефану Византійскому и Евстафію, Паншикапея основана однимъ изъ сыновъ Азты и братьевъ Медей. Преданіе сіе кажется однакожь баснословнымъ. Знаменитый Антикварій, Г. Рауль-Рошешъ предполагаетъ, что первая Милезская колонія основалась въ Тавридѣ около 572-го года до Рождества Христова. (См. его Histoire des colonies grecques, T. III., p. 390.)

Сообщаемъ краткое обзорѣніе найденныхъ предметовъ и догадки на нихъ объ употребленіи оныхъ.

I. Два обломка шара или яблока, здѣланнаго весьма искусно изъ шпонкой серебряной проволоки и украшеннаго снаружи золотыми пшпцами изъ рода *Хеналепсовъ* или *Египетскихъ гусей*. (Пшпцы сіи починались девизомъ родишельской нѣжности.)

Мы предполагаемъ, что сей шаръ или яблоко укрѣплено было на особой рукоянкѣ, коей не найдено однакожь никакихъ слѣдовъ. Въ семь случаевъ, оба сіи предмета вмѣстѣ составляли Начальнической жезль, который древніе называли *Вакурія*; слово, изъясненное *Плутархомъ* въ жизни *Велистокла*. Жезлы сіи имѣли, какъ кажется, различныя формы. Тотъ, о коемъ мы здѣсь упоминаемъ, здѣланъ былъ, судя по найденному яблоку, въ Азіятскомъ вкусѣ. При всемъ томъ изяществе работы и всѣхъ украшеній заставляющъ думать, что надъ онымъ трудился Греческій Художникъ. Чтожь касается до символа родишельской любви; то и сей послѣдній не могъ быть чуждымъ для военачальника, который всегда — и наипаче у Древнихъ — починался опцамъ своихъ подчиненныхъ.

II. Глиняный сосудъ, о коемъ упоминали мы выше, съ Греческою надписью по краямъ, означающею: *Эзархъ, сынъ Аристоновъ*. (Вѣроятно имя Чиновника; имѣвшаго надзоръ надъ ремеслами и фабриками.)

Нѣкоторые полагаютъ, что сія ваза или урна заключала въ себѣ прахъ особы, въ честь коей воздвигнута была гробница. Но мы не раздѣ-

ляемъ сего мнѣнія, основываясь опчаспи на ошкрытіи, здѣланномъ, за нѣскольکو лѣтъ предъ симъ, въ другомъ курганѣ, въ недалекомъ разстояніи опъ сего мѣста. Здѣсь найдено 13 сосудовъ сегожь рода, соспавляющихъ вмѣстѣ нѣкошорый родъ пирамиды, кошорая прикрывала и окружала большую и прекрасную урну съ пепломъ. Посему-то мы и полагаемъ, что ошкрышый здѣсь сосудъ упошреблялся скорѣе для изліяній вина и масла, кошорыя обыкновенно совершали Древніе при шоржешпвенномъ погребеніи умершихъ.

III. Небольшая спашуя изъ мешаллическаго соспава, называемаго *Electrum* (*), вышиною въ 1 дюймъ и 4 линіи.

Сія спашуя, впрочемъ довольно посредшвенной работы, прислонена къ небольшой колоннѣ изъ шого же мешалла. Судя по нѣкошорымъ признакамъ, была она ушверждена на особливомъ пьедеспалѣ, кошораго однакожь не найдено. (Сочинишель думаетъ, что оная представляла *Геркулеса*, и основываетъ догадку свою на многихъ обспояшельспвахъ, превосходно изложенныхъ въ его книгѣ.)

IV. Нѣскольکو обломковъ бронзоваго *рукомойника*, каковыя въ особенншпи упошреблялись при Бахусовыхъ празднеспвахъ и въ шаин-

---

(*) Такъ называли Древніе золото, къ коему примѣшана была пятая часть серебра. Но въ спашуѣ, о кошорой здѣсь упоминается, пропорція золота была значительнѣе и соспавляла почти двѣ трети. — Названіе *Electrum* происходитъ, можетъ быть, опъ свѣшло - желшаго и какъ-бы яншарнаго цвѣща, кошорый имѣетъ сія мешаллическая смѣсь.

спвахъ его жрецовъ. Жипели Великой Греціи обыкновенно клали оные въ гробницы своихъ предковъ.

V. Бронзовый сосудъ, подобный пѣмъ, кои упошребляли Древніе для сохраненія костей приносимыхъ въ жершву живошнихъ. (Извѣстно, что подобныя жершвоприношенія, называемыя *Stibolium* и *Taurbolium*, совершались обыкновенно въ самый день похоронъ.)

VI. Большое кольцо или кругъ, около 19-ши дюймовъ въ діаметрѣ. Оный здѣланъ также изъ мепаллической смѣси, называемой *Electrum*, и украшенъ по обоимъ концамъ лъвиными головами, довольно искусной работы. — Судя по формѣ и величинѣ сего кольца, должно полагать, что оное принадлежало къ одному изъ ожерельевъ, кои Древніе имѣли обычай приносить по обѣщанію богамъ своимъ и вывѣшивать въ ихъ храмахъ.

VII. Два золошые браслепа, довольно грубой работы.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

А н е к д о т ы .

— Всѣмъ извѣстна Исторія Рыцаря *де Лоржа* и его жестокой Дамы. Вошь подобный примѣръ, извлеченный изъ Провансальскихъ лѣшписей: Вильгельмъ *де Балазѣнб* (*Balazun*), — одинъ изъ пріятнѣйшихъ Поэшовъ своего времени, — любилъ и прославлялъ прекрасную владѣшельницу замка Жовіака. Спраспъ его увѣнчана была взаимноспію; но нѣжныя наши

любовники, слѣдуя поспоянному обычаю *всѣхъ* любовниковъ, поссорились однажды за бездѣлку — и красавица объявила своему обожателю, что не хочетъ видѣть его въ продолженіи цѣлаго года. Всѣ прозрѣныя его, всѣ слезы раскаянія оспавались безплодны. Наконецъ жестокая любовница обѣщаетъ даровать ему помилованіе, но съ шѣмъ только условіемъ, чтобы онъ велѣлъ *сорвать себѣ ноготь съ мизинца* и принесть къ ней, вмѣстѣ съ нѣжнымъ, Спихошворнымъ признаніемъ своей вины! «Какое варварство!» скажутъ Читатели; но не такъ думалъ *Балазень*. Онъ тотчасъ повиновался; вытерпѣлъ жестокою боль безъ малѣйшей жалобы; написалъ печальную пѣсенку и — полетѣлъ къ своей красавицѣ!

Въ наши просвѣщенные времена можешь быть найдущся еще *Дамы*, готовые предписать обожателямъ своимъ столь же *тяжкія* условія, по крайней мѣрѣ въ Нравственномъ отношеніи. Но спрашиваю: гдѣ найдутъ онѣ столь некорныхъ, столь великодушныхъ Рыцарей?

— Султанъ *Магометъ II* очень любилъ Живопись. Онъ нерѣдко посѣщалъ масперскую Венеціанскаго Живописца *Беллино*, жившаго тогда въ Константинополѣ. Однажды изобразилъ сей послѣдній — Усѣкновеніе главы *Св. Іоанна Крестителя*. Султанъ утверждалъ, что шея написана слишкомъ длинна; *Беллино* спорилъ и защищалъ свою работу. «Хорошо», сказалъ наконецъ *Магометъ*. «Я сей часъ докажу тебѣ прошивное. Позовите сюда одного изъ невольниковъ.» Сей являясь къ своему повелителю и жестокой Султанъ шепъ же приказываетъ

опрубить ему голову. «Смотри», говоришь онъ Живописцу; «замѣшь, какъ шея сжимается, когда ошдѣлишь ее опъ шуловица!»

Сказываютъ, что *Беллино*, вѣроятно спрашась повпоренія сихъ олышовъ, на другой же день выѣхаль изъ Конспаншичополя.

— Путешественникъ *Фишеръ*, находясь въ Веймарѣ, осыпаль въ одномъ обществѣ обильными и достойными похвалами знаменитаго *Гёте*. Въ жару воспорга обратился онъ къ одному изъ непослѣднихъ шамошнихъ жипелей, но коему *Гете* былъ только извѣстенъ какъ Герцогскій Миниспръ, и копорый вовсе не зналь его какъ Спихошворца. Сей спросилъ съ равнодушьемъ: «Вѣшь Вы вѣрно говорите не о нашемъ Г. Тайномъ Совѣтничкѣ?» — *Подлинно— нѣсть Пророкъ во отегествіи своемъ!*

— Кшо любишь говоришь всегда комплименты, у шого вырывающа иногда самые неудачные. Вотъ примѣръ: Толстый Герцогъ Орлеанскій былъ однажды на охотѣ, въ сопровожденіи своего Придворнаго Кавалера, копорый имѣль сію несчастную спрашь. «Представьте себѣ», сказала ему Герцогъ; «я чушь было не упаль въ ровъ.» — «Въ такомъ случаѣ» отвѣчаль Кавалеръ, «весь ровъ наполнился бы Вашимъ Высочешвомъ!»

— Нѣкто встрѣлясь съ своимъ Докшоромъ, опворопилъ. Его спрашивали о причинѣ. «Мнѣ совѣшно смопрѣшь на него», отвѣчаль онъ. «Я такъ давно не былъ боленъ.»

— Одного любипеля чпенія спрашивали: извѣстенъ ли ему *Флоріановъ* Романъ: *Нина Попилій*, и что онъ о немъ думаетъ? — «О!»

отвѣчалъ сей. »Эпо Романъ, какихъ очень много: *Нума* выходить за мужъ за *Помпилия* и шѣмъ все кончипся.»

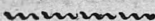
— Тракширщики одного Нѣмецкаго города, гдѣ находишься славный Университетъ, имѣють привычку, величаютъ шѣхъ Спуденговъ, кои плашаютъ имъ за обѣдъ по шалеру: *Ваше Превосходительство* (Excellenz), а шѣхъ, копорые издерживають по 2 шалера, — *Ваше двойное Превосходительство* (doppelte Excellenz)!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Кн. П. И. Шаликову.

(При полученіи отъ него въ подарокъ книги,
или переведенной *.)

Чѣмъ заплачу вамъ, милый Князь,
Чѣмъ ошдарю почтеннаго Поэта?
Спихами! — Но давно я съ Музой рушилъ связь
И безъ нее кругомъ лешаю свѣша,
Съ Воспока къ Западу, опть Сѣвера на Югъ;
Не шамъ, гдѣ Вы; гдѣ Грацій кругъ,
Гдѣ Аполлонъ съ Парнасскими сеспрами!
Нѣшъ, нѣшъ! Въ спранѣ иной,
Гдѣ въ вѣкъ неповспрѣчаюсь съ Вами:
Въ пыли, въ грязи, на пряской мосповой,
Въ карпузѣ съ козырькомъ, съ небришыми усами,
Какъ П — на Герой,
Воспѣшный имъ споль сильными спихами!
Такая жизнь для мыслящаго адъ.
Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я изчислешъ.
Скачи шуда, сюда, хопъ радъ или не радъ;
Гдѣжь время чувспвовашь и мыслишь?
Но время, къ счастью, еспъ любишь
Друзей, ихъ славу и успѣхи
И въ дружбѣ находишь
Неизьяснимыя для чорспвыхъ душъ успѣхи.

(*) Предчувствую, съ какимъ удовольствіемъ Чипателли сихъ листковъ увидяшъ спихи споль давно умолкшаго, любезнаго Поэта; полученные мною иредъ опшѣздомъ его въ Ишалію. К. Ш.

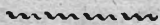
Вопшь мой удѣль, почтенный мой Поэтъ;
Остава опцій край, увижу новый свѣтъ,
И небо новое, и незнакомы лица,
Везувій въ пламени, и Эпны вѣчный дымъ,
Кастрашовъ, Оперу, Фигларовъ, Папскій Римъ,
И прахъ, священный прахъ всемирныя сполиды.
Но гдѣбъ я ни былъ (шакъ! я молвлю въ добрый часъ!)
    Не измѣнюсь, душою пошь-же буду
    И умирая не забуду
Москву, спечесиво, друзей моихъ и Васъ!

К. Батюшковъ.

11 Сентября, 1818.

Весна. (*)

Слова къ намъ Весна съ небесъ,
Какъ прелестный гость слешѣла,
И луга и спавшій лѣсъ
Въ зелень пышную одѣла.
Ошь оковъ освободясь,
И покойный и счастливый,
Побѣжалъ ручей игривый
По долинь, разрѣзвась.
Воздухъ полнь благоуханьемъ;
Гордо бродилъ пучный воль;
Овцы прядая, блеянемъ
Оглашаютъ элачный долъ.

(*) Сии прекрасные стихи на Весну получили мы, къ сожалѣнію, посреди осени; но лучше поздно, нежели никогда. *Изд.*

Въ рощахъ слышны ппичекъ шрели,

Въ рѣчкахъ пѣніе Наяды;

Звуки тихіе свирѣли

На лугъ бархатный маянпъ.

Дѣвы пляшутъ въ хороводъ,

Иль сплетясь рука съ рукой,

Темны громкіе свободъ

И Помонѣ молодой

Дружнымъ хоромъ воспѣваютьъ

И вѣнками изъ цвѣтновъ,

Закрасѣвшись, вѣнчаютъ

Милыхъ сердцу пастуховъ . . .

Всюду счастье, всюду радость;

Все изъ полной чаши пьешь

И любви и нѣги сладость;

Все съ Природой вновь цвѣтепъ,

Увѣдающій, угрюмый

Я одивъ съ тоской брожу

И напрасно холодной думой

Счастье прежнее бужу.

Добужусь ли, безотрадной,

Когда съ Лядою вдвоємъ

Спипъ оно въ могилѣ холодной

Ще побуднымъ, мертвымъ сномъ? . . .

1821.

Рубль 2

Кн. П. И. III — 64,

пріѣхавшему ко мнѣ въ Рудинки, 21-го Августа.

Поэшь любезнѣйшій! Ты посяпиль меня,
Сокрышаго въ пищи ошь суешнаго міра;
Но чѣмъ воздамъ тебѣ! . . . Моя замолкла лира
Съ послѣдней пѣснью соловья.

А съ нимъ и всѣ пѣвцы въ дубравахъ присмирѣли;
Цвѣтны увяли, облещѣли

И скоро хладные Борей заревушь.

Лишь чувства сердца неизмѣнны;

Онѣ однѣ переживушь

Всѣ блага суешны и плѣнны.

Прими жь въ замѣну всѣхъ даровъ,

Даровъ, споль временныхъ, Природы, Аполлона,

Лишь дружества обѣшь, прошивный власпи Крона —

И я благословлю опеческихъ боговъ!

Н. И. Писаревъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XVIII.

П Р О З А.

*Историческое и Топографическое описаніе
города Кракова. (*)*

Краковъ, вольный и главный городъ Респуб-
лики сего названія. Д. 57° 35' 45''; Ш. 50° 3' 52''.

Жишелей, по переписи 1819-го года, 24,870.

Мѣстоположеніе.

Городъ сей основанъ около 700 года. Стоишь
на небольшомъ возвышеніи лѣваго берега Вислы,
которою раздѣляется на 3 часпи.

Краковъ состоишь изъ *Стараго города*, древ-
ней столицы Польши; изъ двухъ прилегающихъ
къ оному городковъ: *Подгорже* и *Казимира*,
и изъ многихъ предмѣстій.

(*) Опрывокъ изъ полезной и любопытной книги:
Спутникъ въ Царство Польское и въ Рес-
публику Краковскую, переведенной съ Фран-
цузскаго Д. И. Языковымъ. Сей трудолюбивый
Литсперапоръ, извѣстный уже споль многими
превосходными переводами полезныхъ книгъ, при-
обрѣтаепъ симъ изданіемъ новое право на при-
знапельность соопечественниковъ. Спутникъ
напечатается въ непродолжительномъ времени.

Подгорже (по Руски *Подгоріе*), довольно красивый и хорошо обстроенный городокъ, имѣющій площадь и рынки; опдѣляется отъ Кракова рѣкою Вислою, а соединяется съ онымъ живымъ мостомъ.

Необычайное наводненіе, случившееся въ 1813 году, разорившее всѣ здѣшнія мѣста, снесло прекрасный мостъ, крѣпко построенный на каменныхъ сводахъ.

Казимиръ, городъ основанный *Казимиромъ* Великимъ. Въ прежнія времена обнесенъ былъ стѣнами. Споишь на оспровѣ, образуемомъ Вислою и однимъ изъ ея рукавовъ, называемымъ спарою Вислою.

Здѣсь замѣчательны многія красивыя церкви, какъ-то: Св. Екаперины, Св. Спанислава или *Скалка*, о кошорой будещъ сказано въ спашѣ о городскихъ зданіяхъ.

Часть города Казимира населена Жидами, коихъ считаешся около 6000.

Главнѣйшія предмѣстія: *Спрадомъ*, *Клепаржъ*, *Весѣла*, *Пясекъ*, *Смоленскъ*, *Рыбаки*, *Вѣлополе*.

Старый городъ въ прежнія времена укрѣпленъ былъ двойными стѣнами, съ башенками различнаго вида. Городскія вороша, Гошическаго рода, были очень красивы; но Австрійцы нѣкошорыя изъ оныхъ разломали, а валы совсѣмъ срыли. Оспались однѣ только вороша, называемыя *Флореньскими*, споль извѣстныя въ Польскихъ лѣтописяхъ.

Церкви и зданія замѣчательныя.

Замокъ (*Замекъ*), поставленный Піаспами въ первѣйшія времена Польши, прежнее жилище Польскихъ Королей, превращенный въ казармы

и совершенно разоренный Авспрійцами, служить нынѣ для богоугоднаго заведенія. Онъ стоить на каменной горѣ *Вевель*, копорая возвышается изъ середины города. Съ сей горы прекраснѣйшій видъ, просирающійся далеко на окрестныя мѣста.

У подошвы сей горы входъ въ обширную пещеру, въ копорой, по древнему преданію, *Клакб*, владѣвшій тогда Польшею Государь, убилъ дракона, копорый опустошалъ всю землю.

Соборная церковь стоить по срединѣ замка: памятникъ священный для Поляковъ, для копорыхъ она по же, что для древнихъ Римлянъ была Капишолія. Здѣсь сохраняются бранные ошашки ихъ Королей и Героевъ. Не иначе какъ съ священнымъ прешепомъ и истиннымъ сердечнымъ умиленіемъ дерзають они всшупать подъ сіи древніе своды, наполненные мавзолеями, надписями, шашуями и часовнями, украшенными мраморомъ и бронзою. Здѣсь нельзя здѣлать шагу, не открывъ какихъ-нибудь слѣдовъ славы сего Государства, также храброспи и блестящихъ завоеваній Героевъ онаго. Здѣсь покоишься прахъ Болеслава III, Болеслава IV, Владислава Локѣшка, Казимира Великаго, Іоанна Альберта, Стефана Баторія, Сигизмунда III, Владислава IV, Іоанна Казимира, Михаила Вишневецкаго, Іоанна Собѣскаго и Фридриха Августа II.

Церковь Сигизмундовъ превосходитъ всѣ другія великолѣбіемъ: она построена изъ дикаго камня и покрыта вызолоченною на огнь кровлею, копорая по своему блеску видна очень изъ далека. Здѣсь мощи Св. Сшанислава, покровишеля Польши, и священные для Поляковъ

оспашки двухъ Героевъ: *Костюшки* и *Князя Помятовскаго*, возвращенные имъ изъ чужихъ земель Высочайшимъ посредствомъ Александра I-го, Императора всея Россіи и Царя Польскаго и посланные въ сводъ Короля Іоанна Собѣскаго, освободившаго Вѣну отъ Турецкой осады.

Краковъ можешь гордиться лучшими въ Государствѣ церквами; на примъ:

1. Пресвятая Богородицы, на большой площади, Гопической Архитектуры; она походитъ на Вѣнскую церковь Св. Стефана, только менѣе оной.

2. Св. Петра, прекрасной Архитектуры, построена изъ дикаго камня Королемъ Сигизмундомъ III, на образецъ Іезуитской церкви въ Римѣ.

3. Св. Анны, называемая Академическою, гдѣ покоятся мощи Св. Іоанна Кенійскаго.

4. Доминиканская, бывшая прежде Соборною. Здѣсь находится Мавзолей Лешка, прозваннаго Чернымъ. Придѣлъ Св. Гіацинта достоинъ замѣчания: въ него всходятъ по лѣсницѣ изъ великолѣпнаго мрамора.

5. Св. Екаперины, древнѣйшихъ временъ. Сводъ оной построенъ смѣлымъ образомъ.

6. Св. Станислава или *Скалка*: здѣсь-то сей Святой былъ убитъ Королемъ Болеславомъ II. Сія церковь сподѣль въ городкѣ Казимирѣ.

7. Францисканская, очень древняя. Лавки украшены прекрасною рѣзною работою и выложены перламутромъ.

8. Св. Альберта, небольшая часовня на площади, древнѣйшая изъ всѣхъ Польскихъ; первоначально посвящена она была идолу Позвизду.

Посреди большой площади стоитъ огромное и древнее зданіе, *Суконница (Сукѣнницѣ)*, съ лавками внутри, въ кошорыхъ находишея множество сукна всякаго разбора. Сводъ онаго имѣеть 116 сажень въ длину. Болеславъ V, прозванный Цѣломудреннымъ, построилъ оное. Въ семь-по зданіи даюшея большіе народные праздники.

Магистратъ, Голшической Архиепископуры, достоинъ также замѣчанія.

Академія, называющаяся дочерью Сорбонской, основана Ягеллонами въ 1343-мъ году; имѣеть прекрасную Библиотеку, состоящую изъ 30,000 книгъ и 4000 рукописей рѣдчайшихъ.

Красивый Таможенный домъ въ Спрадомѣ.

Епископскій домъ. Древнее зданіе, внутренность кошораго, во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ обозрѣнія. Нынѣшній Епископъ, Аббать *Воронитъ*, человекъ достойный и знаменитый въ Словесности, украсилъ оное Живописью, изображающею произшествія изъ опечесивенной Истории и портретами Королей, Героевъ и славныхъ людей Польскихъ.

Домы *Ввлопольскаго, Спискаго, Водзицкаго, Мышковскаго, Бараны*, составляютъ украшеніе города.

Большая площадь лежитъ посрединѣ города. Въ прежнія времена воздвигали на оной великолѣпный престоль, на другой день коронаціи Королей. Тутъ принимали они изъявленія покорности и почтвенія отъ своихъ данниковъ.

Площади Доминиканская и Св. Стефана; улицы: Гродская, Канонная (*Канонна*), Св. Флоріана (*Флорянска - Славковка*), Св. Іоанна

(Свянто-Яньска), Сапожничья (Шевска), Брапская (Брацка), составляющъ лучшія мѣста въ городѣ.

Трактиры.

Лучшіе трактиры: *Король Венгерскій*, извѣстный болѣе подъ названіемъ своего хозяина *Кноца*, въ улицѣ Св. Іоанна; *Шидловскій*, въ улицѣ Св. Флоріана; и *Липинскій*, на площади. Въ предмѣстняхъ находятся ихъ очень много.

Полезныя заведенія.

Въ Академіи есть богатый Кабинетъ Естественной Исторіи и Анапомической Театръ.

Гимназія, народныя Училища, при женскіе монастыря, въ коихъ воспитывающъ благородныя дѣвицы, ученое Общество, благотворительное Общество, Общества ошечественной Музыки и земледѣлія, два Ломбарда и Бурса для бѣдныхъ Студентовъ.

Двѣ народныя бани, довольно удобныя.

Въ Краковѣ издающъ Газеты на Польскомъ языкѣ и ученый Журналъ.

Гульбища и окрестности.

Ботанической садъ хорошъ и хорошо содержится. Въ немъ есть красивый павильонъ, на копоромъ помѣщена Астрономическая обсерваторія Академіи. Здѣсь болѣе всего гуляющъ городскіе жители, выключая мѣсяца Іюня, въ копоромъ преимущество сіе оспориваетъ садъ *Кржыжановскаго*; ибо въ это время собирающъ въ послѣднемъ пріѣзжающіе изъ разныхъ обласпей Польши помѣщики для успроенія своихъ дѣлъ. Съѣздъ этотъ называется Ивановскими коншрактами. Есть охотники, кои любящъ гулящъ лучше на городскихъ валахъ.

Звѣржинець (*Звѣринецъ*), древній женскій монастырь Св. Норберта; спойсь на берегахъ Вислы въ полмиль ошь Кракова и окружень древними дубами. Видъ прелесный. Недалеко опсюда и на вершинѣ одной высокой горы спойсь часовня Св. Бровислава, опкуда видень весь городъ Краковъ, окрешности онаго и веселые берега Вислы.

Воля, красивый загородный домъ, состоящій изъ замка и сада, въ одной милѣ ошь Кракова.

Около одной мили ошь Кракова, на вершинѣ ушесисныхъ горъ и посреди древней роци, спойсь монастырь Каршезіанскій съ церковію, называемый *Бѣляны*. Видъ опсюда простирается очень далеко, а мѣстоположеніе каршинное.

Лобзовъ, древній замокъ и садъ Казимира Великаго, ошь копораго ошались только развалины. Въ саду видны еще слѣды гробницы, копорую сей Государь соорудилъ своей любимицѣ, извѣстной подъ названіемъ прекрасной Жидовки *Есфири*.

Дорога, идущая ошь сего мѣста въ Краковъ, длиною на милю, заспроена въ два ряда крестьянскими домами, составляющими слободу, называемую *Огородники*. Здѣсь живутъ огородники, славащіеся искусствомъ своимъ произрастать всякіе овощи.

На другой споронѣ Вислы, близъ *Подгорія*, возвышается холмъ, на копоромъ, какъ гласитъ преданіе, погребена *Ванда*. Сія Королева изъ любви и преданности къ своей землѣ, бросилась въ Вислу и такимъ образомъ лишилась жизни.

Промникъ, Цю - Косьцѣльники, Нѣдзвѣдзь, Горшкѣвъ, Прокоцимъ, Тынѣць, красивыя селенія, недалеко отъ города.

Любопытный путешественникъ, любящій удивляться красотама и чудесамъ Природы, будучи въ Краковѣ, долженъ непременно съѣздить въ слѣдующія два мѣсна и осмопрѣшь ихъ.

Первое, *Велички*, находящееся въ Австрійскихъ владѣнїяхъ, на одну почтовую станцію отъ Кракова. Въспъ какъ описываетъ ее Саксенъ-Готскій Совѣтникъ *Рейхардъ*, въ изданной имъ книгѣ подъ названїемъ: *Путеводитель по Сѣверу* (Веймаръ, 1818).

» До Велички ѣзды полшора часа; Почтмейстеру плавають за двѣ мили и за одну въ обратный путь.»

» Соляной рудникъ глубиною 112 сажень. Въ него опускающа на ременныхъ небольшихъ койкахъ, привязываемыхъ къ длинной веревкѣ. Спускаются можно пятерымъ. Въ двѣ съ половиною минуты достигаютъ перваго этажа; а всѣхъ считается шри. Въ остальные сходятъ по лѣспницамъ, сдѣланнымъ изъ дерева или изъ соляныхъ шолобовъ, кои очень широки и очень покойны.»

» Внупреннїе своды великолѣпны; проходы очень широки, сухи, чрезвычайно опряшны и шакъ высоки, чшо не надобно наклоняться. Здѣсь замѣчательна довольно большая часовня, гдѣ все здѣлано изъ соли: олтарь, ушварь, два монаха, кошорые какъ будшо служатъ обѣдню, и спашуя Августа III.»

» Въ рудникѣ соль лежишь ужасными кабанами прекраснѣйшей кристаллизаціи. Она дѣлилась на чешыре разбора: 1, Соль кристаллизованная, которая вдвое дороже прочихъ. 2, Соль гумми или шибикъ. 3, Соль спиза. 4, Соль зеленая.»

» Въ 1815-мъ году наломано соли 1,700,000 центнеровъ.»

» Въ рудникѣ много лошадей; но люди въ немъ не живутъ. Для осмотра всего замѣчательнаго, доспапочно чешырехъ или пяти часовъ.»

» Проводнику, кошорый назначается ошь Директора, плашишь червонецъ; ему же даешся при червонца для раздачи шѣмъ, кои освѣщали; провожали, подавали бѣлый камзолъ, надѣваемый сверхъ плашья, и червонецъ Директорскимъ людямъ, если у него завпракали или обѣдали. Все это считаешся щедрою платою, кошорую можно и уменьшишь, по крайней мѣрѣ по второй спашь.»

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Древности, найденныя въ Тавридѣ.

(Окончаніе.)

VIII. Обломки мепалловыхъ спѣрѣлъ, числомъ около ста. Извѣстно, что Древніе верѣдко зарывали колчанъ и спѣрѣлы умершихъ воиновъ, виѣспѣ съ ихъ прахомъ.

IX. Чешыре куска мепаллу, соспавлявшіе по видимому одно цѣлое, и именно лязвіе меча. Каждый изъ оныхъ соспавишь изъ полосы желѣза, прикрышой сверху тонкимъ листочкомъ мепаллической смѣси, извѣспной въ Древности подъ именемъ: *Electrum*.

X. Еще нѣсколько кусковъ сей же смѣси, подложенныхъ тонкими листками желѣза или стали. Судя по нѣкопороымъ признакамъ, служили оныя засшежками для кожаныхъ лапъ.

XI. Мѣлкіе куски золота, принадлежавшіе вѣроятно къ украшеніямъ одежды покойнаго.

XII. Нѣсколько человѣческихъ костей, найденныхъ въ сей древней гробницѣ, вмѣстѣ съ вышеописанными предметами.

Послѣ сего обозрѣнія (извлеченнаго нами съ невозможною краткостью), сообщаемъ Сочинитель общія замѣчанія о гробницахъ, открытыхъ и доселѣ открываемыхъ въ Тавридѣ. Нельзя не пожалѣть, что древнія монеты, найденныя въ разныя времена въ окрестностяхъ Керчи, разсыпались по разнымъ рукамъ и не были описаны въ точности. Если бы сіи драгоценныя оспашки были тщательнѣе собираемы и приведены въ методическій порядокъ; то оныя конечно пояснили бы нѣкопороыя мѣспы въ древней Исторіи Босфора, донинѣ покрытыя густымъ мракомъ. *Діодоръ Сицилійскій* распространялся съ нѣкопорою подробностію о Царяхъ Босфорскихъ; но къ сожалѣнію, сія-то именно часть его *Библиотеки* не дошла до насъ въ цѣлости. (*)

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, найдены въ окрестностяхъ Керчи и близъ Фанагоріи двѣ довольно любопытныя медали: одна бронзовая

(*) Вся Исторія Царей Босфорскихъ отъ Спаршака IV до послѣдняго Левкониды, Перизады, уступившаго престолъ свой Мишридашу Евпатору, (пространство времени; составляющее 170 лѣтъ), — пошлана въ *Діодоръ*.

Царя Босфорскаго *Левкона*, а другая золотая, *Филлипа* Македонскаго, его современника. Обстоятельство сіе ясно доказываетъ, что древность гробницъ, въ коихъ найдены сіи монеты, простирается не далѣе царствованія обоихъ сихъ Государей. Къ сей же эпохѣ, судя по многимъ признакамъ, принадлежишь и та, въ которой здѣланы описанныя здѣсь открытія.

Почти всѣ памятники, найденные въ Тавридѣ, носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ Греческаго происхожденія. Но съ другою спорны, оныя шѣмъ не менѣе доказываютъ, что Панпикапейцы, по близкому сосѣдству и непрестаннымъ сношеніямъ со Скиѣами, заимствовали многіе обычаи у сихъ послѣднихъ. Сіе въ особенности доказываетъ шѣмъ, что въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены лошадиныя кости: спрванное обыкновеніе, существовавшее, какъ извѣстно, у однихъ Скиѣовъ.

Сочинитель заключаетъ любопытную свою книжку описаніемъ медалей, присланныхъ изъ Керчи отъ Г. *Патиніоти*, когда уже вышеприведенныя замѣчанія были имъ написаны. Изъ числа сихъ медалей, *три* найдены въ томъ же самомъ курганѣ, гдѣ открыты и прочія достопамятности, коихъ сообщили мы краткое обзорѣніе. находка сія служишь нѣкоторымъ образомъ къ подтвержденію догадокъ, изложенныхъ въ сей книжкѣ почтеннымъ любителемъ и ревностнымъ собирателемъ Таврическихъ древностей. (*)

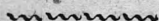

(*) Приложенная къ сему No. литографированная картинка изображаетъ предметы, описанные выше сего, подъ No. I, II, III, V и VI.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ

Изъ Поэмы: *Искусства и Науки.* (*)

Сотинитель, сказавъ объ изобрѣтеніи Колпаса, тасовъ, Барометра, Телескопа и Микроскопа, описавъ военный корабль и воздушный шаръ Монгольфьера, громоовый отводъ и искусство книгопечатанія, продолжаетъ:

Нѣсть невозможнаго для смертныхъ: сходясь въ адъ,
Чрезъ Океанъ плывутъ и въ небеса леплясь.
Чего не совершишь ихъ смѣлый умъ и ревность?
Объ Амфіонѣ намъ рассказываетъ древность,
Что звономъ спрунь его шворились чудеса:
Камень двигался, сходили съ горъ лѣса,
Изъ дебрей дикіе спекались народы,
Принесли на жертву часъ безцѣнный свободы,
Жизнь обществу, вкусилъ покоя и добра.
О пѣнь великая Великаго ПЕТРА!
Къ чему намъ прибѣгать къ рассказамъ баснословнымъ?
Ты истый Амфіонъ! Водимый чудотворнымъ
Умомъ, ты показалъ въ свой знаменистый вѣкъ,
Что можешь произвести единый человекъ.
Какъ спранникъ, обласней Европы посѣлпшешь,
Баконадатель, вождь, шворецъ, преобразишь,
Поспроилъ корабли, законы начерпалъ,
Въ болошней пустынь прешольный градъ создалъ,

(*) Чпшанный въ шоржешественное годовое собраніе Императорской Россійской Академіи, 5-го Февраля 1821 года и напечатанный по ея одобренію.

Въ Россіи насадилъ Искусства и Науки.

Побѣды своихъ гремяшь въ попоместіяхъ позднемъ звуки;

Въ огняхъ, въ моряхъ, во льдахъ, вездѣ Тебя найдемъ,

Съ кормиломъ, циркулемъ, вѣсами или мечемъ.

Но я ищу Тебя, о ПЕТРЪ! не подъ Полшавой,

Не окруженнаго воинской шумной славой;

Не одного среди толпы бунтовщиковъ,

Рѣшимостию ихъ разрушившаго ковь;

Не памъ, гдѣ разныхъ прехъ Ты флоровъ повелишель,

Съ презубцемъ, какъ Неппунъ, надъ моремъ былъ вла-

спишель;

Не памъ, гдѣ къ золоту Индейскому ключа

Искаль союзами и силою меча

И царство Русское раздвинувши далече,

Вылъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ дружинамъ Ты предпечей...

Но памъ, гдѣ не вѣнцовъ, не славы Ты искаль,

За насажденныя Науки прешель

И за дражайшее Тебѣ вѣнца и жизни,

За благоденствіе вновь созданной опчизны. . . .

Подъ Прушомъ! Въ Твой шаперъ со шрепетомъ вхожу;

Печаль вокругъ, въ Тебѣ я бодрость нахожу;

Готовъ гонецъ . . . . рука Указъ Сенапу пишеть,

Любовь къ опечесиву гдѣ въ каждомъ словѣ дышеть:

„Везчисленной толпой враговъ Я окружень;

„Кончина славная или безчестный плѣнь

„Грозашъ Мнѣ съ вѣрными Россійскими полками.

„Я человекъ . . . . могу быть вынужденъ врагами,

„Противный выгодамъ Россіи дашь Указъ . . . .

„Тогда . . . . опъ кляшвы Я освобождаю васъ!

„Достойнаго Царя себѣ вы изберише!

„Вощъ воля вамъ Моя послѣдняя! Просшише!“

Сложивъ бумагу ПЕТРЪ, и съ чувствами отца,
Пославъ въ опасный пушь, поцѣловаль гонца
И взоромъ проводиль за спань съ благословеньемъ. —
И скишпра ль, жизни ли единой приношеньемъ
Онъ чистую любовь къ отечеству явилъ?
ПЕТРЪ сына своего для насъ не пощадиль!

Куда я пренесень крылатыми мечшами?
Какой я вижу храмъ, украшенный орлами
И багряницею? — Левитовъ ли соборъ
Величественно здѣсь священный держиль споръ,
Иль здѣсь Сенатъ Царей, опчизна Сципіоновъ?
Не вижу ль Фабіевъ, Камилловъ и Капоновъ,
Мечемъ и доблестьми завоевавшихъ свѣтъ?
Почто ихъ мраченъ взоръ и смущень ихъ совѣтъ?
Почто на лицахъ скорбь, подруга бѣдствій зрима?
Иль снова Аннибалъ передъ вратами Рима?
Иль мяшежи и брань, гдѣ рѣзаль браша брашь,
Гдѣ сынъ губиль отца, Республикѣ грозяшь?
Нѣтъ! Рускій зрю Сенатъ, Россійскихъ Герарховъ!
О дѣло страшное! судиль своихъ Монарховъ
И сына Царскаго передъ опцемъ вины,
По волѣ грознаго ПЕТРА здѣсь созваны.
Воспитанъ слабостью и воздоенъ коварствомъ,
Наслѣдникъ Царства спалъ пресупникъ передъ Цар-
ствомъ:
Героевъ славныхъ въшвь — Царевичъ Алексѣй,
Чуждъ бившвъ, Наукъ, Искусствъ опъ самыхъ раннихъ
дней;
Чуждъ всѣхъ родителя великихъ начинаній;
Везъ нужныхъ для Владыкъ душевныхъ дарованій,

Безъ честлюбія искалъ себѣ вѣнца

И другъ мяпежниковъ, возспаль прошивъ отца.

Лзя-ль бытъ? . . . Сей юноша съ раскаянемъ во
взорѣ —

Преступникъ, уличенъ въ ужасномъ заговорѣ!

Онъ? . . . воспишаніе опъ колыбельныхъ лѣптъ,

Какъ на воску, печать на сердце намъ кладешъ.

Пусть времени рукой сія печать сопретъся;

Но прежнее клеймо все виднымъ оспаешъ.

И робкій сынъ ПЕТРА, другъ нѣги, суетвѣрь,

Сего ужасный даль и новый намъ примѣрь. —

Онъ позванъ передъ судъ — и гореспный родишель; —

Отбросивъ скиптръ предспаль, какъ сына обвинишель.

Чшо стоило ему спонъ сердца заглушишь

И соспрананіе и гореспъ подавишь?

Но добродѣтели въ семь мѣрѣ нужны жершвы!

Безъ испышаній мы уже до смерши мершвы!

И кшо, кромѣ ПЕТРА, бозмогъ, посмѣлъ бы дашь

Примѣрь, опечество сынамъ предпочишашъ,

Когда и добрый Типъ и мудрый Маркъ-Аврелій

Сего примѣра даць Монархамъ не посмѣли?

Необычайная пошребна здѣсь душа!

ПЕТРЪ, слезы поглотивъ и вопли задуша,

Вѣщаль: „Синодъ! Сенапъ! Я шребую не леспи;

„Въ душѣ родишелей нѣптъ къ дѣшямъ злобной меспи;

„Но шребую — и судъ вамъ должно произвестъ

„На лица не смотря, но помня долтъ и чеспъ!

„Рѣшите здѣсь Царя-родишеля судьбину:

„Опчизнѣ ль сыномъ Я, или опчизной сыну

„Обязанъ жершвовать? Съ одной спраны опецъ,

„Несчастпный Царскій сынъ и доброша сердцецъ;

„Съ другой, опечество вамъ говоришь и Вѣра:
„Богъ свѣше зришь на насъ, попомство ждетъ при-
мѣра!“

И хартія ему Сенапомъ вручена,
Гдѣ смерть Царевичу слезами скрѣплена.
Исполненъ правды долгъ; но вздохи и унылость
На осужденнаго зовушь Цареву милосль.
И Теофанъ душой расперзанной изрекъ:
„Царь! отказавшійся опъ міра человекъ
„Соспраждешь и мирисль, но осуждашь не смѣешь.
„Царево сѣрдце Богъ въ рукъ своей имѣешь!
„Давидъ вождю полковъ своихъ вѣщаль: „Иди!
„Смири мяшежника, но сына пощади!“.....
„Блудницу Богъ просилъ! Ты будь подобень Богу:
„Услышь раскаянье, опкрой къ душѣ дорогу
„Молбамъ, слезамъ къ тебѣ радѣющихъ сердець;
„Проспи виновнаго Ты сына; будь отецъ! . . .“ —
„Отець Опечества!“ — ПЕТРЪ прервалъ съ гнѣвнымъ
взоромъ.

Ужасныя слова! вы были приговоромъ
Царевичу — и ПЕТРЪ не смѣлъ его просипшь.
Онъ препешаль ему Россію поручипшь.

О ты, который былъ здѣсь больше всѣхъ несчастень,
Сыновнихъ бѣдъ и бѣдъ опечества причаспень,
ПЕТРЪ! если спрогямъ кто назвашь тебя дерзнешъ;
Указъ Сенашу швой подъ Прупомъ дасшь опвѣшь!
И казнь Царевичу скрѣпившій Долгорукой
За правосудіе Твое въкамъ порукой!

Воейковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XIX.

П Р О З А.

Островъ Корфу.

(Опрывокъ изъ рукописи, подъ заглавiемъ: Писма морскаго Офицера. (*))

Любители Греческой старины конечно будутъ ожидать отъ меня пышнаго описанiя сего острова, древней Корциры и средошочiя новой Ионической Республики. Но, друзья мои, я перестала уже украшать предметы цвѣтами воображенiя и люблю напрошивъ разсмащривать оныя глазами истины. Я теперь увидѣла, что нынѣ называешся Греческимъ и едва могу повѣришь древнимъ повѣщиванiямъ о семь народѣ. Предубѣжденiе мое весьма уже ослабѣло. Скорый переходъ изъ Англiи въ Грецiю дѣлаешъ сравненiе невозможнымъ: Порписмушь и Корфу предсавляющъ двѣ разительныя прошивуположности. Англiя и Грецiя, въ отношенiи просвѣщенiя, богатства и общесщвеннаго порядка, спощащ въ антиподахъ. Въ первой, при суровомъ климатѣ, вѣчномъ шуманѣ и землѣ

(*) Писано въ 1804-мъ году.

небогатой произведеніями, здѣлано все, что только могутъ совершить промышленность, искусство и трудолюбіе. Въ послѣдней, земля изобильнѣйшая во всѣхъ дарахъ своихъ, оставлена почти въ дикомъ, первобытномъ ея состояніи и неблагодарный обитатель счастливѣйшей страны, своимъ знаніемъ и трудомъ почти ничего не приумножилъ и ничѣмъ щедрую Природу не украсилъ. (*)

Первое впечатлѣніе при видѣ Корфу, не смотря на энтузіазмъ, которой писалъ я ко всему Греческому, было весьма невыгодно. — Въ городѣ все грязно и темно; огромныя зданія преснули опъ вепхости. Повсюду я видѣлъ бѣдность, и вмѣсто сановитыхъ Немиснокловъ и гордыхъ Альцибіадовъ повсюду встрѣчалъ оспровипявъ, скудно одѣтыхъ, робкихъ и уничиженныхъ! Гдѣ же сіи Герои, сіи знаменитые Философы и славные Художники? Гдѣ сіи мужественные Республиканцы? Не ужели Корфіоты могутъ назвать себя ихъ потомками? Я ищу слѣдовъ благороднаго ихъ происхожденія и вижу однихъ *покорныхъ слугъ*, которые вольноши своей вичѣмъ доказашъ не могутъ, какъ развѣ Республиканскимъ флагомъ, развѣвающимся на крѣпостяхъ, по башнямъ коихъ спокойно похаживаютъ наши усатые гренадеры.

Бышь можешъ мнѣ такъ показалось при первомъ взглядѣ. Посмотримъ, не будетъ ли лучше

(*) Авторъ забываетъ при семъ сравненіи, что прекрасные плоды Искусства и промышленности произрастаютъ только тамъ, гдѣ согреваются благотворными лучами попечительнаго и чадлюбиваго Правительсва. К.

еіе цѣлое, когда разсмошримъ оное по часшямъ. Посему, въ должномъ порядкѣ, дамъ я вамъ опченъ въ поѣздкахъ моихъ на берегъ.

Лишь только бросили якорь, какъ я уже былъ въ кофейномъ домѣ. Между множеспвомъ Морскихъ и сухопутныхъ нашихъ Офицеровъ, нашель я тамъ спараго моего поварища *О. К. . .*, любезнаго молодаго челоѡка съ большими познаніями. Знакомство его съ здѣшними жишелями послужило мнѣ къ разсмошрѣнію всѣхъ предмешовъ съ надлежащей почки зрѣнія. Мы пришли въ самое лучшее время для удовольспвій: карнаваль только что начался. По Венеціанскому обычаю, здѣшнія женщины выходятъ прогулиѡшься въ маскахъ. Предспавъте себѣ мое изумленіе! Мы пришли на обширную площадь, покрышую тысячами закупанныхъ красавиць. Однѣ изъ нихъ приходили, другія уходили и опашь возвращались; инья спояли въ задумчивоспи или пригорюнившисъ чего-то ожидали. Чешыре Оркестра Музыки гремѣли по угламъ; дома, обращенные на площадь, были освѣщены; словомъ, оная походила на большую маскарадную залу.

Все было въ движеніи. Въ сумерки начался какой-то шопопъ и скромныя, боязливыя Нимфы, благопріятспвуемая вечернимъ мракомъ, здѣлались посмѣлѣе. Увлеченныи споль нечаяннымъ и пріятнымъ для меня явленіемъ, шолкался я между женщинами, и признаюсь, что нѣжныя движенія сердца моего говорили мнѣ почти за всякую. Видя прекраснѣшнія пали, воображалъ я каждую изъ нихъ Венерою; хопя лица ихъ, (какъ замѣнилъ опышный мой шова-

рищъ) бывали иногда хуже самой маски. Сія колкая насмѣшка разочаровала мою нѣжность, и какъ красавицъ на площади оспивалось уже немного, то я опложилъ намѣреніе свое, позвакомисься съ ними покороче и — пошелъ въ Театръ.

О... К... прежде всего познакомиль меня съ первымъ Акшѣромъ, который по всей Итааліи почищается лучшимъ Буфомъ. Имя его *Тонини*. Онъ принялъ насъ важно и на похвалы отвѣчалъ съ прищверною и горделивою скромностію. Отъ него мы пошли къ первой шанцовщицѣ, кошорая, въ качествѣ Акшприсы и записной кокешки, *любезнигала* до шѣхъ поръ, пока наступило время ей одѣваться; а попомъ позволила намъ присушщивовашъ при своемъ шуалешѣ.

О... К... рекомендовалъ меня ей, какъ молодого человекъ знашной фамиліи, знапока Театра и спрашнаго обожащеля прекраснаго пола. Симъ зашпавиль онъ ее, употребиль всѣ упощенности въ искушвѣ нравилься. Она была въ ономъ дѣйспивильно шакъ свѣдуца, что — признаюсъ опкровенно — не болѣе, какъ въ полчаса, я не былъ уже къ ней равнодушень.

Предшпавленіе началось Оперою. Музыка расшпрогала меня чрезвычайно. Не понимая словъ, я обо всемъ догадывался и все пошпигаль. Хорошая Музыка ещѣ языкъ чувшва, выражающій съ шощностию всѣ спрашти, всѣ движенія души человекской. Удивильно, какимъ образомъ дошли до шого, что семью музыкальными ношами можно изъяснящъ шощи шю же, что и 34-мя Азбучными буквами. Послѣ Оперы данъ былъ Балешъ, подъ названіемъ: *Дучо на двущъ гитарахъ*. Я никакъ не ожидаль, чтошбы

въ Корфу былъ такой порядочной Театръ и при томъ расположенный споль удобно. Кромѣ обширнаго партера, находяща здѣсь чепыре ряда ложь. Первая Пѣвица (по здѣшнему: prima Donna) имѣеть весьма пріятной голосъ. Сверхъ того она очень недурна собою, многимъ нравилса и поному вообще думаюшь, что она — разумѣется въ своемъ родѣ — не уступаешь первому Буфу, Г. *Тонини*. Сей послѣдній, особенно въ Оперѣ: *Голодный школьникъ*, удивительною своею игрою, смѣшивъ зрительей до такой степени, что многіе выходяшь изъ Театра съ коливою. Г-жа *Ланджини*, La prima Grottesca, танцуетъ безподобно и въ искусствѣ и легкости не уступаетъ первой танцовщицѣ, Г-жѣ *Гаетани*. Словомъ сказать, здѣшняя театральная труппа и въ большихъ городахъ Италіи не была бы послѣднею. *Импрезаріо* (*) даетъ Акперамъ небольшое жалованье; но лучшіе изъ нихъ собирають на бенефисахъ опъ 6 до 8000 рублей. Зданіе Театра, по Архитектуру своей, можешь почестся лучшимъ въ городѣ. Будучи весьма доволенъ здѣшнимъ спектаклемъ, ѣздилъ я въ оный ежедневно и вмѣстѣ съ симъ началъ учись по Италіански.

(*) Такъ называется въ Италіи содержатель Театра, который беретъ оный на откупъ, заплащя извѣстную сумму Правительству.

*Историческое и Топографическое описаніе
города Кракова.*

(Окончаніе.)

Въ послѣднемъ эшажѣ рудника находится прудъ съ прѣсною водою, по копорому, если угодно, можно ѣздишь на плоту.

Величквинскіе соляные рудники опкрыты Св. *Кунигундою*, судругою Болеслава V, прозваннаго Цѣломудреннымъ. Старинный замокъ, на подобіе башни, и Готическая Церковь, къ оному прилежащая, построены Казимиромъ Великимъ.

Вторая поѣздка, или лучше, каршинное путешествіе, продолжается почти пять миль кругомъ въ горахъ.

Сперва прѣзжаешь къ *Чайовицѣ*, селенію въ трехъ миляхъ отъ Кракова. Здѣсь надобно запасись факелами и хорошимъ проводникомъ; что найти очень легко, потому что всѣ жители очень хорошо знаютъ мѣста.

Изъ селенія пошчасъ входишь въ густый и дремучій лѣсъ, пресѣкаемый пропащами и утесистыми каменными горами. Черезъ полчаса спуцаешь въ глубокую долину, по срединѣ которой течетъ съ яростию источникъ, коего пѣнящаяся вода приводитъ въ движеніе сполціа далѣе мѣльницы и заводы. Не доходя сего мѣста и повороши нѣсколько въ право, на крупомъ утесѣ видишь щель или расщелину, закрытую кустарникомъ и мхомъ; здѣсь-то должно зажигаешь факелы. Отверстіе этой щели такъ узко, что одинъ человекъ едва только можетъ войти въ оное; но вошедши, вдругъ увидишь онъ себя въ широкомъ корри-

дорѣ, ведущемъ къ залѣ или обширному гробу, имѣющему слишкомъ 50 сажень въ діаметрѣ и 12 высоты. Галлерей со сводами ведутъ разными направленіями къ заламъ, болѣе или менѣе обширнымъ, что дѣлаешь это мѣсто наспоющимъ подземельнымъ лабиринтомъ, изъ котораго любопытствующій не могъ бы выйти безъ помощи знающаго проводника. Сей, вода его изъ залы въ залу, приводитъ на край одной пропасти, въ которой слышанъ громкій шумъ источника, текущаго слишкомъ въ 10-ти сажняхъ глубины. Никто не дерзаетъ переходить сей пропасти. Своды пещеръ черны и закопчены сажею, отъ чего клочки спалакшищевъ блестятъ еще ярче. На каждомъ шагу попадающія человѣческія кости, и преданіе говоритъ, что это — кости тѣхъ людей, кои въ разные времена искали здѣсь убѣжища отъ ужасовъ войны и смертоносной язвы.

Осмотря главнѣйшія части сихъ мѣстъ, увидя опять солнце и перешедъ рѣку, текущую въ рытвинѣ, встрѣчаешь гробъ *Ойцовскій* (*Опцовскій*) или *Королевскій*, такъ названный въ память того, что въ ономъ былъ Король Спаниславъ Августъ. Сей Государь, здѣсь обѣдавшій, приказалъ разширить входъ и проломать сводъ въ гробѣ, для освѣщенія онаго. Гробъ этотъ менѣе перваго, но гораздо правильнѣе; отъ чего съ перваго взгляда кажется, будто онъ сдѣланъ не Природою, а руками человѣческими.

Въ 2000 шагахъ отсюда и на высокой утесистой каменной горѣ, величественно возвышающейся замокъ или башня *Ойцовская*, служившая нѣкогда жилищемъ Казимиру Великому, а послѣ бога-

тому Польскому роду *Шафранецкихъ*, котораго болѣе нѣтъ, но ошъ котораго произошли многіе знаменитые роды въ Королевствѣ.

Почти съ милію ошскуда находящяся прекрасный и древній замокъ *Пяскова скала*, очень хорошо сохранившійся и имѣющій величественное положеніе. Близъ онаго спойнѣ каменная скала, истинное чудо Природы, которая, уподобляясь Геркулесовой палицѣ и имѣя только 7 сажень окружности въ подошвѣ и въ-четверо сполькоже въ вершинѣ, воздымаешся величественно и, кажется, перяепся въ облакахъ.

Ошскуда до *Черны*, дорога лежитъ по берегу прелестнаго ручья, опушеннаго зеленью. Она кажется пріятною; но прелестъ эша исчезаетъ пошчасъ, когда въѣдешъ въ землю сухую, загроможденную каменными утесами, кои взору проѣзжаго не предспавляютъ ничего инаго, кромѣ обманчивыхъ призраковъ домовъ, церквей, замковъ, башенъ и проч.

Черна спойнѣ въ карпинномъ мѣстѣ, на высокой горѣ и посреде большого лѣса. Здѣсь богатый монастырь *Кармелишовъ*, основанный славнымъ родомъ *Тенсинскихъ*; пакже мраморная ломня, въ которой безпрестанно работаешъ множество людей.

Кржешовице соспавляетъ конецъ сей поѣздки. Сѣрные ключи, къ коимъ въ извѣстное время собираешся множество людей. Спроенія великолѣбныя, шракширы, Теашръ и пр., словомъ, владѣльцы сего мѣстечка, сначала Княгиня *Любомирская*, а пеперь Графъ *Потоцкій*, не забыли ничего, что только можешъ пребываніе здѣсь здѣлать пріятнымъ.

Фабрики и заводы въ Краковѣ.

Суконныя, шляпныя, полошныяныя, восковсвѣчныя, мебельныя, коженныя, Музыкальныхъ инструментовъ и пр.

Театръ и забавы.

Театръ Польскій, Казины, редушы у *Кржыштофора*, публичныя балы и Ресурсъ у *Кноца*, гдѣ также находятся Подписческіе и ученые Журналы.

Смѣсь.

Въ Краковѣ двѣ годовыя ярманки, на копорыхъ шоргъ производися Польскимъ и иностраннымъ Купечествомъ. Какъ обласшь сія свободная, шо и Таможни нѣтъ, и ввозъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ дозволенъ.

Какъ въ городѣ, такъ и во всей обласши онаго, находишь полько 100 человекъ пѣшей вародной Гвардіи, 40 конныхъ Жандармовъ и 200 Полицейскихъ чиновниковъ для присмотра за порядкомъ.

Ни одинъ Жидъ не можешь жить въ Краковѣ, даже ночевать въ ономъ; для жительства ихъ опиведень близъ лежащій городокъ Казимиръ.

На площади, во всякое время, можно найши довольно много наемныхъ карешъ.

Въ предмѣстїи *Клепаржъ* производися большой шоргъ хлѣбомъ, а особливо въ иностранныя земли: въ торговые дни мѣсто это бываетъ набишо возами, какъ здѣшними, такъ и Польскими, Моравскими, Силезскими и даже Венгерскими.

Банкиры и торговые дома.

Первѣйшіе Банкиры: *Ласкевичъ, Вольфъ, Штейнкѣллеръ, Милески, Гольцель и Кирхмайеръ*; а изъ торговыхъ домовъ счисляются первыми: *Морбицеръ, Венцель, Вассерабъ, Дзанотти, Бенирски, Бохенекъ. Фишнеръ* съ поварищами, *Штуммеръ, Вальтеръ, Яшке, Ганъ, Бартль, Шрейберъ.*

Рускіе военные анекдоты.

(Сообщено отъ И. О. З.)

Въ 1812-мъ году, во время опшупленія нашихъ войскъ, опрадь Генераль - Адьюпанша, Графа *Орлова - Денисова* занималь передовую цѣпь при Двинѣ. Широкая рѣка и расположенные подъ оною аванпосты обезпечивали на той сторонѣ непріятельской лагерь, и колонны Французскія разхаживали шамъ безъ опасенія. Графъ примѣшилъ въ одномъ мѣстѣ рѣки шакую излучину, посредшвомъ кошорой можно было переправиться на другой берегъ, не бывъ опшуда примѣченнымъ. Топчасъ вызываешъ онъ изъ *Лейбъ - Козаковъ* двадцашъ человекъ охотниковъ; приказываешъ имъ раздѣшся, сѣшъ на лошадей, взяшъ пики, и поручивъ надъ ними начальшво храброму Порупчику *Коньковцу*, среди бѣлаго дня провожаешъ ихъ вплавъ черезъ Двину. Вмигъ очутились они на томъ берегу и изъ закрытаго мѣста ударили прямо на колонны. Легко можно себѣ предшавишь изум-

леніе Французовъ, пораженныхъ какъ неожидан-
нымъ посѣщеніемъ, такъ и спраннымъ нарядомъ
посѣщителей. Пока они опомнились, Козаки
успѣли уже сполкнутъ нѣсколько Кавалери-
стовъ, отбили пять лошадей и понеслись о-
братно. Весь лагерь встревожился; посылають
въ погоню цѣлый полкъ. Уже Французы видяшь
удальцовъ надъ крупнымъ берегомъ рѣки; уже
воображаютъ окружишь, попопшатъ ихъ; но —
Козаки прыгнули въ воду. и возвратились къ
своему Начальнику невредимы.

*

Въ другое время Графу Орлову-Денисову
понадобился шакъ называемый языкѣ. Онъ при-
звалъ удалаго унтеръ-офицера Кундукова, даль
ему шрехъ надежныхъ Козаковъ и ночью отпра-
вилъ ихъ вплавъ на ту сторону Двины. Сверхъ
всякаго ожиданія вышли они изъ воды, схватили
часоваго, вмѣстѣ съ нимъ нырнули въ воду и
попчасъ представили Графу. Плѣннаго начали
распрашивать; но Французъ дрожалъ и молчалъ.
Думали, что онъ упорствуешь, уговаривали,
грозили; но ни слова. Наконецъ геройство его
окончилось громкимъ смѣхомъ. «Скажише,
пожалуйше,» спросилъ онъ, «не ужели я не въ
аду? Изъ рѣки выскакивають нечистые духи,
хващаютъ меня въ спранные когти, попятъ
въ волнахъ: все это я очень хорошо помню.
Какимъ же образомъ я здѣсь очутился?»

*

Въ Вишебскомъ сраженіи, гдѣ, какъ говорятъ
свидѣтели-Козаки, за пулями не видашь сигнала
Божіяго свѣта, Графъ Орловъ-Денисовъ, про-

Взявъ ряды своего полку, подтверждалъ споаяшь мужескивенно и швердо на мѣспахъ своихъ. »Ваше Сіашельсшво«, сказалъ Графу Козакъ *Касаргинъ*. »Позвольте мнѣ изъ фронпа вы-ѣхашь.« — »За чѣмъ?« — »Ядро опорвало мнѣ правую ногу!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Михаилъ Тверской.

Дума.

(О. В. Булгарину.)

За Узбекомъ въ слѣдъ вдекомый
Кавгадытемъ Михаилъ,
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ юношей вспунилъ.
Мчался Терекъ быспрымъ бѣгомъ
Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ сѣгомъ
Изъ за сизыхъ облаковъ.

*

Спанъ Узбековъ за рѣкою,
На степи, въ глуши песпрѣль;
Всюду войны толпою;
Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Вешимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь - спрадамецъ знаменишый'
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

*

Несчастливица обступили
Любопытные толпой:
„Эпо Князь былъ!“ говорили,
И качали головой.
„Онъ обширными спранами
Какъ Узбекъ нашъ обладалъ;
Онъ съ опважными полками
Кавгадыя поразалъ!“ . . .

*

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрусилъ сильнѣе Князь;
Вспомнилъ славу — и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ.

„До какого униженья,“

Онъ мечталъ, пошупя взоръ,
„Довели насъ заблужденья
И погибельный раздоръ!“

*

Тѣ, которыхъ препешали
Хищный Грекъ и храбрый Ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами спали
И предъ Ханомъ пали въ прахъ!

Я любилъ спрану родную
И пылалъ разрушилъ въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую:
Распри злобныя Князей.

*

О Георгій! ты виною,
Ты одинъ тому виной,
Если кровь согражданъ мною
Пролила въ спранѣ родной!

Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ споль жестокъ,

Что на Русь всю люпосшь брани
И Ташаръ полны навлекъ!

*

Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть, —
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!

Такъ! правъ чеспи не на ушу;

Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу

Люшымъ мщеньемъ надо мной!

*

Пусть вымаливаетъ казни!

Твердь и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,

Какъ въ бояхъ слепался съ ней.

Не хочу своимъ спасеньемъ

На родимый край привлечь
Кавгадыя съ люшымъ мщеньемъ

И Узбека грозный мечь! —

*

Подкрѣпленный сею думой,

Приоднялся Михаилъ,

И спокойный, но угрюмой,

Тихо въ свой шаперъ вспулилъ

Кавгадземъ обольщенный,

Между тѣмъ младый Узбекъ,

Въ сердцѣ прешепный, смятенный,

Смерть невинному изрекъ . . .

*

Ужь Георгій съ палачами

И коварный другъ Царя

Шли поспѣшными шагами,

Къ жершвѣ злобою горя . . .

Предъ Иконою свяпою

Михаиль Псаломъ чипаль; —

Вдругъ съ шой вѣспью роковою

Ошрокъ Княжескій вѣжалъ . . .

*

Въ слѣдъ за нимъ убицы съ крикомъ

Ворвались въ гуспыхъ полнахъ!

Блещеть гнѣвъ во взоръ дикомъ,

Злоба алчная въ черпахъ. . . .

Ворвались — и напали . . .

Какъ гроза въ глухой ночи,

Надъ упавшимъ засверкали

Яшаганы и мечи . . .

Кровь изъ язвъ лилась струёю . . .

И пробилъ его конецъ:

Сердце хладною рукою

Вырвалъ дикій Романецъ!

Князь скончался жершвой мщенья!

Съ той поры ужъ всюду чшимъ:

Михаила за мученья

Церковь празднуетъ Святымъ!

Рылѣевъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XX.

ПРОЗА.

Списокъ всѣхъ Россійскихъ свѣтскихъ Писателей, отъ Рюрика до нашихъ дней, по азбучному порядку. (*)

Аблесимовъ, Александръ Анисим.

Агаѳоновъ, Алексѣй.

Адагуровъ, Василій Евдок.

Албодикъ, Несторъ Макс.

Акишковъ, Дмитрій Серг.

Аршеневскій, Василій Кондр.

Артемьевъ, Алексѣй Аршем.

Афоникъ, Матвѣй.

Баженовъ, Василій Ив.

Базилевичъ, Григорій Ив.

Байковъ, Федоръ Исак., въ XVII вѣкѣ.

Бакунинъ, Василій.

Бантышъ-Каменскій, Николай Никол.

Барковъ, Иванъ Ив.

Барсовъ, Алексѣй Кирил.

———, Антонъ Алексѣев.

———, Алексѣй Дмитр.

Въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVII вѣкѣ.

(*) Любопытная сія списаша доставлена опъ одной извѣстной и почтеннѣйшей особы.

- Барсукъ-Моисеевъ, Ома Ив.
Башиловъ, Семень.
Бестужевъ-Рюцинъ, Алексѣй Пётр.
Бекетовъ, Никиша Аван.
Березовской, Максимъ Созонш.
Бецкой, Иванъ Ив.
Бибиковъ, Семень Серг.
Богдановичъ, Ипполишь Фёдор.
Богдановъ, Андрей.
Болотовъ, Андрей Тимоѳ.
Болтинъ, Иванъ Никиш.
Братищевъ, Василий Фёдор.
Буллатницкій, Егоръ.
Булгаковъ, Яковъ Ив.
Бурнашевъ, Степанъ Данил.
Бурцовъ, Василий.
Буслаевъ, Пётръ.
Бухарскій, Андрей Ив.
Бѣлинъ, Юрій.
Бѣлоградскій, Андрей.
Бѣлосельскій, Кн. Александръ Михайл.
Бѣляевъ, Осипъ Пётр.
Васьковъ, Иванъ Козьм.
Вельцынъ, Иванъ Вас.
Вельяшевъ-Волынцевъ, Иванъ.
Веніаионовъ, Пётръ Дмишр.
Венсовичъ, Иванъ Фёдор.
Веревкинъ, Михайль Ив.
фонъ Визинъ, Денись Ив.
———, Павелъ —
Владиміръ Всевол. Мономахъ, въ XII.
Владыкинъ, Иванъ.
Волковъ, Борисъ.
———, Фёдоръ Григ.

В
ъ
XVIII
в
ѣ
к
ѣ.

- Волковъ, Александръ Андр.
 ———, Сергѣй Сав.
 Гавенскій, Христофоръ.
 Гагаринъ, Кн. Гавріиль Петр.
 Галинковскій, Яковъ Андр.
 Гамалея, Платонъ Як.
 Гиларовскій, Пётръ.
 Гозвинскій, Фёдоръ Кассіан.
 Голеневскій, Иванъ.
 Голенищевъ-Кутузовъ, Иванъ Лог.
 Голиковъ, Иванъ Ив.
 Голицынъ, Кн. Алексѣй Ив.
 ———, — Дмистрій Алексѣев.
 ———, — Алексѣй Пётр.
 Головинъ, Михаилъ Евсев.
 Голквинскій, Иванъ Яковл.
 Грибовъдовъ, Фёдоръ Ив., въ XVII.
 Гурьевъ, Семень Емельян., въ XVIII.
 Даниловичъ, Герасимъ, въ XVI.
 Дашкова, Княгиня.
 Державинъ, Гавріиль Ром.
 Десницкій, Семень Ефим.
 Домашневъ, Сергѣй Герас.
 Друковцовъ, ——— Вас.
 Еврейнввъ, Иванъ.
 Екатерина II, Импер.
 Елагинъ, Иванъ Перфил.
 Ешинъ, Фёдоръ Александровичъ.
 ———, Николай Фёдор.
 Еланиновъ, Богданъ Ег.
 Ефильевъ, Дмистрій Влад.
 Ефремовъ, Филиппъ Серг.
 Зибелинъ, Семень Герас.
 Золотаревъ, Пётръ.

Въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ.

- Золотницкій, Владим. Троф., въ XVIII вѣкѣ.*
Зотовъ, Капитонъ, въ XVII вѣкѣ.
Зцевъ, Васил. Фед., въ XVIII —
Зяловскій, Евспрашъ Ив., въ XVII вѣкѣ.
Ивановъ, Федоръ Федоров.
Ильинскій, Иванъ.
—————, Михаилъ Ив.
Ильинъ, Николай Ив.
Иноходцевъ, Пешръ Борис.
Иродіоновъ, ———
Исленьевъ, Иванъ.
Кантемиръ, Кн. Дмишр. Консп.
—————, — Аншіохъ Дмишр.
Каринъ, Федоръ Григ.
————, Александръ Гр.
Карпинскій, Никонъ Карп.
Кириловъ, Иванъ.
Климовскій, Семень.
Клущинъ, Александръ Ив.
Княжнинъ, Яковъ Бор.
Кобелевъ, Иванъ.
Козельскій, Яковъ.
————, Федоръ.
Козицкій, Григорій Вас.
Козловскій, Кн. Федоръ Алексѣв.
Колмаковъ, Алексѣй Вас.
Кольцевъ, Василий Пешр.
Коловъ, Иванъ Ив.
Кондратовиць, Кириакъ.
Кононовъ, Алексѣй.
Константинъ Всевол., въ XIII. {
————— Консп., въ XVI. {
Копьевъ, Алексѣй, въ XVIII. {
Корабейниковъ, Трифонъ, въ XVI. {

Ф.
К.
Ф.
В.
XVIII
Ф.
В.

КНЗ.
РУСК.

- Костровъ, Ермилъ Ив.
Котельниковъ, Семень Кирил.
Краевскій, Григорій.
Крашенинниковъ, Степанъ Петр.
Крекшинъ, Пётръ.
Кременецкій, Иванъ.
Крестининъ, Василий.
Крутинъ, Матвѣй.
Кубасовъ, Сергѣй.
Курбскій, Кн. Андрей Михайл., въ XVI.
Кургановъ, Николай Гавр.
Лебедевъ, Герасимъ.
Левашевъ, Павелъ.
Леонтовичъ, Савва.
Леонтьевъ, Алексѣй.
Лепехинъ, Иванъ Ив.
Ливановъ, Михаилъ.
Лихачевъ.
Лобановъ, Семень.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильев.
Лопухинъ, Иванъ Владим.
Луговскій, въ XVII вѣкѣ.
Лукинъ, Владиміръ, въ XVIII.
Лызловъ, Андрей, въ XVII.
Лыковъ, Богданъ.
Львовъ, Николай Александр.
Магницкій, Леоншій Иван.
Майковъ, Василій Ив.
Макаровъ, Пётръ —
Макентинъ, Харипонъ.
Мамоновъ, Ѳеодоръ.
Матвѣевъ, Андрей Аршам.
———, Аршамонъ Серг., въ XVII вѣкѣ.
Милославскій, Аванасій, въ XVII вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ.

- Михайловъ, Анисимъ.
Моисеенковъ, Ѳеодоръ Пешр.
Муравьевъ, Николай Ероф.
————, Михайль Никиш.
Муцинъ-Пушкинъ, Гр. Аполлосъ Апол.
————, Гр. Алексѣй Ив.
Нагаевъ, Алексѣй.
Назаровъ, Степанъ.
Новиковъ, Николай Ив.
Олсуфьевъ, Адамъ Вас.
Панкевизъ, Михайль Ив.
Пекинъ, Христіанъ.
Переверзевъ, Иванъ Аѳанасьев.
Перекрестовизъ, Даніиль.
Перискій, Михайль.
Петровъ, Василий Пешр.
Петръ I., Императоръ.
Писаревъ-Скорняковъ, Григорій.
————, Степанъ Ив.
Плещевъ, Сергѣй Ив.
Погорецкій, Пешръ.
Полетаевъ, Ѳеодоръ.
Политковскій, Ѳеодоръ Герасимовичъ.
Полунинъ, Ѳеодоръ.
Пономаревъ, Егоръ.
Поповскій, Николай Никиш.
Поповъ, Никиша Ив.
Порошинъ, Семень.
Посошковъ, Иванъ, въ XVII.,
Постниковъ, Пешръ Вас.
Потелкинъ, Гр. Павелъ Серг.
Правиковъ, Ѳеодоръ Денис.
Пракудинъ, Михайль.
Радищевъ, Александръ Никол.

- Резановъ, Николай Пётр.
Решинъ, Александръ.
Ржевская, Александра Ѳеодт.
Ржевскій, Алексѣй Андр.
Рижскій, Иванъ Спеп.
Рожалинъ, Козьма.
Розановъ, Ѳома Филим.
Розладинъ.
Романовъ, Вуколь Ѳеодт.
Романъ Росписл., Кн., въ XII.
Россохинъ, Иларіонъ.
Ростовцевъ, Алексѣй.
Рубановскій, Андрей.
Рубанъ, Василій Гр.
Рубовскій, Спепанъ Яковл.
Рытковъ, Пётръ Ив.
———, Николай Пётр.
Сабанинъ, Михаилъ Гр.
Самойловитъ, Даніиль Симон.
Санковскій, Василій.
Свѣтовъ, ———
Селецкій, Александръ.
Сибирскій, Иванъ.
Симоновскій, Пётръ.
Синьковскій, Дмитрій Никол.
Ситкаревъ, Лука Ив.
Сонионовъ, Ѳеодоръ Ив.
Скиаданъ, Михайло —
Соколовъ, Никиша Пётр.
Софія Алексѣевна, Царевна, въ XVII вѣкѣ.
Сохацкій, Павель Аѳ.
Соцъ, Иванъ Вас.
Станкевитъ.
Старовъ, Иванъ Ег.

Въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ.

- Сумароковъ, Александръ Пешр.
Сушковъ, Михаилъ.
Сыромятниковъ, Алексѣй Спеп.
Сырѣйчиковъ, Евгеній.
Тамбовцевъ, Василий.
Татищевъ, ————— Никиш.
—————, Иванъ Ив.
Тепловъ, Григорій Никол.
Тереховскій, Марьянъ Марш.
Тилковскій, Юсифъ.
Титовъ, Николай.
Толганиновъ, Бояринъ.
—————, Никифоръ Машв.
—————, Дьякъ Алексѣй Ив.
Тредьяковскій, Василій Кирил.
Третьяковъ, Иванъ.
Трехмиловскій, Михаилъ.
Тузовъ, Василій.
Унковскій, Иванъ.
Фирсовъ, Аврамій Панкр.
Фіялковскій, Степанъ.
Хелницеръ, Иванъ Ив.
Хераскова, Елисавета Вас.
—————ъ, Михаилъ Машв.
Хилковъ, Кн. Андрей Як., въ XVII.
Хитровъ.
Хмѣльницкій, Иванъ.
Хованскій, Кн. Григорій Ал.
Храповицкій, Александръ Вас.
Цициановъ, Кн. Евстаѣй.
Чертковъ, Василій Алексѣев.
Чулковъ, Михаилъ Дмитр.
Шафировъ, Бар. Пешръ Павл.
Шафонскій, Аѳанасій.

Ф.

в

XVIII

в

в

въ XVIII вѣкѣ.

Шаховской, Кн. Симеонъ.
Шейнъ, Алексѣй Сем.
Шелеховъ, Григорій Ив.
Ширяевъ, Михаилъ.
Шишкинъ, Иванъ.
Шиковъ, Василій.
Шмалева, Тимоѳей.
Шушеринъ, Иванъ Корнильев.
Щепинъ, Константинъ.
Щербатовъ, Кн. Михаилъ Михайл.
Юлинецъ, Павель.
Ягельскій, Кассіанъ.
Ярославъ Владим., Кн., въ XII.
Феодоровъ, Илья, въ XVIII вѣкѣ.
Фоминъ, Александръ въ XVIII —

ВЪ XVIII ВѢКѢ

Нѣчто о Гальвани.

Знаменистый *Гальвани* родился въ Болоньи, 9-го Сентября 1737-го года. Первое свое воспитаніе получилъ онъ въ одномъ изъ шамошнихъ монашхрей, подъ руководствомъ достойныхъ служителей Церкви и человѣчества. Онъ и самъ хотѣлъ посвящать себя духовному званію; но одинъ изъ почтенныхъ его наставниковъ, замѣтивъ въ немъ необыкновенный умъ и отличныя способности, убѣдилъ его, оставивъ сіе намѣреніе. Молодой *Гальвани* началъ заниматься Медициною и въ короткое время оказалъ весьма быстрые и блистательные успѣхи.

Онъ преимущественно избралъ сію науку; ибо она, знакомя его съ сокровищами и цѣлебными силами Природы, открывала вмѣстѣ благопріятнѣйшій случай, бысть полезнымъ для спраждающаго человѣчества.

Высокая душа *Гальвани*, напитанная истиннымъ благочестіемъ, возвышала достоинства ума его, живаго, пылкаго и всеобъемлющаго. Дѣятельность его и обширныя свѣденія вскорѣ обратили на него вниманіе ученаго Начальства въ Болоньи. Будучи наименованъ Профессоромъ Анатоміи при тамошнемъ Инспиритѣ, посвящалъ онъ все свободное время разнообразнѣйшимъ и важнымъ опытамъ, кои простирались на всѣ отрасли Физико-Медицинскихъ Наукъ. Кому неизвѣстно, что опыты сіи увѣнчались блистательными открытіями и что важнѣйшее изъ оныхъ перейдетъ конечно къ опдаленнѣйшему потомству, вмѣстѣ съ его именемъ.

Заслуги *Гальвани* приобрѣли ему всеобщее уваженіе въ ученой Европѣ; но добродѣтели частной его жизни здѣлали память его драгоценною для многочисленнаго круга друзей и знакомыхъ. Любовь къ истинѣ и человѣчеству была, можно сказать, единственною его страстию. »*Гальвани*,« *говоритъ Г. Алиберъ, (*)* »не принадлежалъ къ числу мнимыхъ Философовъ, кои всю мудрость свою посвящаютъ въ нечувствительности; кои умѣли здѣлать себя равнодушными ко всему, что только не касается до личной ихъ выгоды. Нѣтъ! Его Философія была истинная, ведущая ко всему

(*) *Eloge historique de Galvani.*

честному и благородному, умѣющая придавать самымъ спрашьямъ полезное и благотворное направленіе. Словомъ, это была Философія *практическая*, копорую во всякомъ случаѣ должно предпочипашь *цѣлственной*, къ несчастью споль обыкновенной въ нашемъ вѣкѣ.»

Гальвани женашь былъ на дочери извѣснаго Медика *Галеацци*: женщинѣ, копорая споль же была извѣсна своею красотою, какъ и уважаема за свои добродѣтели. Нѣжная ея попечительность служила ему сладчайшимъ утѣшеніемъ въ горестяхъ, кои нерѣдко навлекала ему зависть, неразлучная спушница всѣхъ опличныхъ достойнствъ. Семейное счастье *Гальвани* продолжалось прищашь лѣтъ; но прервано было кончиною достойной его супруги. Горестная сія потеря здѣлала на него сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Онъ пипаль печаль свою и не искалъ разсѣній. » Не проходило почти дня,« говоритъ *Г. Алиберъ*, » въ копорый бы не посѣпилъ онъ памяшника, воздвигнушаго имъ надъ прахомъ добродѣтельной своей подруги. Надобно признашьяся, что смершныя ошашки людей, для насъ любезныхъ, имѣють какую-то волшебную, привлекаштельную силу. Надгробная урна, орошенная искренними слезами, какъ-бы потрясаешя вмѣстѣ съ прахомъ, въ оной заключеннымъ и симъ какъ бы опвѣчаешь на наши споны и рыданія.»

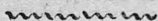
Сія невозвращима потеря повергла *Гальвани* въ глубокую задумчивость, опъ копорой онъ никогда уже не изцѣлялся. Всѣ силы души его казались недосшашочны, для преодоленія сей горести. — Французская революція, копорая

вскорѣ перешла и за Альпы и совершенно перемѣнила положеніе Италіи — извлекла Гальвани изъ печальнаго его уединенія и прервала ученыя его занятія. Высокая душа его любила благоразумную свободу; но ненавидѣла буйство и своеволие. Новые власништели вздумали спрашивать его угрозами и шѣмъ еще болѣе оскорбили благородный его характеръ. Гальвани не хотѣлъ присягать Чизальпинской Республикѣ и былъ за то лишенъ мѣста, жалованья и почти доведенъ до нищеты. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Италіянское Правительство почувствовало свою несправедливость и хотѣло вознаградить его за понесенныя пощери. Но это было уже поздно: Гальвани, коего здоровье совершенно разстроилось отъ Физическихъ и нравственныхъ спраданій, опклонилъ предложенныя ему почести и вскорѣ засимъ скончался, 14-го Фримера 7-го года Республики.

Съ Франц.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Гр. К. Д. Т — ой,
которой Сотинитель давно обѣщалъ стихи.

Давно, прелестная Графиня,
Давно ужъ я въ долгу у Васъ;
Но пѣснопѣнія богиня —
Повѣрыте мнѣ — не всякой часъ
Лешаетъ съ нами на Парнассъ.
Мнѣ право съ Музами бесѣды
Труднѣе, чѣмъ для Васъ побѣды!
Вамъ споить бросишь взоръ одинъ —
И пѣма поклонниковъ явишя,
Увынѣ въ радость превратишя
И самъ Киприды рѣзвый сынъ
Опустишь крылья, усмиришя
И, коль угодно, согласишя
По свѣту больше не порхашъ,
Чпобъ только съ Вами обиапашъ!
Соединя всѣ дарованья,
Вы вмѣстѣ всѣ очарованья
Въ себѣ умѣли соединишъ.
Хопите ль насъ обворожишъ
Прелестнымъ даромъ Терпсихоры,
Лешая легкимъ вѣперкомъ? —
Опвсюду къ Вамъ сердца и взоры
Лешашъ и явно, и тайкомъ,
Или — побѣды въ довершенѣе —
Раздасшя сладостное пѣнѣе,

Какъ нѣжны прели соловья!
Вашъ голосъ въ душу проникаешъ,
Мечты минувши обновляешъ.

И скорбь и радость бышія . . . .

Мнѣ право съ Музами бесѣды
Труднѣе, чѣмъ для Васъ побѣды!
Поэту съ унылою душой,
Бездомный спранникъ въ здѣшнемъ мірѣ,
Почтишь ли Васъ своей хвалой
На дремлющей, забвенной лирѣ?
Примите жъ, въ слабыхъ сихъ стихахъ,
Усердье вмѣсто вдохновенья
И дань душевнаго почтенья
Въ нелъспивыхъ, искреннихъ словахъ!

К.

С о вѣ т ъ д р у г у .

Коль есть преграды къ наслажденью,
Надеждою, мой другъ, живи,
Ошдавъ печали всѣ забвенью,
А жизнь свою — любви.

Д. Глѣб. вѣ.

К ъ А л и н ѣ .

На что дарить тебѣ цвѣтны,
Чтобъ въ спрасни нѣжной мнѣ опкрышься?
Цвѣтновъ невѣрны красоны:
Не долго блескомъ имъ гордишься!

Въ минушю роза разцвѣшетъ,
Попомъ въ минушю и увянетъ;
Но въ сердцѣ спрасъ моя пройдесть,
Когда лишь бишься перешанетъ.

Д. Гл. *Гл.*

Къ портрету Дениса Васильевича Давыдова.

Въ немъ храбрость, умъ, шалантъ и чувствво благо-
родства
Блискающъ равными чертами превосходства!

Князь Шаликовъ.

Къ В. П. У — ой.

Я проигралъ закладъ
Въ помъ нѣшу никакого спора,
И я плашшь гошовъ и радъ
По смыслу договора.
Но ты не радуйся — швой выигрышь не кладъ:
На дѣлѣ ясно шакъ, какъ дважды два чешыре,
Что проиграла ты, не я.
Я написашъ спихи обязанъ для шебя,
Терзашъ швой слухъ игрой на лирѣ;
А ты спихи мои обязана чипашъ
И даже въ свой альбомъ вписашъ.
Мое несчасье не ужасно:
Изобразишь предметъ прекрасной,

Дать волю чувствамъ и словамъ!
Признайся, проиграшь не всёмъ такъ доспаешся,
И выиграшь не всёмъ Поэзамъ удаешся
Такого милаго чинашеля спихамъ.

~~Видно~~ вѣ.

О ш и б к а.

Въ предъидущемъ No. *Новостей Литтеры*, на стр. 96-й, въ третьемъ стихѣ снизу, ошибкою перепищика, напечатано:

— — *ужь всюду тилѣ*;
а должно чинашь:

онѣ всюду тилѣ.

Печаташь позволяешся: 12-го Ноября, 1822-го года.

Цензорь А. Вируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXI.

ПРОЗА.

*Слово о томъ, что Иисусъ Христосъ грѣшника
всегда памятуетъ и вездѣ ищетъ не его поги-
бели, а спасенія. (*)*

И глагола разслабленному: хочещи ли цѣль быти?
Возспани, возми одръ швой и ходи. *Иоан. V. 7.*

Тако въ духъ любви и нѣжнѣйшаго состраданія говорилъ Иисусъ Христосъ къ плому бѣдному и изнеможенному шруженику, кошорый придесашъ и осмь лѣтъ былъ оплученъ опъ своего семейшва, удаленъ опъ всѣхъ ушѣхъ и радостей, прикованъ къ болѣзненному одру, изсохъ подобно шроспи и шпирдалъ шѣмъ безопраднѣе, чшо, видя другихъ изцѣляемыхъ, самъ онъ, какъ бы забышый и всѣми брошеный, не обрѣпалъ человѣка, кошорый бы, егда возмушишя вода, не опрекся ввергнушь его въ купель всеисцѣляющую. Токмо единъ Господь не забылъ сего всѣми

(*) Одно изъ *Поучительныхъ словъ* Священника здѣшнята Военно-Сирскаго Опдѣленія, О. *Алекся Малова*. (См. Р. И., №. 251-й.)

оставленнаго; шокмо Онъ единъ призрѣлъ на его спраданія, и Онъ единъ дароваль ему то, чего щещно ожидалъ онъ отъ соспращашельности ближнихъ своихъ. О! колико же Онъ благъ и колико многомилоспивъ!

Но, брашіе, купель ли шокмо Іерусалимская видѣла въ Сынѣ Божіемъ Существо всеупѣшительное? Къ единому ли шокмо разслабленному Онъ явился шолико нѣженъ и шолико соспращашеленъ? Не шакоеъ ли Онъ и доднесъ ко всѣмъ и къ каждому изъ земныхъ шпружениковъ? Не съ шкою ли же любовію Онъ и доднесъ бесѣдуепъ ко всѣмъ болѣзнуощимъ, ко всѣмъ обремененнымъ и ко всѣмъ изнемогаощимъ? Не съ шкою ли же нѣжноспію Онъ и доднесъ обращаепся ко всѣмъ препыкаощимся, ко всѣмъ упадаощимъ, ко всѣмъ разслабленнымъ, ко всѣмъ грѣшникамъ и ко всѣмъ беззаконникамъ?

Такъ, брашіе, *Іисусъ Христосъ вчера и днесъ, той же и во вѣки*. Будучи весь любовію и благоспнію, Онъ всегда единъ и всегда Себѣ подобенъ. Нѣтъ мѣста, нѣтъ времени, нѣтъ случая, гдѣ бы Онъ переспаваль бышь Существомъ благопроемыслительнымъ, всемилующимъ и благодѣющимъ. Воспріавъ на Себя дѣло всемірнаго умиренія и сошедъ на землю *не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать на покаянне*, Іисусъ Христосъ и дѣйспвоваль и дѣйспвуепъ въ мірѣ, не яко спрогій Судія, но яко Ощецъ, всегда и всякому приступный; вездѣ и во всякомъ случаѣ полный любви и нѣжнѣйшаго благоволенія. Гдѣ бы несчастный грѣшникъ ни обрѣшался, въ какой бы мрачной юдоли

онъ ни обижалъ, куда бы спросили и злыя похоти его ни загнали; око Искупителя всегда и вездѣ его видишь, и видишь не во гнѣвѣ и ярости, но въ долгошерпѣнии, въ сокрушеніи о его слабостяхъ и въ благодушномъ ожиданіи его обращенія. Какъ бы глубоко онъ ни упалъ въ пресшупленія, какъ бы велики ни были его злодѣянія, какъ бы ни прогнали и ни возмердѣли его раны, словомъ, какъ бы его распѣніе ни казалось неизцѣльно;—Господь никогда его не забываетъ, никогда не покидаетъ, но яко созданіе рукъ Своихъ, яко оппечашокъ Своихъ совершенствъ и величія, всегда его памятуешь, всегда представляешь ему случаи къ возстанію, всегда подкрѣпляешь его Своею благодатию, всегда ищешь его обращенія, и всегда хочешь, да сіе овча горохищное придетъ на пушь истины, да оно изцѣлѣетъ, да уврачуется и да спанетъ предъ свѣтлымъ лицемъ Его, *не яко рабъ погибельный, но яко сынъ избавленія и яко причастникъ нескончаемыхъ радостей.*

И къ сему Существу благодарствующему, къ сему Отцу благосерднѣйшему, къ сему *Пастырю, положившему свой животъ за овецъ блуждающихъ*, когда бы грѣшникъ ни приходилъ, онъ никогда не придетъ поздно, всегда обрѣтешь избавленіе и никогда осужденіе. Придешь ли онъ ко Господу тогда, когда еще юнѣетъ и въ лѣсахъ и въ развращеніи; — Онъ его приметъ съ веселіемъ и также много объ немъ радуется, какъ много радовался пошь Евангельскій отецъ, копорый, *обрѣтя своего блуднаго, своего изгншаго и своего полмертваго,*

самъ избѣгъ ему во срѣтеніе, самъ объялъ его и самъ, въ чувствѣ небеснаго умиленія, облобызалъ его. Приходитъ ли къ Сыну Божію грѣшникъ тогда, когда его преспуцленія уже равняющіяся крѣпости его силъ и мужескаго возраста; — Онъ не отвергаетъ его отъ Своего милосердія, и пѣмъ болѣе изливаетъ на него даровъ Своихъ, чѣмъ въ подобныхъ случаяхъ они нужнѣе, и чѣмъ очевиднѣе та опасность, въ которой находишься душа многоязвенная. Приноситъ ли грѣшникъ ко Господу голову, во злѣ и беззаконіяхъ посѣдѣвшую, то есть, приходитъ ли онъ къ Нему тогда, когда распущенна и спудодѣянна гошовасть ему уже гробъ и искапывающъ могилу; — и тогда Господь не опивращаетъ отъ него лица Своего; и тогда Онъ еще отвергаетъ опеческое лоно Свое; еще хочетъ, да обновится юность его, яко орля; еще подаетъ ему спасающую Свою длань и еще его возспавляетъ. Короче, приходитъ ли грѣшникъ ко Господу упромъ, приходитъ ли въ полдня, приходитъ ли въ самое навечеріе смерти; — онъ приходитъ всегда во благовременіи и никогда безвременно. Несетъ ли онъ къ Нему малое бремя, идетъ ли съ пляжкою и неудобносномою грѣховною ношею; — Господь всегда гошовъ принявъ его, гошовъ всегда покрытъ его и гошовъ всегда дасть ему пло, что принесъ Онъ на землю и что дарспвуешь всему бѣдному и обвешавшему человекесиву. Все дѣло соспоишь въ помя, чтообы грѣшникъ хопя мало вошелъ въ самого себя; все дѣло соспоишь въ помя, чтообы онъ хопя нѣскольго почувспвовалъ свое изнемо

женіе; или лучше, все дѣло соспоишь въ помѣ, чшобы онъ шокмо захошѣль бышь помилованнымъ. Господь его не оставишь: *богатый въ любви и неизсякаемый въ милости, Онъ его лишенія восполнитъ, нищету обогатитъ, пустоту замѣститъ, наготу одѣнетъ.*»

Правда, были (а можешь бышь, ешь и нынѣ) учили, кошорые вмѣшо шого, чшобы грѣшника веспи къ Искупишелю въ дѣшской преданности и во младенческомъ упованіи, говорили, что и малѣйшее опъ Него уклоненіе разрушаешь уже всю возможность человѣческаго съ Нимъ соединенія. Но если это шакъ, шокмо же и помилованъ бышь можешь? Развѣ ешь человѣки не грѣшники? Развѣ не все больше или меньше опъ Господа уклоняюшся?

О! не довѣрайше, браше, симъ духамъ неприязненнымъ. Изъ какого бы испочника ихъ ученіе ни происшекало; но оно не изъ ушь Любви воплощенныя. Нѣшь: не составляйше понашій о Сынѣ Божіемъ по полкамъ шѣхъ или другихъ человѣковъ; но разумѣйте Его шакъ, какъ самъ Онъ благоволилъ отккрышь Себя во свяшомъ Своемъ словѣ. Тамъ Онъ является во всемъ сіяніи благодашнаго къ грѣшникамъ снисхожденія; шамъ окрестъ Его, яко окрестъ *учителя*, въ высочайшемъ смыслѣ *кроткаго сердцеца*, собираюшся не одни Апостолы, не одни праведники, но и мытари и любодѣи, и все, что шолько разслаблено, все, чему шокмо нужна была Его помощь и Его свяшое заспушеніе.

Не мнише же, что ешь беззаконія, преподѣдающія милосердіе небснаго Ошца нашего.

Доколѣ сіи беззаконія не обращаюся въ кляшвенное пропивленіе благодаши и не сосставляюшъ хулы на Духа Святаго, дополѣ оныя еще простибельны и еще оппускаюся. (а) Не думайте, что естѣ грѣшники, Имъ совсѣмъ оставленные и совсѣмъ забытые. Ахъ! Не измѣряйте скудосію чловѣческаго сердца шой любви, кошорая неистощима и неизсякаема; не назначайте предѣловъ милосердію безпредѣльному; не обижайте шого Агнца Божія, кошорый воспріялъ на рамена свои грѣхи цѣлаго міра! Не любовь ли извела Его изъ свѣща неприсупнаго; не она ли низвела Его до сей юдоли плача и сокрушенія? Не она ли подрушила Его съ земнородными; не она ли и доднесъ спруишся ошъ Его преспола на всяку шварь и на всякое созданіе? И сія любовь не воспримешъ подѣ кровь свой шого бѣднаго грѣшника, за кошораго она пострадала до смерши крестныя?

О! нѣшъ; еще повшоряю вамъ, братіе, не указуйте робкимъ грѣшникамъ въ Сынѣ Божіемъ шокмо спрогого Судію и неумолимаго мспишеля! Доколѣ они живы и доколѣ еще дышашъ, Господь имъ не Судія, не мспишель, а *Молитвенникъ, Ходатай и Избавитель*. Не предспавляйте имъ казней и прещенія шамъ, гдѣ живутъ одиѣ милосши и гдѣ царствуетъ одно благоснисхождение; не охлаждайте ихъ сердца, и безъ шого можетъ бышъ уже едва не совсѣмъ изсябшія; вдыхайте въ оныя лучше шеплошу и осыпайте искрами благошворными;

(а) Матт. XII. 31. 32.

не говорите имъ, что для нихъ нѣтъ уже никакихъ надеждъ и никакого упованія; не повергайте ихъ въ то погибельное опчаяніе, которое свойственно только духамъ непокорнымъ. То правда, что съ пошереею добраго сердца они пошеряли много; но они пошеряли еще не все, по крайней мѣрѣ не все безвозвратно. *Еще живѣ Господь*, и сей Господь есть источникъ благодѣи и всепрощенія; *вѣрую* во имя Его все можно поправить, все возвращить и все *воспріять сторицею*. Только одна нераскаянность дѣлаеть невозможнымъ сіе воспріятіе; только тошъ не пріемлетъ ошъ исполненія Божія возлюбленнаго, кто ошходитъ ко гробу, не помянувъ ни Его заслугъ, ни Его освященія. Совѣшуйте убо всѣмъ и каждому бояшся не Господа, а грѣха, ошъ Него оплучающаго, паче же шой мершвенной нераскаянности, въ кошорой многіе усыпающъ. Самымъ шяжкимъ грѣшникамъ совѣшуйте не бѣжашъ ошъ Господа, а къ Нему обращающъ и предъ. Нимъ исповѣдашся; швердите имъ временно и безвременно, что *гдѣ есть мѣсто для покаянія, тамъ конетно сыщеться мѣсто и для помилованія*; швердите имъ, *что ни одинъ вздохъ и ни одна слеза предъ Господомъ не пропадаютъ*; повшорайте имъ въ часы душевнаго ихъ смущенія сіе златое слово милующаго Спасителя: «Сынъ мой! скорѣ машъ забудешъ ошроча свое, но Азь не забуду шебе (а); изглажду всѣ швои грѣхи и беззаконія, Мене ради. Сынъ Мой! даждъ Ми только

(а) Исаиі ІІІ. 22.

»сердце швое, и сей камень бесплодный Я умягчу и прешворю въ сѣмя живое и благошворное. Не Я ли помиловаль блудодѣицу, всѣми осужденную; не я ли просиаль мышаря, опъ всѣхъ уничиженнаго; не Я ли, въ самую минушю смерти, спасъ того нерѣшимаго связня, копорый со креста свидѣтельспивоваль о Моемъ милосердіи? Почпо убо медлишь прииши ко Мнѣ и почпо коснишь въ швоихъ беззаконіяхъ?»

О! знакомъше, брашіе, съ симъ языкомъ благоспи шѣхъ, копорые изнемогаюшъ подъ шяжестію душевнаго запусшѣнія. Бышь можешъ, сими внушеніями, а особливо, если предложите оныя въ Хрисповой любви и въ крѣпости ниспосланнаго Имъ Ушѣшишеля, вы произведете шо, что и замаперѣвшіе во злѣ беззаконники пробудяпся, возспанушъ опъ грѣховнаго своего ложа, обрапяпся къ Искушшелю, и шако, *потерянные для неба и вѣчности, паки воскреснутъ и паки обрящутся.*

Прочее же вѣдите, брашіе, и шо, что приводя другихъ ко Господу, вы не должны забывашъ и сердца собственнаго. Оно у насъ пакъ лукаво, что изливалсь для другихъ въ состраждущей чувспшительности, само для себя иногда деревенѣеть и остаешся совсѣмъ безчувспвенно. Благовѣспшите убо о имени Искушшеля всѣмъ и каждому, но чаще и гораздо чаще себѣ самимъ. Возведите къ Нему прежде всего души собспвенныя, и тогда прочія души, — будушъ ли эшо души вашихъ дѣшей, вашихъ друзей или вашихъ враговъ, — спанушъ въ слѣды ваши и,

яко дѣвы гистыя и неблазненныя, рано или поздно, приведутся къ Царю небесному. Аминь.

Историческое и Топографическое описаніе Варшавы.

(Изъ книги: Спутникъ въ Царство Польское и Республику Краковскую) (*).

Варшава. (Д. 53° 42' 30". Ш. 52° 14' 28".)

По переписи 1819-го года содержишь въ себѣ 99.000 душъ, исключая гарнизона, котораго всегда считаеишься до 20.000 человекъ.

Мѣстоположеніе.

Варшава, столичный городъ Царства Польскаго и, со времени Сигизмунда III, обыкновенная резиденція, стоишь на очень высокомъ холму праваго берега Вислы и соспишь изъ стараго и новаго города, предмѣстій, кои считающся лучшими частями сей столицы и изъ чепырехъ близъ лежащихъ городковъ, имѣющихъ свои права, исключительныя преимущества и собственныя Магистраты, а именно: *Гржибовъ, Лешно, Шолецъ и Прага*. Сія послѣдняя, нѣкогда бывшая обширнымъ городомъ, совершенно разорена въ войну 1794 года. Выспроясь снова, она подверглась новой перемѣнѣ въ войну 1816 г. Здѣшніе дома уступили мѣста свои укрѣпленіямъ. Нынѣшнее Правительство занимается неутомительно новою выспройкою сего предмѣстія, по генеральному прекрасному плану. Прага отдѣляется отъ Варшавы

(*) Сія любопытная книга, какъ мы уже сказали, переведена заслуженнымъ Липператоромъ нашимъ, Д. И. Языковымъ и вскорѣ будетъ оппечашана. *Прим. Изд.*

Вислю, соединяясь съ одною живымъ мостомъ, длиною въ 263 сажени. Намѣрены сдѣлать другой мостъ каменный и изъ желѣзныхъ цѣпей, по начертанію Г. *Мецеля*, Директора Пущей Сообщенія.

Церкви и зданія замѣчательныя.

Царскій замокъ (*Замекъ*) замѣчательнень въ особенності величественнымъ своимъ положеніемъ на высококомъ мѣстѣ, которое защищаетъ Вислу и противолежашій берегъ. Онъ часнію выстроень Сигизмундомъ III, увеличенъ Августомъ II и конченъ Спаниславомъ Августомъ *Понятовскимъ*.

Въ семь замкѣ замѣчательны двѣ Сеймовыя залы, одна для Денушаповъ, другая для Сенаша; также большая бальная зала, выложенная мраморомъ и украшенная всею шѣмъ, чію есть лучшаго въ Архисекшурѣ и въ бронзовыхъ золоченныхъ вещахъ. Подлѣ оныхъ, зала для представлений, украшенная шестью большими картинами, писанными *Батареллиемъ* и представляющими ошличѣйшія произшества изъ Польской Исторіи (*); также 22-мя бюстами изъ чернаго мрамора, изображающими знаменитѣйшихъ людей сей земли. Въ другой комнашѣ изъ чернаго и краснаго мрамора, висятъ портреты Королей Польскихъ, а въ ближней отъ нея, виды Варшавскіе, писанные славнымъ *Каналетти*. Тронная и многія другія комнаты заслуживаютъ бытъ видѣваемыми,

---

(*) Двѣ изъ нихъ отвезены были въ Парижскій Музей, но нынѣ возвращены опять, со многими видами Каналетши.

также какъ и Государственный Архивъ, помѣщающійся въ нижнемъ жильѣ и имѣющій множество древнихъ рукописей. Теперь занимающагося соединеніемъ замка съ Вислою, посредствомъ большаго сада, который непримѣльнымъ уклономъ доидеть до береговъ сей рѣки; а какъ чрезъ это мѣсто идетъ одна улица нижняго города, по намѣрены покрыть ее сводомъ, ошважно сдѣланнымъ на 200 саженьхъ длины. Во всю длину сего свода будутъ арки къ споронѣ рѣки, для освѣщенія внутренности онаго.

Саксонскій Дворецъ. Древнее жилище двухъ Августовъ, Королей Польскихъ, съ большимъ дворомъ, превращеннымъ нынѣ въ воинскую площадь и садомъ, который недавно, будучи опдѣланъ и украшенъ, сдѣлался лучшимъ гульбищемъ въ городѣ. (См. гульбища).

Дворецъ Правительства, прежде *Красинскихъ*, оплчается красивою своею Италіанскою Архитектурою. На обширномъ дворѣ его помѣщаются: Польскій Театръ, Главная Таможня и Департаментъ Министерсва Внутреннихъ Дѣлъ. Въ самомъ же дворцѣ собирается верховный Трибуналъ.

Старинный дворецъ Брюля, въ которомъ нынѣ живетъ Его Императорское Высочество, Цесаревитъ и Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЬ.

Дворецъ Царскаго Намѣстника, принадлежавшій прежде Князьямъ Радзивиламъ.

Магистратъ, прежде домъ Князей Яблоновскихъ.

Большой домъ Минисперства Военныхъ дѣлъ, принадлежавшій въ прежнія времена Примасамъ Королевства.

Академія. Древній замокъ, въ которомъ некогда жилъ Король Іоаннъ Казимиръ. Спаниславъ Поняшовскій подарилъ его Кадепскому Корпусу; а нынѣшнее Правительство, придѣлавъ къ оному множество хорошаго строенія, отдало Университету. Въ срединѣ обширнаго двора воздвигнется скоро памятникъ безсмертному *Копернику*, природному Поляку и Канонику Вармійскому, который своею системою міра прославился во всемъ мірѣ.

Главный Военный Госпиталь, прежній лѣпный дворецъ Королей Сигизмунда I, Сигизмунда Августа, Стефана, Сигизмунда III и Владислава IV.

Арсеналъ, основанный Стефаномъ Бапориємъ, увеличенный и украшенный въ наше время. Внутреннее устройство онаго замѣчательно.

Два Монетныхъ двора. Одинъ изъ нихъ, недавно выстроенный, удивительной Архитектуры; въ немъ есть паровая машина, замѣчательная по своему совершенству и отдѣлкѣ.

Маривиль, во вкусѣ Парижскаго Пале-рояля, чрезвычайной огромности. Зданіе это, назначенное для ярмарокъ, вмѣщаетъ въ себѣ Биржу и Таможню, слишкомъ 300 лавокъ, комнатъ и амбаровъ и удобныхъ кварширъ для купечества.

Три большія *казармы*, изъ коихъ пѣшей Гвардіи и Архиллерійская отличаются просторностью и красотою Архитектуры.

Домъ Графа *Потоцкаго*, Предсѣдателя Сена-ша. Сей Вельможа имѣеть драгоцѣнное собра-нiе картинъ, прекрасную Библиотеку, кабинеть древностей и множество другихъ рѣдкихъ и любопытныхъ вещей.

Домъ Графа *Залойскаго*, называвшійся пре-жде *Синилъ*. Августъ II, Король Польскій, выстроилъ оный для своей любовницы *Ор-жельской*. Оный заложенъ и конченъ почти волшебнымъ образомъ, въ двѣ недѣли, преме-стами человѣками, кои работали день и ночь, освѣщаясь факелами.

Домъ *Гарновскаго*, прежде *Потоцкаго*.

Домъ *Мнишковъ*.

Домъ *Краковскихъ Епископовъ*.

Домъ *Тепперовъ*.

Домъ *Ходкевича*.

Домъ *Кернера*, прежде *Борховъ*.

Домъ *Дызманскаго* или *Колонны*.

Домъ *Красиньскаго*, прежде *Малаховскаго*.

Домъ *Красиньскаго*, прежде *Люблинскаго*.

Домъ *Радзивилловъ*.

Домъ *Рагиньскаго*.

Домъ *Кароли*.

Домъ *Сапеги*.

Домъ *Тышкевича*.

Домъ *Косовскаго*.

Домъ *Браницкаго*,

и множество другихъ въ разныхъ частяхъ го-рода, кои достойны замѣчанiя.

Соборная Церковь Св. Юанна, споящая въ старомъ городѣ и прилежащая къ Царскому замку, есть огромнѣйшая и древнѣйшая въ Варшавѣ. Карпина, споящая за Прешломъ,

писана *Пальмановою* (*). Въ сводѣ повѣшено большое Магомешово знамя, взяное у Турокъ при Вѣнской осадѣ, Королемъ Іоанномъ Собѣскимъ.

Лютеранская церковь есть одно изъ лучшихъ зданій во всемъ городѣ; куполь оной, чрезвычайной высоты и смѣлаго дѣла, кончися покойною галлереею, съ копорой виденъ не токмо весь городъ, но и окрестности онаго, слишкомъ за три мили. Спроилъ ее Архитекторъ *Цуебъ*, а на спроеіе употреблено 50,000 червонныхъ.

Церковь Св. Креста, созданная Марією Луизою Гонзаго, Королевою Польскою.

Церковь Кармелишская въ Краковскомъ предмѣстїи, въ копорой Короли Лещинскій и Карлъ XII клялись другъ другу въ сохраненїи наступательнаго и оборонительнаго Союза.

Церковь Визишашокъ.

Церковь Доминиканская.

Фасада Бернардинская.

Новая Церковь Св. *Александра*.

Главная городская больница, управляемая Сестрами милосердія, и лучше извѣстная подъ названіемъ Предвѣчнаго младенца *Иисуса*. Заведеніе это основано на милоспыню, собранную однимъ Французскимъ Священникомъ - Миссіонеромъ, по имени *Бодуиноубъ*.

Подлѣ церкви С. Андрея — Капшуль Канониссъ.

Шляхетское училище Піарисшовъ, (*Коллециубъ нобилициубъ*), на Красномъ берегѣ, основан-

---

(*) Также какъ и многія другія. Сія картина нѣсколь-
ко лѣтъ украшала Парижскій Музей.

ное Аббатомъ *Конарскииъ*, человекомъ славнымъ въ ученой Исторіи Польской. Заведеніе это, стоящее на прекраснѣйшемъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города на берегу Вислы, есть лучшее изъ воспитательныхъ во всемъ Царствѣ. При ономъ есть прекрасный садъ.

Церковь и народныя училища *Пиаристовъ*, въ Долгой улицѣ, заслуживаютъ обозрѣніе. Музыкальная Академія каждое воскресенье отправляетъ здѣсь большую обѣдню, великолѣпнѣе конной умножается еще болѣе восхитительнымъ пѣніемъ первѣйшихъ Архисщевъ Варшавскихъ.

Русская церковь-монаховъ Ордена Св. Василія, основанная *Спэниславомъ Поняшовскимъ*, украшается многими картинами *Смуглевита*, славнаго Польскаго Живописца.

Сверхъ многихъ другихъ церквей въ Варшавѣ, есть еще три заведенія съ церквями *Сеспръ милосердія*, для бѣдныхъ больныхъ.

Двѣ городскія больницы и одна—*Человѣколюбивыхъ брашьевъ*, для людей, лишенныхъ ума.

Улицы: Медовая (*Медова*), Долгая (*Длуга*), Новосвѣтская (*Новы-святъ*), Курфиршеская (*Электоральна*), Королевская (*Крулевска*), Маршалская (*Маршалковска*), Сенаторская (*Сенаторска*), Лешно, Вербовая (*Вѣржбова*), Краснаго берега, Фреша.

Площади: Саксонская, Маривильская, Андреевская, Тлумацкая, Спарогородская, Трехъ-Крестовская и Короля *Сигизмунда*, суть лучшія въ городѣ. На послѣдней площади и противъ Царскаго замка, стоитъ на колоннѣ изъ опе-

честивеннаго мрамора, колоссальная бронзовая вызолоченная сапуга Короля Сигизмунда III, воздвигнушая ему въ память сыномъ его Владиславомъ IV. На одной изъ сихъ же площадей поставишся въ скоромъ времени также памятникъ Князю *Иосифу Понятовскому*. Конная сапуга его будешь вылипа изъ бронзы *Г. Торвальдсеномъ*, славнымъ Художникомъ, которому дѣло это поручено и котораго ожидають сюда.

Въ старомъ и новомъ городѣ, подобно какъ во всѣхъ древнихъ городахъ, дома высокіе, а улицы узкія; но это нынѣ поправлено разрушеніемъ ворошъ, опдѣлявшихъ городъ отъ предмѣстий. Въ оныхъ ешь свои особенныя площади и рынки.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Печашать позволешся: 12-го Ноября, 1822-го года.

Цензорь А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXII.

ПРОЗА.

*Историческое и Топографическое описаніе
Варшавы. (Окончаніе.)*

Трактиры и рестораціи.

Мало такихъ городовъ въ Европѣ, въ ко-
рыхъ чужестранецъ могъ бы такъ спокойно и
удобно приснасть, какъ въ Варшавѣ. Здѣсь есть
довольно хорошихъ трактировъ.

Первыяше изъ оныхъ сунъ: а) Нѣмецкій, въ
Долгой улицѣ. б) Виленскій, болѣе извѣстный
подъ названіемъ содержателя онаго *Розенартена*,
въ Таумацкой улицѣ. в) Польшій, въ Долгой
улицѣ. г) Англійскій или *Гансеровскій*, въ Вер-
бовой улицѣ. д) Дрезденскій или *Дюкертвѣ*,
въ Долгой улицѣ. е) Липовскій или *Новаков-*
скаго, въ новой Сенашорской. ж) Французскій
или *Элертвѣ*, въ Долгой улицѣ, и множеству
другихъ, въ число коихъ не помѣщаемъ трак-
тировъ вшораго разряда, какъ на примѣръ: з)
Подляшскій, въ Бондарской улицѣ (*Беднарска*.)
и) *Бойцицкаго*, въ Подвальской улицѣ (*Подвале*.)

к) *Зразовскаго*, въ Новосвѣтской, которые также хороши.

Въ вышесказанныхъ практирахъ обѣдаютъ за хозяйскимъ столомъ въ извѣстное время и за назначенную цѣну. Виленскій особенно опличается опрятностію и хорошимъ кушаньемъ за небольшую плату, именно пять злотыхъ, кромѣ вина. Въ него болѣе всѣхъ ходить.

Изъ домовъ, въ коихъ обитаютъ компаньи съ мебелью, рекомендуются чужеземцамъ: *Лазоцкаго*, *Герлаха*, *Кёрнера*, *Зентецкаго* и проч. Множество практировъ, хорошихъ и посредственныхъ, разсѣяно въ разныхъ частяхъ города; но хорошей едой только въ рестораціяхъ, гдѣ во всякое время, и по картамъ, можно имѣть отличное и вкусное кушанье. Въ этомъ безспорно опличается предъ всѣми *Симонъ Шово*, въ Медовой улицѣ, подъ колонадой; здѣсь въ первомъ жильѣ великолѣпная столовая комната, а во второмъ, разной величины комнаты для заказныхъ обѣдовъ. Услуга отличная. Кромѣ сей рестораціи, *Шово* содержитъ другую лѣпную, за городомъ, извѣстную подъ названіемъ *Багашелли*. (См. гульбища.) (*)

Послѣ него слѣдуютъ: *Гонзэровскаго*, въ Вербовой улицѣ; *Крцшевскаго*, въ Новой улицѣ; *Пцарьерова*, въ Долгой улицѣ; *Маренжа* (*Marinje*), въ Краковскомъ предместьи; *Зразовскаго*, въ Новосвѣтской улицѣ; *Лельерова* и *Вольскаго*,

---

(*) *Шово* открылъ недавно большое заведеніе или *hôtel garni*, въ Медовой улицѣ, подъ названіемъ: *hôtel de l'Europe*, на подобіе Парижскихъ.

подъ названіемъ *Шуха*, въ аллеяхъ Уяздовскихъ и множеству харчевень, имѣющихъ названіе кухмисперскихъ споловъ, въ которыхъ однакожь очень опряшно и гдѣ дають разные холодные завтраки и даже обѣды на скорую руку.

Кофейные дома славнѣйшіе: Парижскій *а ла Сандрильонъ*, Военный, Императорскій, Национальный, Миланскій и Сельскій (*Кава-вѣиска*) въ Новосвѣтской улицѣ и близь Уяздовскихъ аллей. Послѣдній всякой день бываетъ набитъ гуляющими людьми всякаго сословія, кои привлекаются сюда какъ отдаленностію сего мѣста, такъ и опличностію здѣшняго кофе.

Гульбища.

Публичные сады: *Саксонскій* и *Красиньскаго*, лежащіе посреди города, окружены прекрасными зданіями и обнесены чугунными рѣшетками легкаго и новаго рода, оплещены на казенномъ заводѣ.

Уяздовскія аллеи могутъ спорить съ *Вѣнскимъ* Праперомъ. Онѣ многочисленны, длинны и, также, какъ Праперскія, хорошо обсажены деревьями и украшены зеленью; ошъ чего въ нихъ много шѣни и свѣжести.

Въ праздничные и воскресные дни, почти всѣ жишели Варшавскіе выходятъ сюда; здѣсь бываетъ скачка на лошадяхъ и бѣгъ на саняхъ.

Багателль, второе заведеніе *Г. Шово*, на концѣ сего гульбища. Содержатель ничего не забылъ для удовольворенія вкуса и умноженія удовольствія Публики: прекрасная респорация, великолѣпно убранныя комнаты, музыка, игры,

небольшіе спектакли, сельскіе праздники, фейерверки и пр. Сюда собирается великое множество гуляющихъ.

Въ сихъ же аллеяхъ есть другой садъ и респорація, называемая *Шуцъ*, гдѣ, копя и не съ такою пышностію, какъ въ Вагашелль, однако же хорошо обслуживающъ.

Подлѣ самыхъ сихъ аллей, *Бельведеръ*, прекрасный лѣпный дворець *Его Императорскаго Высочества*, КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, при которомъ прекраснѣйшій Англійскій садъ. Отсюда пріятнѣйшій видъ во всѣ стороны.

Лазенки (бани), подлѣ аллей и на берегу Вислы, прежде загородный дворець Короля Станислава Августа. *Его Величество, Государь Императоръ и Царь*, купилъ оный. Прелесное это мѣсто осѣняется очень древними деревьями и пресѣкается водами и зеленью. Лѣпный дворець, Испаліанской Архитектуры, сплоскъ, чшобъ его осмопрѣть, а особливо внушенности онаго. Огромная большая галлерей, украшаемая колоссальными статуями изъ бѣлаго мрамора; другая съ прекрасными Историческими картинами, писанными *Батареилле*; средняя ропонда, гдѣ сплоскъ бюсты Королей Польскихъ изъ бѣлаго мрамора; церковь съ прекраснѣйшими Мозаическими картинами и многія другія комнаты, истинно Царскія, достойны удивленія. Два Театра: зимній и лѣпный, на открытомъ воздухѣ съ Амфитеатромъ на подобіе развалинъ. Китайскій павильонъ, бѣлый дворець и многія другія зданія. Каменный мостъ, на которомъ сплоскъ конная статуя *Іоанна*

Собѣскаго, ведешь въ замокъ, опъ стороны аллеи; въ него входяшь непримѣльнымъ уклономъ. Отсюда взоръ проспирается до веселыхъ береговъ большаго острова, называемаго *Саксонскимъ кустомъ* (*Келпа Саска*), имѣющаго картинное мѣстоположеніе. Сюда ѣздяшь охотники гулять по водѣ.

Въ Лазенкахъ хорошій паркпиръ, респорация и кофейный домъ.

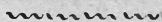

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Добрыня.

Богашы, скаа Пѣснь.

(Сочиненіе покойнаго Н. Л. Львова. Оное извѣстно уже многимъ любителямъ опечесивенной Словесности; но по оригинальному, легкому и пріятному стихосложенію заслуживаетъ бышь еще извѣстнѣе. Какъ жаль, что оспроумныя произведенія сего Писателя доселѣ еще не собраны!)

О темна, темна ночь осенняя!
Не выдашь въ небѣ ни одной звѣзды;
На сырой землѣ на пропинушки.
Какъ хребетъ горы, тихо лѣсъ спойитъ,
И ничто въ лѣсу ни шолохнешся.
Тулъ шаговъ моихъ мнѣ наводишь страхъ. —
О темна, темна ночь осенняя!
Спрашенъ въ темну ночь дремучій лѣсъ.
Выйду, выйду я въ поле чистое,
И поклонъ опдавъ на всѣ стороны,
Слово вымолвлю богапырское:
Охъ ты гой еси, Руской пвердой духъ!
Сынъ природныхъ силъ, брашь веселости,
Неразлучной другъ нашихъ правѣдовъ!
Ты безъ сказочки не ложился спать,
Ты безъ пѣсенки не пробудишься;
За работою и на поѣдкѣ,
Въ пучу грозную и въ лихой морозъ, —
Звонкой голосъ пвой гонишь горе прочь!
Покажися мнѣ; помози ты спѣшь
Пѣсню длинную, да не скучную,
Да не скучную, богапырскую!
И чшобъ со смѣху люди плакали,
То явись ко мнѣ съ побрякушками,

Съ приговорками, съ прибасенками!
Съ прибасенками спарики наши
Жили долгіе вѣки весело.

Что среди поля, среди чистова,
Не шуманъ густой развиваешься,
Не съ небесъ сошло черно облако;
Ошь земли возспалъ, какъ сполъпный дубъ,
Станомъ сильный мужъ, взоромъ свѣповъ (*) сынъ.
Богатырской духъ Рускихъ Виписей, —
И дуброва вся поклонилася.

„О! почто прервалъ ты мой крѣпкой сонъ?“
Громогласно мнѣ Виписъ вымолвилъ:
Раздался въ лѣсу грозный гласъ его
Громовыми вдаль опголосками;
Тучей вспорхнули мѣлки пшашечки
И холодной пошъ окропиль меня.

„О! почто прервалъ ты мой крѣпкой сонъ?“
Ты призвалъ меня первой къ радости,
Спарорускимъ пѣнь мѣрымъ голосомъ;
Да не время, нѣшь — не пора теперь,
Недосугъ съ шобой прокладатися
Было время мнѣ . . . но теперь не по —
Какъ носился я каленой спрѣлой
Съ поля чистаго во высокъ перемъ.
Я былъ первой гостъ на пирахъ вездѣ;
Я дѣла рѣшилъ, дружбу связывалъ;
Ошь меня нигдѣ пѣсно не было,
Хотя правду я говорилъ въ глаза;
А теперь кому гдѣ я надобенъ?
Изъ бесѣдъ меня карпы выжили;

(*) Свѣшь, Свѣлой, Свѣшовидъ, Славянской Оивъ или Аполлонъ — Рускихъ не Рускіе Ишпорки всегда бѣлокурными описывали. Такъ пушъ они будущъ дѣши свѣслага, но скупаго къ нимъ — ошеческою любовію — банюшки, кошпору, но доказательству друга моего Н., и самъ въ Тейпеловой деревнѣ, въ Гиперборвахъ родился.

Табаконъ кого Клобъ не выгонитъ?
Ужь семейныхъ нѣтъ вечеринъ пелеръ;
Хлѣбосольства духъ роскошь вывела,
Изъ честныхъ домовъ по шинкамъ споянъ;
Везъ билета, иль безъ рубля, нигдѣ
Не услышишь ты: „Просимъ милосши!“
Нѣтъ хозяина для незваного.“

„Поклонился я приворошкамъ;
Поселился живъ въ чистомъ воздухѣ,
Посреди поля съ православными.
Я прижалъ къ сердцу землю Рускую,
И пашу ее припѣваючи:
Позовушь меня — я опкликнуся;
Оглянуся, но — не знакомъ никшо
Ни одеждою, ни поступками.“

„Да ты самъ, скажи мнѣ, что за звѣрь,
Разноолой Прынщикъ съ мѣльницы (1),
На морозъ колѣни выспабилъ,
Такъ какъ лысъ бѣсъ передъ завпреней!
Что ты эдакъ жмешься, шаркаешь,
Въ пригибели ломаешься!
Я такихъ только на ярмаркахъ
Обезьянъ видаль на сворочкѣ,
Какъ для смѣху за приденежки
Нехрещъ плешкой ихъ плясать училъ.“ —

„Право Руской!“ — я сказахъ хощель:
Но ужъ солнце показалось,
И видѣнье работашъ пошло,
Покачавши головой своей.
Тупъ на мѣстѣ, гдѣ Герой споялъ,
Я нашель съ смычкомъ некрашенымъ
На разладъ гудокъ неспроеный.

---

(1) Je revénois de Paris; j'étois en frae et poudré au blanc; le rufre n'avoit aucune idée de tout cela, et prénoit mes atours et mes politesses pour des contorsions d'un — singe du boulevard. — Coz.

Я гудокъ взялъ не знаю какъ;
Задержбилъ на чудной ладъ,
Какъ шелъса намазана
На колѣнъ играючи,
Попледелся ковыляючи. —
Какъ ворона на заспрехъ,
Заплянуль было пѣсенку;
Заплянуль, а невѣдь кому.
Не безсудьше, пожалуйше,
Люди добрые, Руской спрой!
Вѣдь не лира, гудокъ гудини;
Не Алцей, Новопоръ псепь (1)!
Не покиньше товарища,
Скоморохи различныхъ мѣрь!
Научише: кому мнѣ пѣшь
И кому поклонипися?
Кпо мнѣ будепшь подпягивашъ?
Дайте Рускаго мнѣ Вапязя!
Я Вову Королевица 2)

Не хочу пѣшь; не Руской онъ:

Онъ изъ города Аншона (3)

Сынъ какого-шо Гвидона,

Макароннаго Царя.

О пуспомъ не говоря,

Хлѣбъ ему нашъ полюбился; —

Такъ онъ къ намъ переселился,

И давно въ Москвѣ училса

Щи варипшь и хлѣбы печь;

Тупшь онъ взялъ и Руску рѣчь. —

Кривой Полишкики прямыя невыгоды,
Пропахлый горизонтъ, гнилыя мерпвы воды,

---

(1) Авторъ родомъ изъ города Торжка. *Сог.*

(2) Кпо таковъ Бова Королевичъ, во всякой передней можно осведомашься. *Сог.*

(3) Аншона, городъ въ Испаніи, здымался у переписчиковъ Аншонамъ. *Сог.*

Покрышы пучею бродящею гробовъ;
Нахальства явныя и шайная управа;
Языкѣ и мысль въ пискахъ, за все про все отправа, —
Принудили давно какъ Францову любовь,
Такъ и Царевны Ренцывены (1)

Оставивъ плѣсеню цвѣтущи, мокры стѣны,
И уголокъ пригрѣшь у насъ. —

Но, Вишязи мои, я пѣть не буду васъ
И никого, кто шамъ родился,
Гдѣ лицемѣремъ и гаеръ заразился.

Нѣпть! шакого мнѣ дайше Вишязя;
Какъ въ чудесной вѣкѣ Волбдиміра
Былъ принизасный сынъ ременниковъ (2)
Какъ Полканъ бываль, иль какъ Лазаричъ (3),
Иль Пошаня (4). — Но что, поварищи,
Что успа ваши ужимаеше?

Чѣмъ вы сахарны запечатали?
Внизъ пошутили очи ясныя,
Знашь низка для васъ богашырска рѣчь,
И невмѣстно вамъ слово Руское!
На Хореляхъ вы подмоспилися;

---

(1) Францъ и Королева Ренцывена, Венеціянской Ромашъ, при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ переведенной. Послѣ складовъ и я его переписывалъ и помню, что естъ *Жени духъ и старецъ Пилигерилб.* Сот.

(2) Иванъ Усмовичъ, сынъ Кіевскаго кожевника, рѣшившій поединкомъ побѣду надъ Печеньгами, назывался, по мнѣнію Нестора, *Переяславъ*, и по имени его построены будшо бы городъ Переяславль на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оны убили Печеньга, шалая роспа безмѣрнаго. Въ Рускомъ Лѣтописцѣ или лучше въ Лѣтописцѣ Ефиміевскаго монастыря сказуешя: будшо оны самъ Усмовичъ названъ былъ послѣ побѣды *Переяславлеилб*, во знаменіе, что перелъ славу у Печеньговъ. Сот.

(3) Ерусланъ Лазаревичъ, Руской богашырь, не знаю, удостоился ли писневія? Но сему не могли предстоить ни Подлинническія ни ирравншвенія зашрудненія. Сот.

(4) Одины изъ богашырей, при Владимирѣ служившихъ.

Безъ экзаметра, какъ босой ногой,
Вамъ своей спопой больно выстпуцишь.
Нѣтъ, пріятели! въ языкѣ нашемъ
Много нужныхъ словъ помѣстипшъ нельзя
Въ иноземныя рамки пѣсныя.

Анапеспы, Спондеи Дакпили
Не аршиномъ нашимъ мѣряны;
Не по своиспву слова Рускаго,
Были за моремъ заказаны.
И глаголь Славянъ обильнѣйшій,
Звучный, сильный, плавный, значущій,
Чпобъ въ заморскую рамку впискаться,
Принужденъ ежомъ жапсъ, корчипсъ
И лишасъ красопъ, жару, вольности,
Соразмѣрнаго силъ поприща,
Гдѣ Природою суждено ему
Исполинской пупъ печь со славою, —
Тамъ калѣкою онъ цепинипсъ.
Опъ увѣчнагожъ еще пребуюпъ
Слова мягкаго, внѣшность бархата!

Правда, былъ у насъ сынъ усилія:
Онъ и прудности пересиливалъ
Дарованіемъ сверхъ-естеспственнымъ;
Легкимъ дѣлывалъ невозможное
Властью Рускаго славословія.
Онъ ногами билъ землю бурными (1);
Подъ его пятой богашырскою
И Ливанъ кремниспъ, какъ проспникъ прещалъ (2);
Упоаялъ росой громъ и молнію (3);
Кораблемъ дерзалъ (4) безъ глагола въ пупъ;
Развивалъ онъ мракъ и пески крупиль (5);
Но не такъ-шо, чпобъ, правду вымолвишь,

(1) И топчепъ бурными ногами . . . .

(2) Запрещалъ Ливанъ кремниспъ . . . .

(3) Упейся, молнія, росою . . . .

(4) Сокровищъ полны корабли
Держающъ въ море за шобою . . . .

(5) Не мракъ ли въ облакахъ развился?

Ломово-
совъ, въ
Одахъ.

Дѣло кончилось безъ увѣчїа
И кроишелоу, и кроёному (1).
Такъ за чѣмъ же намъ надсѣдашься пакъ,
Вишься палицей съ ахинею?
Дѣло Руское — грудью городъ взятьъ,
Силой разума Царсшва цѣлыя;
А сплски писашь дѣло праздности.
Надрывался изъ добра ума,
Никому въ шрудѣ не понравилсья;
И на что припомъ горы каменны
Для забавъ плечомъ опрокидывашь,
Когда можно намъ по вершинамъ горъ,
По муравому дерну мягкому,
На роснашку духъ, на босу ногу,
И гуляючи и валяся,
Дѣломъ въ праздности пошѣшаяся,
Гвашь свои цвѣпы, намъ природные,
Разноцвѣпные и душистые,
Сердцу Рускому толь прїятные?
Такъ и впрямъ, нельзя придержашься намъ
Поля опческа, поль просшпаннаго,
Гдѣ шрудомъ вѣковъ насажденныя
Еще новыя красоты цвѣшуптъ?
Оглашенныхъ перспш не коснулся имъ.
Свашь Квинпиновичъ мѣшры Гречески (2)

---

(1) *Кроеному*. Для произведенїа созвучности, сильная *Rossia* зашавила *Азію* называшься *Азія*; Греческой вшперокъ *Зефїръ* нарека *Зѣфиръ*; вмѣшо *рая*, явилось слово прекраснѣ *рая*. Си увѣчности, шаланшамы и любовїю къ опешественному языку исполненному богатырью Руской Словесности, были конечно бользненны; но нѣчего было дѣлашь. — Надобно было ему домашь и домашься; а безъ шого вышла бы одна шолько *Ода*, по милосши кошорой о другихъ бы еще мы и не жалѣли. *Сог.*

(2) *Non omnis moriar, multaque pars mei
Vitabit Libitinam, за шо, что я
Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos.*

Переспроивши на Лапинской ладъ,
Какъ Киспринъ будшо, взялъ безмертвiе.
Духу Рускому еще лучшиє
Предлежащъ вѣнцы; но не мнѣ шолько,
Мнѣ женашому, столь шаршавое
Украшенiе на чель носить!
Нѣтъ, помилуйте, лучше по-проспу
Изношу я шакъ свой комолой лобъ,
Подъ защишою гривы русыя,
Чѣмъ Господь его ошнилъ сполна.

Но не чудо ли, люди добрые,
Что давно уже и по сю пору
Руской духъ въ Руси не мерещился.
А шеперь уже Руской духъ у насъ
На яву, въ очахъ совершаешся. —
Среди Пишера, въ Новѣ-городѣ (1),
Видѣлъ я вчера Богуславича,
Какъ дубиною управляешся
Мирно жившъ училъ Новгородцевъ онъ.
Дай пойду я въ слѣдъ добру молодцу! —
И не шѣсно мнѣ въ слѣдъ его шппи;
Онъ гдѣ разъ махнетъ, то шамъ улица;
Гдѣ повернешся — площадьъ цѣлая! —

Очищай мнѣ путь, Богуслаевичъ!
Я съ гудкомъ моимъ бѣлой свѣшъ пройду.
Кшо намъ шрудной путь перелечъ можешъ?
Нѣтъ ни спорника, ни поборника,
Гдѣ гудскъ идешь въ слѣдъ за силою;
Для упрямыхъ шы, я для вѣжливыхъ.
Поспоишь ли что въ поднебесности,
Передъ силою, предъ согласiемъ?
Изъ конца въ конецъ пройдемъ славу Русь,
Отъ Нова-града впрямъ до Кiева.
Бью челомъ шобѣ, славной Кiевъ градъ!

---

(1) *Василій Богуславичъ*, Драма на Музыкѣ, дана была на Театрѣ, и Рускихъ вишней люди Рускiе въ первой разѣ еще шамъ увидѣли.

Да куда жь эпо вась непупное,
Вдругь опь Сидора въ спѣну бросило,
Опть Ильменскихъ водъ на Бориспенесь?
Широки шаги богатырскіе;
Но не такъ-то ужь, чѣпобъ изъ вѣры вонт.
Везь чудеснаго навожденія,
Безь шешпанія чернокнижника,
За шобой, разсказь. не угонишься!

Успокойся, мой... — но пы кпо шакоеъ,
Мнѣ вчиняющій и допроеъ и судъ?
Если спарый мужь, пы мнѣ дѣдушка,
Или дядюшка, если среднихъ лѣпть;
Если жь ровня мнѣ, шо будь брашь родной!
Любопытной мой пѣспунъ грамошной!
Кпо просиль шебя не свое дѣпя,
Не родимое нячипь, пестповашь?
Безь шебя бы я въ мягкой праздноспи,
Распяняся лежалъ подъ лавкою;
А со мной шебя и на лавочкѣ
Проняла никакъ непосѣдная!
Кпо съ аршиномъ здѣсь посадиль шебя,
Измѣряпъ смычки моего смычка?
Иль боипся смѣсь грамошѣйнаа
Не по правиламъ раснопѣшипсья?
Смѣйся по проспеку . . . и спокоень будь.
Не вшпревою я важность книжника;
Не шрону шебя съ мѣсна шеплаго.
Слава рашныхъ дѣл, доблесть Руская,
Володимірь Князь, Солнце, Кіевскомъ,
Чрезъ Торжокъ меня принесли на Днѣпръ
Познакомипсья съ славнымъ Выпяземъ,
Съ храбрымъ рыцаремъ, со Додывиною,
Со Никипичемъ добродѣпельнымъ,
О копоромъ здѣсь наша рѣчь идешь;
А нигдѣ еще не помянупо,
Да не вдругь еще и помянешся.

Вью челомъ шебѣ, Кіевъ! — Чшо еще?
Бипь челомъ шеперь обычая вѣщъ!

Можно просно бы поклонъ спдаше;
Поберець сполицу разума
Для другаго дѣла лучшаго. —

Люди грамошны, люди умные!
Я пою вѣдь вамъ пѣню спарую;
Я пою на спрой пѣхъ времянь просныхъ,
Когда были лбы сильно крѣвкія;
Предъ погдашнимъ лбомъ не могли споашъ
Спѣны каменны, сила вражія,
Ни двуличевой щипъ коварныхъ душъ.
Еслибъ пѣснь моя обращался
Къ вамъ, дражайшіе современники,
Лбы хлопчатые холостыхъ людей,
Иль женашые, увѣчаные, —
Подослалъ бы я вашей вѣжності
Изъ весеннихъ розъ хипрошканную,
Привезенную изъ далекихъ спранъ
Гладку мякиньюку подушечку,
Чшобъ нельзя было вамъ, почшенны лбы,
Зацѣпиться и оцапаниться. —

Но давно ужъ мы Бровари прошли,
И предъ Києвомъ, какъ п дѣ Троею,
Подпершись споймъ и не съ мѣспа... А!
Ужъ пора бы намъ и во градъ войши.

Мѣсяць свѣпель, младъ по лицу Днѣпра
Пролагаешъ намъ пушь серебряной;
Бьешся лодочка возлѣ берега;
На кормѣ сидитъ спарь маперой мужъ;
Вздока спаракъ дожидаетел.
Здравспвуи, дѣдушка! — Просимъ милости!
Вспрепенулся нашъ парусъ Сѣверины;
Вѣспрь поставилъ насъ вдругъ къ полденному
Брегу Києва. — Ну! порядочноль
Мы подѣхали къ городскимъ спѣнамъ? —
Бью челомъ шебѣ, славныи Києвъ градъ!
Злапокованныи швои маковки,
Звѣзды часпыя, поднебесныя
Со крушой горы, со песчаная,

Въ глубинѣ Днѣпра помагаючи,
Красотѣ своей удивляюся,
Что въ водѣ горящъ и на воздухѣ. —
Что въ тебѣ такое дѣется? . . .

Пыль столбомъ,
Коромысломъ дымъ,
Въ улицахъ пѣсняся,
Въ полувочъ не спящъ;
На горахъ огни,
На поляхъ шапры;
Разные народы
Кашу разную варящъ.

Эпиграма.

Соловья не кормящъ басни;
А душокъ съѣсипной
Сельскихъ блюдь не безъ пріязни
Носъ подвинуль мой,
Чтобъ за пѣсней полумной
Не пропѣшь семейной, шумной
Мнѣ обѣдъ проспой.

Простите!

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXIII.

П Р О З А.

П р и т и.

(Изъ Круммахера.)

1.

Мужь и жена.

Праошець рода человѣческаго и супруга его, машерь живущихъ, будучи принуждены оспавишь прекрасный садъ Эдема, долго посковали и говорили между собою: » Какова будетъ нынѣ жизнь наша на землѣ и кто будетъ нашимъ пушеводиселемъ? ». Пошомъ подошли къ Херувиму, пламеннымъ мечемъ охранявшему врата Эдема.

И Адамъ горесипнымъ голосомъ вѣщаль Херувиму: » Увы! шеперь уже не такъ, какъ прежде, небожители будутъ намъ сопущивовать; ибо мы, пресшупивъ заповѣдь Господню, впаши въ шяжкѣй грѣхъ. И пошому проси за насъ Творца вселенной, чшобы ниспослалъ намъ пушеводиселемъ одного изъ Ангеловъ, Его служиселей, вращающихъ міры пламенные въ кругахъ неизмѣримыхъ. «

» Человѣкъ, « ошвѣщисшвоваль ему грозный шпражъ Эдема, шимвешъ въ самомъ себѣ свѣшило

свое, которое, хопя онъ и палъ, возносишь его надъ звѣздами и солнцами, пекущими въ небесахъ. Ему слѣдуй!»

»О, шакъ дай же намъ, глубокомыслящій слушитель Иеговы, снова умоляль Адамъ Херувима, дай намъ образъ, на которой могли бы мы взирать и слѣдовать ему, дабы мы опять не отклонились съ пуши испины. Ибо разъ сошедъ со стези добра, наше око не видить болѣе внутренняго свѣша и ухо не слышитъ внутреннего голоса. Ипакъ яви намъ образъ, которому мы могли бы подражать!»

»Когда Всемогущій,« продолжалъ Херувимъ, »создалъ тебя изъ праха и при блескѣ упренней зари вдохнулъ въ тебя жизнь; тогда изумленный, ты возвелъ лице швое горѣ и первый взоръ швой устремился на солнце. — Да будешь оно образомъ швоего земнаго печенія! Съ радостнымъ ликомъ лучезарное свѣшило начинаешъ дневный шрудъ свой и, не отклоняясь ни на право, ни на лѣво, великолѣпно шечешъ пушемъ небеснымъ и просшираешъ повсюду благословеніе, свѣшъ и радость. Презирая бурю и непогоду, подъ шюпами его бунтующія, съ прелестнѣйшимъ ликомъ выходишь изъ шучь, его помрачавшихъ и въ блескѣ величія довершаешъ свой шуть, славный и благодѣшельный. Важный мужъ, оно - шо да будешь образомъ швоего печенія на землѣ.»

Такъ говорилъ Херувимъ, и сынъ праха повергся ниць предъ нимъ и хранилъ молчаніе.

Тупь прелестная маперь живущихъ, краснѣя, подошла къ лучезарному Послу Предвѣчнаго и умоляла его нѣжнымъ голосомъ: » О Свяшій! вымолви и мнѣ хоша одно слово ушѣшенія! Скажи: можетъ ли жена, нѣжная, слабая, взирашь на огромное, яркое свѣшило дня и подражашь ему въ печеніи? »

Такъ вѣщала Ева, и Херувимъ, сжалась надъ слабою женою, сказалъ ей съ улыбкою: » Когда Всеблагій образовалъ тебя и при блескѣ вечерней зари влилъ въ грудь твою дыханіе жизни; тогда не воззрѣла ты на небо, но взоръ твой покоился на цвѣсахъ и правахъ Эдема, на благоуханныхъ кустахъ и плодоносныхъ деревьяхъ, на журчащемъ ручейкѣ, пропекающемъ по сѣнямъ прекраснаго Эдемскаго сада. Ипакъ жизнь твоя да будешь подобна печенію маперы земли: безъ шума и ослѣпляющаго блеска печешь она мирнымъ шумомъ; тихо и невидимо производишь она изъ обилія своего травы, кусты и деревья, испючники и ручейки; тихо и невидимо пишаешь и лелѣешь чады своихъ на лонѣ своемъ и собственныя ея созданія служатъ ей украшеніемъ! Нѣжная жена! Земля да будешь образомъ твоей земной жизни, и вашъ союзъ, мужъ и жена, да будешь нѣжнымъ союзомъ свѣшилъ небесныхъ! »

Такъ вѣщала Херувимъ — и крошкѣй вѣшерокъ повѣялъ опъ Эдема. Духъ Господень носился въ вѣшеркѣ и подтвердилъ слова Херувима. И прародители смертныхъ поверглись ницъ въ слезахъ и молились Всеблагому.

Давидъ и Саулъ.

Духъ безпокойствія и унынія овладѣлъ Сауломъ, Царемъ Израиля, и сердце его было исполнено горести. Служители Царскіе вѣщали ему: «Позволь намъ предсавить тебѣ мужа, искусно играющаго на арфѣ, дабы онъ сладостными звуками струнь развлекалъ твоей духъ унылый.» — «Идите,» отвѣчалъ Саулъ своимъ служителямъ, «идите и сыщите мнѣ мужа, одареннаго искусствомъ пѣснопѣнія и ведите его ко мнѣ.» Пошли и привели юнаго Давида.

Съ тѣхъ поръ, какъ скоро сердце Царя наполнялось безпокойствіемъ и тоскою, тотчасъ приближался къ нему Давидъ съ арфою, и струны, то громко, то нѣжно звучали подъ вдохновенными его перстами. Слезы умиленія лились изъ очей Царя; съ лица его исчезали слѣды долговременной печали и встревоженное сердце утихало.

И Саулъ, возлюбивъ Давида, здѣлалъ его своимъ оруженосцемъ. Ионаанъ, другъ Давида, весьма удивлялся могуществу игры и пѣснопѣнію вдохновеннаго юноши.

Но чрезъ нѣсколько времени свирѣпый гнѣвъ овладѣлъ Сауломъ. Духъ Господень удалился отъ него, и зависть и злоба нашли близкій путь въ сердце Властителя Израильскаго. Однажды, когда юный пѣснопѣвецъ заигралъ на арфѣ, Царь, въ свирѣпомъ испуленіи схвативъ копьё, хотѣлъ поразить его; но Давидъ уклонился отъ гибельнаго удара и спасся бѣгствомъ. «Куда дѣвались шеперь», говорилъ ему Ионаанъ, «искусство и могущество струнь твоей арфы?»

«Сила арфы моей ша же,» опивчалъ ему Давидъ;
» но сердце Царя, моего властителя, перемѣни-
лось: прежде оно было исполнено горести и
унынія, но теперь сдѣлалось злобнымъ. Пѣсни
арфы моей могутъ ли его еще радовать?»

(Окончаніе впрѣдь.)

Французскіе Врачи въ Барцелонѣ.

Въ то время, когда ужасная зараза опусто-
шала городъ Барцелону, дошолъ шоль цвѣту-
щій и многолюдный; когда жили онаго, из-
бѣгнувшіе смертоносной язвы, полпами разсѣ-
вались по полямъ и искали спасенія на берегу
моря; когда всѣ улицы и площади покрыты
были трупами; когда всѣ гражданскія и семей-
ныя связи казались распоргнутыми: — въ сіе
время плъ Французскихъ Врачей, связанныхъ
узами дружбы, наукъ и любви къ человѣчеству,
добровольно поспѣшающъ въ чуждый городъ, да-
бы подашь благопворную руку помощи спраж-
дущимъ собратіямъ. — Сіи великодушные мужи
не помышляютъ объ опасности, копорой под-
вергающъ собсвенные дни свои. Они забываютъ
о трудностяхъ, кои предпрятъ имъ въ семь
предпріятіи, и думаютъ только о цѣли онаго —
благородной, челоѣколюбивой и общеплезной.

Вселенная видѣла многихъ Завоевателей, зна-
менистыхъ любимцовъ Беллоны и счастья.
Исторія Наукъ предспавляетъ намъ своихъ Ге-
роевъ, доспославно подвизавшихся на обшир-
номъ и многотрудномъ поприщѣ. Но *Герои*

человѣчества, одушевленные чистѣйшею, безкорыстною любовію къ оному, во всякое время были рѣдки. Благодарное попомство присоединить конечно имена Гг. *Паризе, Баллы, Франсуа, Одцара и Мазе* къ почтеннымъ именамъ *Говарда и Рюлпфорда*.

Одинъ изъ достойныхъ пяти сподвижниковъ, юный *Мазе*, учинился жертвою благороднаго своего предпріятія. Никакія предосторожности не могли предохранить его отъ пагубной заразы; все искусство и всѣ спаранія друзей его и соотечественниковъ, употребленныя для его изцѣленія, оспались безплодны. Сей молодой чловѣкъ погибъ вдали отъ отечества, въ то самое время, когда нѣжная мать его, живущая во Франціи, ежеминутно ожидала его возвращенія.

На высокомъ холмѣ, подъ шѣнистыми деревьями и недалеко отъ гавани, недавно еще наполненной кораблями, но нынѣ совершенно опустѣлой, — возвышается скромный его памятникъ. Оный воздвигнутъ достойными его спутниками и орошенъ горячими ихъ слезами.

Каждый чувствительный путешественникъ, копорый когда-либо посѣтитъ Барселону, каждый другъ чловѣчества, Французъ или Испанецъ, житель Юга или Сѣвера, не пройдетъ конечно мимо сего памятника, не произнеся надъ онымъ искреннѣйшихъ благословеній!

П а р а з и т ы .

Древніе Барды Цельшскіе послѣдовали въ поле брани за Героями своего опечества; прославляли воинскіе ихъ подвиги; услаждали ихъ своими пѣснями въ часы успокоенія и, въ замѣну того, имѣли право, участвовашь въ ихъ забавахъ и пользовашься ихъ споломъ. Тогда называли ихъ *Паразитами*, и это было шипло почтенное. Но время перемѣнило значеніе сего слова. Съ тѣхъ поръ, когда умножившаяся роскошь заспавила богатыхъ людей, держашь опкрышые сполы, *Паразитъ* означаеть на нѣкопорыхъ языкахъ человѣка, который всегда пользуется чужими обѣдами, и слово, говорить Аббашь *Рубо*, берешь съ сего времени *въ худую сторону*. Спрашиваю: правъ ли въ этомъ случаѣ сей Авшоръ, впрочемъ доспойно уважаемый? — Богатый человѣкъ, имѣющій способности, угощашь у себя друзей своихъ, вѣрно никогда не будеть *Паразитомъ*. Но можно ли порицашь человѣка одинокаго и недоспащочнаго, который не держить собственнаго стола, за коимъ бы умеръ со скуки, и обѣдаешь въ пріятномъ общеспивѣ, гдѣ сверхъ того дѣлаешь удовольствіе хозяевамъ? Кшо не согласишья, что содержаніе собственнаго стола рѣдко бываеть совмѣспно какъ съ доходами, шакъ и съ положеніемъ одинокаго человѣка? Сколько хлопощь, непріятностей, не говоря уже объ издержкахъ! Онъ обязанъ держашь для сего людей, кои безъ того были бы для него не нужны; на кошорыхъ часпо принужденъ онъ сердишья и кошорые почши всегда его обманываютъ. Миѣ скажущь, что для избѣжанія сихъ неудобствъ

есть еще другія средства. Но я не знаю, что полезнѣе для сердца и ума нашего: обѣдать ли въ хорошемъ домѣ, въ избранномъ — болѣе или менѣе — обществѣ, или бытъ ежедневнымъ посягителемъ практировъ, гдѣ всякой имѣешь входъ за деньги и коихъ господствующій тонъ, а особливо для молодаго человѣка, можетъ здѣлаться весьма опаснымъ? — Другіе порицатели *Паразитовъ* могутъ бытъ замѣняютъ, что есть между ими люди, кои право, пользовались сполномъ другихъ, покупають низкими средствами; кои открываютъ себѣ входъ въ нѣкопорые дома — переносомъ вѣстей изъ другихъ, лѣстью или интригами. Вѣрю; но частныя исключенія не дѣлають еще общаго правила. Между людьми, которые всегда обѣдаютъ дома, найдутся также переносчики, лѣстцы и интриганцы. Они могутъ бытъ еще нѣмъ опаснѣе, что лучше успѣють скрыть свой образъ мыслей и свои намѣренія!

Россія! Благословенная Россія! Жители обѣихъ столицъ своихъ съ радостію принимаютъ добраго гостя, которой пріѣзжаетъ къ нимъ въ часъ обѣда; благодарятъ его, просятъ чаще впередъ; человѣкъ одинокій и пріѣзжій не долго осматривается здѣсь одинокимъ; онъ вскорѣ находитъ дома, гдѣ принимаютъ его, какъ роднаго; и даже на языкѣ Рускомъ, по крайней мѣрѣ, на языкѣ хорошаго общества, нѣтъ выраженія, которое ошвѣчало бы слову: *Паразитъ*.

К.

Краткое извѣстiе о всѣхъ съ 1707-го по 1823-й годъ выходившихъ въ Россiи повременныхъ изданiяхъ и вѣдомостяхъ. (*)

Примѣчанiе: Буква *М.* означаетъ, что Журналь или Газета издавалась въ Москвѣ; *С. П.* — въ Санктпешербургѣ; *Кз.* — въ Казани; *Т.* — въ Тобольскѣ; *К.* — въ Калугѣ.

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какомъ городѣ.
1. Санктпешербургскiя вѣдомости издающся съ	1707	С. П.
2. Сельскiй жишель	1755	С. П.
3. Московскiя вѣдомости	1756	М.
4. Поденщина съ	1769	С. П.
5. Смѣсь	1769	С. П.
6. Пустомеля	1769	С. П.
7. Живописецъ	1770	С. П.
8. Старина и новизна	1770	С. П.
9. Кошелекъ	1770	С. П.
10. Трудолюбивый муравей	1771	С. П.
11. Парнасс. Щепешильникъ	1772	С. П.
12. Древняя Россiйская Виллюетка	1772	С. П.
13. Вечера	1772	С. П.
14. Мѣщанинъ	1773	С. П.
15. Опытъ трудовъ вольнаго Россiйскаго Общества	1774	М.
16. Собранiе новостей	1775	С. П.
17. Зритель Свѣта	1775	С. П.

(*) Издатели обязаны сею важною и любопытною спашьею ученому и трудолюбивому соотечественнику нашему, В. Г. Анастасевичу, весьма уже извѣстному почтенной Публикѣ многими глубокими и полезными изысканiями, сочиненiями и переводами.

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какомъ городѣ.
18. Ежемѣсячное изданіе	1776	С. П.
19. С. Пешербургскія ученыя Вѣдомости	1777	С. П.
20. Упренній Свѣшъ	1778	С. П.
21. С. Пешербургское ежемѣ- сячное изданіе	1778	С. П.
22. Санкшпешербургскій Вѣ- сникъ	1778	С. П.
23. Академическія извѣстія	1779	С. П.
24. Модное изданіе	1779	С. П. и М.
25. Живописецъ (*)	1780	М.
26. Продолженіе трудовъ вольнаго Экономическаго Общества	1780	С. П.
27. Разность не безъ приап- ности	1780	М.
28. Что-нибудь	1780	С. П.
29. Собраніе трудовъ одного Россіянина (3)	1781	С. П.
30. Упренняя заря	1781	М.
31. Московское ежемѣсячное изданіе	1781	М.
32. Покоящійся прудолюбецъ	1784	М.
33. Зеркало Свѣша	1785	С. П.
34. Расшущій виноградъ	1785	С. П.
35. Новыя ежемѣсячныя Ака- демическія сочиненія	1786	С. П.
36. Лѣкарство отъ скуки	1786	С. П.

(*) Это было, какъ кажется, второе изданіе Журнала сего имени, No. 7. К.

(3) Книга сія, кажется, не принадлежитъ къ числу Журналовъ. К.

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какомъ городѣ.
37. Новый Санкшпешербург- скій Вѣспникъ	1786	С. П.
38. Уединенный Пошехонецъ	1786	Ярославль.
39. Бесѣды съ Богомъ . . .	1788	М.
40. Еженедѣльные извѣстія вольнаго Экономическаго Общества	1788	С. П.
41. Извѣстія вольнаго Эконо- мическаго Общества (4)	1788	С. П.
42. Утренніе часы	1788	С. П.
43. Древняя Россійская Ви- вліюеика (5)	1788	М.
44. Вечера	1788	М.
45. Мѣщанинь	1788	М.
46. Бесѣдующій гражданинъ.	1789	С. П.
47. Почша духовъ	1789	С. П.

(Продолженіе впредь.)

По случаю сей Библиографической справки, долгомъ пославляемъ замѣнить, что въ *Спискѣ Россійскихъ свѣтскихъ Писателей*, помѣщенномъ въ No. 20-мъ *Новост. Литт.*, пропущены имена: А. С. Хвостова, Николева, Авр. В. Лопухина, Панкр. Сумарокова, Чекалевскаго, П. И. Страхова, Боброва и Пнина, жившихъ въ 18-мъ; также А. А. Бибикова, Гр. Г. С. Солтыкова, Буринскаго, Беницкаго, Никольскаго, Милонова и перваго Рускаго Библиографа Сопикова, издавшихъ свои сочиненія и скончавшихся въ 19-мъ столѣтїи. *Изд.*

(4) Не одно ли съ предъидущимъ? К.

(5) Второе изданіе No. 12. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ Я. М. А.,

при посвященіи ему стиховъ моихъ. (*)

Faciam, ut mei memineris.

Тебѣ, который съ юныхъ дней
Меня хранилъ отъ бури свѣта,
Тебѣ усердный даръ безпечнаго Поэта —
Пѣвца забавы и друзей.
Тобою жизни обученной,
Младый питомецъ пищины,
Я пѣлъ на лирѣ вдохновенной
Мои пророческіе сны, —
И дружба кропкая съ улыбкою внимала
Струнамъ, наспроеннымъ свободно мечтой;
Умомъ разборчивымъ ихъ звуки повѣрляла
И просвѣщала Геній мой.
Она мнѣ міръ очарованья
Въ живыхъ воспогахъ создала,
Любовь къ изящному въ душѣ моей зажгла,
Облагородила желанья;
Учила презиратьъ зависный судъ невѣждъ
И лепши судъ несправедливый;
Смирля пылкій жаръ надеждъ
И сердца ранніе порывы. —

(*) Сердечно благодаримъ молодаго Поэта за сей прекрасный подарокъ отечественной Публикѣ. Предсказываемъ ему блистательные успѣхи на поприщѣ Словесности. *Издатели.*

И я душой не измѣнилъ
Ея спасительнымъ спараньямъ:
Мой Геній чеспи вѣренъ былъ
И цѣну зналъ благодѣяньми.

*

Вышь можешь, нѣкогда пвой счастливый Поэшь,
Всѣдуя мечшой съ прошекшими вѣками,

Разкажетъ спройными стихами
Злашья были давнихъ лѣтъ;
И вольный другъ воспоминаній,
Онъ спанешъ пѣшь дѣла опцовъ:
Неупомимыя ихъ брани
И гибель Греческихъ полковъ; (*)
Свяшья бишвы за свободу
И первый родины ударъ
Ее громившему народу,
И казню ужасную Тапарт. (**)
И оживишь онъ — въ пѣсняхъ славы —
Славянъ плѣнительные нравы,
Ихъ доблестъ на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы
И Геній Руской спарины
Торжественный и величавый!

*

А нынѣ — пѣсни юныхъ лѣтъ,
Богини скромной и веселой,
Тебѣ дарить рукой несмѣлой
Тобой воспишанный Поэшь.

(*) При Олегъ и Владимірѣ Великомъ. *Прим. Издат.*

(**) При Димитріи Донскомъ и двухъ Иоаннахъ, Великомъ и Грозномъ. *Прим. Издат.*

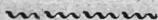

Пускай сіи листы въ часы уединенья
Представляяшь памяти швоей
Живую радость прошлыхъ дней,
Невѣрной жизни оболещенья
И спрасши въпреныхъ друзей; —
Здѣсь все, чѣмъ заняты были счастливыи даръ Поэша,
Когда онъ тишину богошворилъ душой,
Не рабшвовалъ молвъ обманчиваго свѣша
И пѣлъ для дружбы молодой!

Н. Языковъ.

В о д о п а д ъ.

Съ ревомъ быспрый пошокъ низвергаешся въ мрач-
ную пропасть;
Брызги вокругъ къ небесамъ радужной пылью лешяшь;
Мчишся волна за волной, обновляешся вѣчно паденье;
Тысящелѣшній ушесъ борешся съ бездною водъ,
Тщешно сопрошвивляясь спремленію мощной спихіи;
Вѣчная всюду борьба — вѣчный Природы законъ!
Гордо, какъ бурный пошокъ сей, юноша, бодрый
душою,
Руша препоны Судьбы, слѣдомъ за славой лешипшь!
Послѣ боренія юношпи, дни его капяшся тихой
Свѣшпой спруею, какъ послѣ паденья рѣка.

В. Тилло.

Къ К. Н. Б. Г — ну,

въ воспоминаніе пріятнаго вечера, 24 Ноября.

Я былъ во храмъ вдохновеній,
Живыхъ, изящныхъ наслажденій;
Въ обители Харисъ и Музъ,
Гдѣ всѣ шаланшы, умъ и вкусъ,
Вступили въ искренній союзъ.
Я видѣлъ красоты младыя,
Равно прелестныя душой;
Хозяикъ всѣ онѣ родныя
И дѣти матери одной.
Тамъ, силой Музыки чудесной,
Въ селенія радости небесной,
Душамъ холоднымъ неизвѣстной,
Мой быстро духъ перелеталъ
И все земное забывалъ.

И средѣ счастливаго забвенія
Летѣлъ за часомъ новый часъ! . . .
То не мечты воображенія;
То не обманчивы видѣнія:
Любезный Князь! Я былъ у Васъ!

К.

Ш а р а д а .

Начало — ловишься въ моряхъ;
Конецъ — и въ морѣ и въ рѣкахъ.
Одно считается добычею военной,
Которую берешь рукой всоруженной;

Другое — и въ войну, и мирною порой —

Поймаете легко въ сѣпкою проспой.

Хоть оба движущя, пока не въ заключеньи;

Но есть различіе большое ихъ въ движенъи:

Одно плывесть,

И часно съ быспрошою лпщцы;

Другое же ползеть,

Подъ часъ назадъ, подъ часъ впередъ

И въ шѣсныя всегда заключено границы.

Теперь вы цѣлое желаете узнать;

Но признаюсь, его мнѣ прудно описатьъ.

Оно — игра воображенья,

Опшическій обманъ, оспашокъ сновидѣнья

Иль, словомъ, ничего.

Ни шѣла хоть оно, ни вида не имѣесть,

Но можете видъ принять всего;

Печалишь насъ, пугаешь и радовашъ умѣеешь

И всякой былъ неразъ обманушь опъ него.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXIV.

П Р О З А.

П р и т ѣ и.

(Окончаніе.)

3.

С л ѣ п о й.

Однажды слѣпой возносили угасшіе взоры свои на крошкіе лучи весенняго солнца. Теплоша лучезарнаго свѣшила проливалась въ члены его и яркость онаго озаряла пусклые очи, неподвижно усипремленные къ небу.

» О ты, непоспнжнмое море свѣша!« воскликнулъ онъ въ восторгѣ; » чудо. Всемогущей де-
сницы, тебя создавшей и великолѣпной спезею тебя ведущей! Изъ тебя прошекаетъ вѣчное изобиліе, жизнь и теплоша, и никогда не изсякаетъ швоя сила! Сколь великъ долженъ бытъ Тотъ, Копорый сотворилъ тебя!«

Такъ вѣщаль слѣпой. — Нѣкто, близъ него споявшій, услышавъ рѣчь сію, крайне удивлялся словамъ слѣпаго и потому спросилъ его: » Какъ можешь ты удивляться свѣшнлу дня, не видя его?«

» Пошому - по самому еще болѣе поражаетъ меня величіе сего чудеснаго шворенія Всемогу-

щаго. Съ того времени, какъ помрачился свѣтъ очей моихъ и скрылся для меня на вѣки блескъ солнца, я заключилъ его въ душѣ моей! Какъ скоро чувствую близость дневнаго свѣтила, оно восходитъ во мнѣ самомъ и свѣтитъ во внутренности души моей. Но вы взираете на него, такъ какъ и на всѣ видимые вами предметы: вы взираете покло пѣлеснымъ окомъ!»

4.

Р о з а.

» Какъ жаль,« говорилъ однажды юноша отцу своему, » что роза, опцвѣвши, не приноситъ прекрасныхъ плодовъ. Она пѣмъ доказала бы лѣшомъ благодарность свою Природѣ, за прелестную весну, въ которую цвѣла въ споль роскошномъ великолѣпнн. Теперь называемъ ее цвѣшомъ невинности; тогда была бы она вмѣспѣ и образомъ благодарности.»

» Развѣ она не жершвуешъ всѣми прелестями для украшенія весны, любимицы Природы?« возразилъ ему отецъ. » И за росу и солнечные лучи, на нее ниспосылаемые, не жершвуешъ ли она воздуху своимъ вѣжнымъ благоуханіемъ, и созданная для весны, не умираешъ ли она вмѣспѣ съ нею? Любезный сынъ мой! Тихая, невидимая благодарность еспъ прекраснѣйшая, и невинность можешъ ли бышь когда неблагодарною?«

В. Тилло.

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Продолженіе.)

Турки также суевѣрны, какъ Греки и Альбанцы. Одинъ Музульманинъ, особенно расположенный къ Соннини, опасаясь, чтобы какой-либо зависпливой взглядъ не распроеилъ его благосостоянія, совѣщавалъ ему носить на груди чеснокъ. Увидѣвъ однакожь, что совѣтъ его не былъ исполненъ, сказалъ онъ одному Греческому Священнику: «Франки должны быть большіе глупцы: эпопъ челоуѣкъ, которой почитается у нихъ за ученаго, не знаешь даже, что ему полезно.»

У древнихъ Грековъ каждой праздникъ сопровождался пляскою и олшари языческихъ боговъ окружались веселыми ихъ Хорами. Нынѣшніе Греки также спраспно любящъ пляску. Хотя веселость и живость ихъ примѣрно уменьшились оиъ паяжкаго угнепешія, но не могли совсѣмъ испребипсья. Любя забавы предковъ своихъ, не оспавляющъ они пляски, не смопря на отврапешіе къ оной важныхъ Турокъ, кои почитающъ ее приличною однимъ только пьянымъ и сумасшедшимъ. Даже въ самомъ Конспашинополѣ, въ продолженіе Свяшой недѣли, позволяется Грекамъ заводипъ Музыку и плясать на улицахъ, и никшо не смѣешъ прерывашъ ихъ увеселеній, если оныя не нарушающъ общаго спокойствія. Съ вѣнкомъ на головахъ и въ праздничномъ нарядѣ пляшущъ они на улицахъ и площадяхъ. Доспойно замѣчанія, что обыкновенно предаются они забавамъ и рѣзвости на Перскомъ кладбищѣ, обыкновенномъ мѣстѣ ихъ увеседе-

ній. — Празднество сіе, въ то же самое время, происходитъ съ великою пышностію у Грековъ и Альбанцевъ въ Аѳинахъ, близь храма Тезеева.

Обыкновенная пляска Грековъ и теперь еще имѣетъ сходство съ тѣми, копорыя описывали древніе Писатели. Нынешняя Ромейка совершенно походитъ на пляску, воспѣшую *Гомеромъ* въ описаніи щипа Ахиллесова. Одни мужчины, или оба пола вмѣстѣ, схватясь рука съ рукою или держась за плашки, пляшутъ размѣрнымъ, красивымъ шагомъ, не разрывая рядовъ своихъ. Одинъ, копорой ведетъ хороводъ, даетъ оному то скорое, то медленное движеніе, распроспраняя кругъ и перемѣняя видъ онаго. Греки любятъ спраспно сію забаву и пляшутъ нерѣдко цѣлой день и ночь безъ усалоспи. Танцы ихъ, вообще весьма выразишельны; каждый взглядъ, всякое тѣлодвиженіе что-нибудь означающъ. У Грековъ всякое время дня почиается приличнымъ для пляски: они предаются оной безъ разбору, по упру и вечеромъ. Госпинницы ихъ всегда наполнены плясунами и даже на тѣсной палубѣ кораблей можно ихъ видѣть. *Чендлеръ*, объѣхавшій на Идріотическомъ суднѣ весь Архипелагъ, увѣряетъ, что въ свободные часы всѣ мапросы занимались пляскою. Они, какъ-будто не примѣчая качанія корабля, съ удивительнымъ проворствомъ и ловкостію вершѣлись на семь маломъ проспранствѣ, споль узкомъ, что едва можно было спушишьноюю. »Пляски ихъ, (продолжаетъ пошъ же путешественникъ), скорѣе можно назвать паншомимами, нежели панцами въ обыкновенномъ смыслѣ. Они дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ и пошомъ назадъ, рас-

проспиряють руки, наклоняюся всѣмъ плечемъ и щелкають пальцами.»

Бартольд повѣспвуетъ, что одинъ Консулъ въ Наксии давалъ балъ, по случаю крестинъ своей дочери. Праздникъ сей продолжался цѣлую ночь; къ оному приглашены были всѣ молодые люди и дѣвушки въ городѣ. Никогда не видалъ онъ столь спраспныхъ и неушомныхъ плясуновъ. Кругъ, въ которомъ они вершались, былъ чрезвычайно малъ; но сія пѣснопша придавала имъ, какъ казалось, еще большую живоспъ и усугубляла веселоспъ праздника.

Греческіе Музыканпы сопровождаютъ свои инструменпы пѣснями. Даже упомянутые плясуны, для умноженія общей веселоспи, присоединяють свой голосъ къ Музыкѣ. Молодые люди особенно любящъ Валахскую пляску, по причинѣ ея живоспи и быспропы. За шо Пиррихическая пляска въ движеніяхъ своихъ имѣетъ нѣчто важное и воинспвенное. Два человекъ, съ оружіемъ въ рукахъ, мѣрными шагами выступаютъ съ обѣихъ споронъ. Они обращаютъ мечи свои, шо на самихъ себя, шо одинъ на другаго. Движенія ихъ, слѣдуя Музыкѣ, безпрестанно спановляюся быспрѣе. Съ обнаженнымъ оружіемъ, съ бѣшенспвомъ кидаютъ они другъ на друга, пакъ что зрители каждую минушу боящя, чтобы одинъ изъ нихъ не пронзилъ другаго. Но Музыка перемѣняется и — соперники дѣлаютъся друзьями.

У Альбанцевъ есть любимая пляска, называемая *разбойнищью*. Пупешеспвенникъ *Пукевилль* нерѣдко бывалъ зрительемъ, когда солданы, въ присущспвіи Паши своего, плясали оную.

Въ большой залѣ, слабо освѣщенной нѣсколькими большими свѣчами изъ желтаго воска, важно и угрюмо сидѣлъ Паша. За поясомъ у него были два кинжала и два пистюлена и при бедрѣ висѣлъ карабинъ. Приближенные его спояли вокругъ него, сохраняя глубокое молчаніе. Напротивъ его сидѣлъ палачъ (на своемъ обыкновенномъ мѣспѣ), гошовой, по данному знаку Господина своего, опѣдѣлишь каждому голову опъ плечь и смиренно положишь къ ногамъ его.

Плясуны вышли на сцену. Обнявъ одною рукою другъ друга, а другою держась за поясъ своего товарища, начали они кружиться, сперва медленно и важно, пошомъ скорѣе, шакъ что наконецъ какъ будшо лешали. Дикіе крики мѣшались съ пронзительными звуками варварской музыки. Наконецъ сцена представляла, какъ будшо бы ищущъ они разбойниковъ, бѣгушь за ними и приводяшь ихъ съ шоржешвомъ. Съ сею пляскою часто соединяешся описанная нами прежде, Пиррихическая.

Греки опъ природы имѣюшь великую склонность къ подражаніямъ и къ Мимикѣ, опъ чего и панцы ихъ бываюшь шакъ выразишельны. Разговаривая между собою, они сопровождаютъ каждое слово самыми краснорѣчивыми и живыми шѣлдвиженіями. Въ Греціи и шеперь еще въ обыкновеніи нѣкопшой родъ Паншомимъ, копшорья употребляютъ въ общеспвахъ. Ешъ шакже особенный классъ людей, подобныхъ спранспвующимъ комедіаншамъ, копшорые въ публичныхъ и частныхъ домахъ даюшь Мимическія представленія. Женскія роли играюшь молодые мушцины. Представленіе состоишь

обыкновенно въ изображеніи любовныхъ похощеній, счастливой и огорченной любви, Миеологическихъ произшесшвій, семейныхъ сценъ и анекдощовъ.

Музыкальные инструменшы у Грековъ состояшъ въ барабанѣ, въ копорой бьюшъ они съ обѣихъ споровъ, съ одной шоненькою палочкою, а съ другой пошоще съ головкою, и нѣкопорого рода флейшы съ духовою шрубочкою изъ шроспника, имѣющею на концѣ крещпообразный деревянный кружечикъ, къ коему прикладываюшъ губы. Искусныхъ игроковъ на флейшѣ совсѣмъ нѣшъ въ Греціи. Инструменшы сей, въ ихъ устахъ, производшъ рѣзкіе и неприяшные шоны. Греки играюшъ шакже на шкрынкѣ и шрехшрунной лирѣ, похожей нѣскольکو на гитару.

Въ Греціи встрѣчаюшся иногда бродящіе Спихошворцы, копорые поюшъ подъ звукъ нѣкопорого инструменша, имѣющаго сходшво съ гитарою. Вмѣспѣ съ симъ разсказываюшъ они разныя повѣспи окружающей ихъ черни. Многія изъ сихъ повѣспованій были во вкусѣ извѣспныхъ Греческихъ Романовъ, а другіе въ родѣ Восшочныхъ сказокъ. Приведемъ для примѣра одну изъ сихъ послѣднихъ:

» Великій Визирь *Ибрагимъ-Паша* стоялъ у окна и увидѣлъ проходящаго мимо бѣдняка, копорого почель онъ за своего знакомаго. Эшо былъ Турокъ, копорый, находясь въ крайней бѣдноспи, хощѣлъ продать шубу, дабы доставшъ шщу дѣшямъ своимъ. *Ибрагимъ-Паша* позвалъ его къ себѣ; но шощасъ увидѣлъ, что онъ не шешъ, за кого онъ его принялъ и что

онъ былъ ему вовсе неизвѣстенъ. Между шѣмъ Паша ласково и снисходительно спросилъ: какъ его зовушь и куда онъ идетъ? »Государь!« (опвѣчала Музульманъ) »вы видите во мнѣ человека, которой нѣкогда наслаждался счастьемъ, а теперь принужденъ продать послѣднее имущество, чтобы утолить голодъ дѣшей своихъ.« Онъ описалъ положеніе свое, которое глубоко пронудило Визиря. »Я куплю у тебя шубу,« (сказалъ онъ) »и подарю ее тебѣ опять.« Засимъ далъ онъ ему значительную сумму денегъ и послалъ его обрадовать свое семейство. *Ибрагимъ-Паша* пришелъ между шѣмъ къ своей супругѣ и рассказалъ ей сіе произшествіе. »Ты здѣлала очень хорошо,« опвѣчала она. »Теперь мой долгъ, позаботишься и о женѣ сего бѣднаго.« По приказанію ея, сія послѣдняя призвана была къ супругѣ Паши; ее опвели въ баню и одѣли попомъ въ богатое платье. Засимъ получила она по одному платью отъ каждой невольницы въ Гаремѣ, коихъ числомъ было болѣе двухъ сотъ; а отъ самой супруги Визиря кошелекъ, наполненный червонцами. »Сеспрашвая еще не выдана за мужъ,« спросила она бѣдную женщину. »Опдай ее за того, кпо ей нравишься, а я назначу ей приданое.« Она хотѣла превзойти мужа своего въ благошворительности. Оба они были упѣшеніемъ несчастныхъ супруговъ; но вскорѣ злоба и зависть прекрапили ихъ жизнь.

Языкъ обыкновенно показывается упадокъ или успѣхи народа. Оный посшепенно обогащается и совершенствуется по мѣрѣ того, какъ народъ дѣлается просвѣщеннѣе и образованнѣе; чѣмъ съ большимъ успѣхомъ занимается Нау-

ками; но потеряешь свою силу, изменяешься и поршишься, когда народъ приходишь въ упадокъ, когда бѣдность и невѣжество повсемѣстно усиливаются. Что Греки далеко опспали оны своихъ предковъ въ гражданскомъ и общественомъ опношеніи, — самый языкъ ихъ служитъ тому доказательствомъ. Въ сравненіи съ Еллинскимъ, оный много уже пошераль своей гибкости, силы, достоинства и богатства. Въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ изменился оный почти до такой степени, какъ и Испаліанскій въ сравненіи съ Латинскимъ. Все различіе состоишь только въ томъ, что Греческій удержалъ болѣе сходства съ кореннымъ языкомъ своимъ. — Почти въ каждой провинціи находишь впрочемъ особенное нарѣчіе, болѣе или менѣ смѣшанное съ Турецкими и Испаліанскими словами.

Нынѣшній языкъ довольно пріятенъ и благозвученъ. Произношеніе въ разныхъ провинціяхъ также изменилось, смотря по климату, мѣстному положенію и сношеніямъ съ другими народами. Греки, населяющіе Морею, прошагивающъ слова и говорящъ въ носъ; выговоръ Аѳинянъ имѣеть нѣчто принужденное, а языкъ дикихъ и грубыхъ Эпирцевъ носить на себѣ печать упорнаго и суроваго ихъ характера.

Чтобы справедливѣе судить о языкѣ новыхъ Грековъ, объ его богатствѣ, силѣ и полношѣ, — надобно взять въ разсужденіе не одинъ только языкъ народный и упошребляемый въ разныхъ провинціяхъ, но языкъ образованныхъ и отличнѣйшихъ Писателей, знающихъ его совершенно и умѣющихъ имъ пользоваться. Тогда мы уви-

димъ, что нынѣшній языкъ Греческій не только опличается силою, но и пріяиностію и красотою въ оборошахъ и словопеченіи. Два нынѣшнихъ Писателя особенно способствовали къ образованію и успановленію опечеспивеннаго языка: *Кодрика*, весьма любимый своими соопечеспивенниками, и *Корай*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Филологовъ. — Греки, копорые ищущъ своего образованія въ чужихъ краяхъ, непримѣннымъ образомъ вмѣшивающъ въ языкъ свой слова и оборошы, для него чуждые. Желаніе, обогатить разумъ свой свѣденіями, было причиною того, что высшія Сословія сѣшпашъ познакомишся съ новѣйшею Литпературою и особенно Французскою. Посему древніе Греческіе Писатели часто оспающся въ пренебреженіи. Во всѣхъ торговыхъ городахъ и на многихъ оспровахъ говорятъ по Французски и по Ишальянски. Вообще Греки обоого пола весьма способны къ изученію языковъ.

Греки все еще любящъ пѣсни и Поэзію, подобно знаменитымъ своимъ предкамъ. Но спихопворенія ихъ не имѣющъ древней силы и свѣжеспи; вкусъ находишся въ очевидномъ упадкѣ, и мы щепно будемъ искашь пѣхъ великихъ Поэшовъ, кои нѣкогда, силою пѣснопѣнія, приводили въ воспоргъ соопечеспивенниковъ, возвышали душу и смягчали нравы.

Гекзамепры и другаго рода древнія спихосложенія неизвѣстны нынѣшнимъ Грекамъ. Подобно прочимъ новѣйшимъ народамъ, приняли они риему, для копорой позволяющъ себѣ самыя шажелыя, самыя прошивныя для слуха соединенія

и сокращенія. Но духъ нѣвѣщныхъ Грековъ виденъ во многихъ веселыхъ и забавныхъ пѣсняхъ, копорыя занимающъ слушающаго и нравяща счастливыми оборотами. Онѣ называюща *Котсакіасъ*, и въ нихъ-то показывается замысловатость Грековъ. Стихотворенія сіи, принятыя съ одобреніемъ въ веселомъ обществѣ, коему обязаны своимъ происхожденіемъ, скоро спановяща извѣстными и долго носяща въ народѣ. Спранспивующіе Рапсоды перенимающъ оныя и съ прибавленіемъ своихъ собственнхъ или древнихъ пѣсней, дошедшихъ по преданію, переносяща далѣе. Въ Моревъ пѣсни сіи шакъ любяща, что при нѣкошорыхъ случаяхъ и увеселеніяхъ нельзя быти Грекомъ, не сказавъ слѣдующаго привѣщствія:

»Если бы небеса были пергаменомъ, а море чернилами, и если бы я писалъ цѣлую вѣчностъ; — то и тогда бы не могъ описать полнош моихъ чувствованій!»

Вашъ еще нѣкошорыя ошрывки, въ буквальномъ переводѣ:

»Ты вѣрно думаешь, что швоя суровостъ здѣлаешь меня блѣднымъ и желшымъ; но въ досаду тебѣ, буду я душишною гвоздикою.»

»Высокій кипарисъ! Склонись ко мнѣ своими вѣшвями. Я хочу нѣчто сказаши тебѣ; шолько два слова хочу тебѣ вѣриши и потомъ — умру спокойно.»

Пѣсни сіи бывающъ весьма различнаго содержания: то важнаго и поучительнаго, то веселаго и забавнаго. Всѣ оныя поюща просто и однообразно. Забава сія облегчаешь шруды

рабочниковъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, и сокращаешь время для путешественника. Грецію вообще можно назвашь землею пѣсней и пѣннѣя. Здѣсь все поешь, и пѣніе всегда почти сопровождается игрою на какомъ-нибудь ивструментѣ. Надобно поспѣшишь сію спрану, дабы удосповѣришья, что жестокія угнѣшенія Турокъ не совсѣмъ еще испребили природную веселость Грековъ.

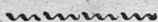
(Окончаніе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Первый снѣгъ.

(Въ 1817-мъ году.)

Пусть нѣжный бадовень полуденной Природы,
Гдѣ пѣнь душистѣе, краснорѣчивѣй всды,
Улыбку первую привѣщспвуесть весны!
Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной спраны,
Обыкшій къ свиспу вьюгъ и реву непогоды,
Привѣщспвую душой и пѣсню первый снѣгъ.
Съ какою радостью, неперпѣливымъ взглядомъ
Волнующихся пучь ловлю мяжежный бѣгъ,
Когда съ небесъ онѣ на землю вѣюпъ хладомъ!
Вчера еще спеналь надъ онѣмѣвшимъ садомъ
Вѣспрѣ скучной осени, и влажные пары
Спояли надъ челомъ угрюмыя горы
Иль мглой волниспою клубилися надъ боромъ.
Унынье помное бродило пусклымъ взоромъ
По рощамъ и лугамъ, пуспѣющимъ вокругъ.
Кладбищемъ зрѣлся лѣсъ; кладбищемъ зрѣлся лугъ.
Пугалище Дриадъ, пріюпъ крикливыхъ врановъ,
Вѣспвями голыми махая, древній дубъ
Чернѣль въ лѣсу пуспомъ, какъ обнаженный шрупъ,
И воды пусклыя подъ пеленой шумановъ,
Дремали мерпвымъ сномъ въ безмолвныхъ берегахъ.
Природа блѣдная, съ унылостью въ черпахъ,
Поражена была помленіемъ кончины.
Сегодня новый видъ окреспность приняла,
Какъ быспрымъ маніемъ чудеснаго жезла;

Лазурью свѣшлюю горящъ небесъ вершины;
Блеспящей скапертью подернулись долины
И яркимъ бисеромъ усѣяны поля.
На праздникъ зимы красуешся земля
И насъ привѣтствуетъ живительной улыбкой.
Здѣсь снѣгъ, какъ легкій пухъ, повисъ на ели гибкой;
Тамъ темный изумрудъ посыпавъ серебромъ,
На мрачной соснѣ онъ разрисовалъ узоры.
Разсѣялись пары и засверкали горы
И солнца шаръ вспылалъ на сводѣ голубомъ.
Волшебницей зимой весь мѣръ преобразованъ;
Цѣлями льдиспыми покорный прудъ окованъ
И синимъ зеркаломъ сравнялся въ берегахъ.
Забавы ожили; пренебрегая страхъ,
Сбѣжались смѣльчаки съ береговъ полной игривой
И праздная зимы ожиданный возвращающъ,
По льду свиспящему кружащся и скользящъ.
Тамъ ловчихъ полкъ готовъ; ихъ взоръ неперемѣливой
Допрашиваетъ слѣдъ добычи порошливой;
На бѣгство робкаго нескромный снѣгъ донесъ;
Съ неволи спущенный за жертвой хищный песъ
Ввѣряется спремглавъ предательскому слѣду
И довершаетъ ножъ кровавую побѣду.
Покинемъ, милый другъ, шемницы мрачный кровъ!
Красивый выходецъ кипящихъ шабуновъ,
Ревнуя на бѣгу съ крылатоногой ланью,
Топоча хрупкій снѣгъ, насъ по полю помчишь.
Украшенъ швой нарядъ лѣсовъ Сибирскихъ данью
И соболь на шебѣ черишетъ и блеспишь.
Презрѣвъ мороза гнѣвъ и щещпаыя угрозы,
Гуманныхъ щекъ швоихъ свѣжьи альюпъ розы

И лилія свѣжей бѣлѣпть на челѣ.

Какъ лучшая весна, какъ лучшей жизни младость,

Ты улыбаешься угѣщенной землѣ.

О пламенный воспоргъ! въ душѣ блеснула радость,

Какъ искры яркія на свѣжномъ хрусталѣ.

Счастливы, кто испыталъ прогулки зимней сладостью!

Кто въ тишинѣ саней, съ красавицей молодой,

Ревнивыхъ не боюсь, сидѣлъ рука съ рукой,

Жаль руку вѣжную въ самомъ соприкосновенѣ,

И въ сердцѣ дѣвственномъ въ первый любви смѣшенѣ,

И думу первую, и первый вздохъ зажгѣтъ,

Въ побѣдѣ чистыя любви пріять залогъ.

Кто можешь выразишь счастливецевъ упоенье?

Какъ вьюга легкая, ихъ окриленный бѣгъ

Вроздами ровными прорѣзываетъ снѣгъ

И яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,

Сребристой пылію скидываетъ ихъ.

Спѣсилось время имъ въ одинъ крылашый мигъ.

По жизни шакъ скользишь горячность молодая

И живъ поропися и чувствоватъ спѣшишь!

Напрасно прихопямъ ввѣряешся различнымъ;

Вдаль увлекаема желаньемъ безграничнымъ,

Приспавица себѣ она нигдѣ не зришь.

Счастливыя лѣта! Пора шоски сердечной!

Но что я говорю? Единый бѣглый день,

Какъ сонъ обманчивый, какъ привидѣнья пѣнь,

Мелькнувъ, уносишь пы обманъ безчеловѣчной!

И самая любовь намъ измѣнявъ, какъ пы,

Приводитъ къ опышу безжалостнымъ урокомъ

И чувства истощивъ на сердцѣ одинокомъ,

Намъ оставляетъ слѣдъ угаснувшей мечпы.

Но въ памяти души живушь души утраты.
Воспоминаніе, какъ чародѣй богатый,
Изъ пепла хладнаго минувшее зовешь
И гласъ умолкшему и праху жизнь даешь.
Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросаетъ изъ кощницы
Душистую лазурь и свѣжій блескъ цвѣповъ;
Пусть распворяя лѣсъ очарованьемъ вѣжнымъ,
Влечетъ любовниковъ подъ кровомъ безмятежнымъ
Предатся психому волшебству сладкихъ сновъ! —
Не измѣню тебѣ воспоминаемъ пайнымъ,
Веслы роскошныя смиренная сеспра!
О сердца моего любимая пора!
Съ поскою прежнею, съ волненьемъ обычнымъ,
Клянусь плашешь тебѣ признашельную дань;
Всегда привѣтспвовашь тебя сердечной думой,
О первенецъ зимы, блестящей и угрюмой!
Снѣгъ первый, нашихъ нивъ о дѣвственна пкань!

К. Вяземскій.

Шарада, помѣщенная въ предъидущемъ Но.,
значишь — *Приз - ракѣ.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXV.

П Р О З А.

О водяныхъ Метворитескихъ явленіяхъ.

(Изъ второй части Хронологической Истории путешествій въ Сѣверныя полярныя страны, издаваемой В. Н. Берхомъ. (*))

Полярное море, омывающее берега Шпицбергена и Восточной Гренландіи, имѣетъ весьма рѣдко чистую или ясную атмосферу. Густыя облака, туманы, изморозь и мрачность въ нѣ-

---

(*) Сія вторая часть, которая уже печатается, содержитъ въ себѣ краткое, но обстоятельное описание всѣхъ путешествій, какъ Русскихъ, такъ и иноземныхъ странствователей, съ 1818-го по 1822-й годъ. По поводу помѣщеннаго въ оной описанія Физическихъ свойствъ помѣнуемыхъ странъ, Издашеть украсилъ ее 7-ью эстампами, изображающими полярныхъ живошныхъ, и 4-мя другими, представляющими 96 различныхъ кристаллизаций полярныхъ снѣговъ. Къ сей же части приложены двѣ Меркаторскія Карты Сѣвернаго полушарія, на коихъ означены всѣ новѣйшія открытія. — Подписка на Историю сію принимается у книгопродавца И. В. Слѣнина и будетъ продолжаться по 1-е Января. Подписная цѣна на бѣлой бумагѣ 15, а на велевой 20 рубл. Послѣ означеннаго времени цѣна возвысится 5-ю рублями. — По общему согласію какъ Сочинителя, такъ и Издашеть помѣнушой Хронологической Истории, помѣщаемъ мы отрывокъ изъ 5-й главы, равно какъ и нѣсколько видовъ чудесной кристаллизаціи снѣговъ полярныхъ. *Изд.*

которой часпи горизонша бывають почти всегда видимы. Едвали одна двадцатая часпъ времени, въ которое можно шамъ плавать, сопровождаеися яснымъ небомъ.

Облака состоятъ большею часпю изъ плотной и мрачной материи (stratum); по всей видимой часпи неба разсѣваюся онѣ неправильными кусками. Облако, похожее на Cumulus (*), показывается иногда на горизонтѣ и имѣетъ споль разительное сходство съ гористыми берегами Шпицбергена, что принимается весьма часно за землю.

Дождь падаетъ весьма рѣдко въ Полярныхъ странахъ; въ Юлѣ и Августѣ, Южные и Юго-Западные вѣтры сопровождаются часно дождемъ. Въ остальные мѣсяцы года, когда случается жестокая буря отъ Юга, по вмѣстѣ съ оною приносится дождь, превращающійся мгновенно въ хлопчатой снѣгъ. (**). По парали 80° не видалъ никшо дождя. Лейтенантъ *Парри*, зимовавъ въ широтѣ 74, примѣтилъ, что первой дождь выпалъ 20-го Маія.

Градъ падаетъ гораздо чаще въ умѣренныхъ климатахъ, нежели въ холодныхъ. Весьма рѣдко случается видѣть оный въ Гренландскомъ морѣ, а въ большихъ широтахъ и никогда. Поелику градъ рождается отъ электризаціи

(*) Смотри *Howards nomenclature*. Онъ даетъ облакамъ по степени ихъ плотности или густоты, слѣдующія названія: *Cirrus*, *Cirro-Cumulus*, *Cumulus*, *Cirro-stratus*, *Cumulus* и *Thunder Cloud* или молниеносное облако.

(**) У Англичанъ имѣетъ снѣгъ два наименованія: *Snow* и *Sleet*. Первой означаетъ у нихъ снѣгъ кристалловидный; а второй, падающій кусками или охлонками.

воздуха, кошорая въ спирахъ полярныхъ почти не существуетъ; по заключеніе сіе и весьма вѣроятно.

Снѣгъ идетъ такъ часто въ спирахъ, за полярными кругами лежащихъ, что едва ли въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ пройдетъ день, въ кошорой бы онъ не падалъ. Находясь при Южномъ вѣспрѣ подлѣ ледянаго поля, можно увидѣшь, что въ одинъ часъ выпадетъ онаго на 3 дюйма полщиною. Весьма густой снѣгъ бываетъ обыкновенно предшественникомъ весьма бурной погоды. При разныхъ положеніяхъ атмосферы, падаетъ здѣсь и разнообразный снѣгъ. Видъ и грани онаго такъ различны и пріятны для взора, что чашею вѣрно любопытно будетъ взглянуть на приложенные здѣсь чершежи онаго. Они скопированы съ видовъ, доставленныхъ намъ ученымъ киполовомъ *Скорезби*, изъ сочиненія коего почерпнута и вся глава сія.

«Чрезвычайная красота и безконечная разнообразность, вѣспрѣчаемая нами во вѣхъ Царствахъ Природы», говоритъ *Скорезби*, «не менѣе удивительна и въ чудесной кристаллизаціи полярныхъ снѣговъ. Главное образованіе оныхъ суть звѣзды и шести-угольники; но коша обыкновенно углы снѣжныхъ граней состоятъ изъ 60 и 120°, однако же изрѣдка подвергаются они измѣненіямъ. Нѣкошорыя кристаллизаціи имѣють отношеніе къ температурѣ воздуха; но большая часть оныхъ случайная.»

Предлагаемые здѣсь, 4 листочка содержатъ 96 различныхъ кристаллизацій полярныхъ снѣговъ, увеличенные опть 30 до 200 крашъ. Латинская буква, помѣщенная надъ каждою снѣ-

жинкою, означаетъ положеніе Термометра и Барометра, какъ-то на приложенной таблицѣ показано. Дробное число, поставленное подлѣ помянутой буквы, показываетъ часть дюйма или настоящей діаметръ свѣжныхъ кристалей. Случается, что падающій свѣгъ имѣетъ и неправильную фигуру; но по большей части, и особенно въ хорошую погоду, павънешъ онъ своею Геометрическою почвостію, разнообразностію и красотою.

Время.	Латинск. буквы.	Термометры.	Барометр.	Вѣтры.	
				Направление.	Сила.
1809 Апрѣля 15	a	21	29 02	NNO	Свѣжій.
— — — 17	b	19	— 64	NNO	Свѣжій.
— — — 20	c	19	— 65	ONO	Тихой.
Маія 1	d	12	— 68	NO	Крѣпкой.
— — — 2	e	10	— 84	NNO	Свѣжій.
— — — 3	f	18	— 87	NTO	Жесток.
— — — 11	g	14	30 10	NNO	Свѣжій.
— — — 15	h	22	29 78	O	Крѣпкой.
— — — 30	i	20	30 40	NOTN	Умѣренн.
Июня 16	k	32	29 50	Безвѣтріе.	
1810 Апрѣл. 12	l	22	— 80	ONO	Крѣпкой.
— — — 14	m	16	30 08	NNO	Свѣжій.
— — — 20	n	21	29 72	S	Жесток.
— — — 21	o	20	— 67	NTO	Жесток.
Маія 16	p	19	— 70	N	Свѣжій.
1816 Апрѣл. 29	q	23	— 65	NN W	Умѣренн.
Маія 2	r	17	— 75	N	Крѣпкой.
— — — 6	s	27	— 80	SO	Свѣжій.

Скорезби говоришь, что красной и коришневой снѣгъ можно видѣть довольно часто. Последній получаешь цвѣтъ, по мнѣнію его, отъ земляныхъ часней; а первой отъ калу маленькихъ щичекъ: *Alea alce*, кои пишающа маленькими раками (*Shrimps*) и водяща здѣсь въ большомъ множествѣ. Прочитавъ въ 1-й часни Испори сей умное заключеніе Гг. *Волластона* и *Бацера* (*), нельзя согласишься съ симъ мнѣніемъ: по изысканіямъ ученыхъ мужей сихъ видно очень ясно, что красныя зернышки, на снѣгу находямыя, принадлежатъ къ царству произрастѣній. — *Мартенсъ*, о коемъ говорилъ я выше, заключаетъ, что красный снѣгъ получаешь цвѣтъ отъ земляныхъ часней, смываемыхъ ручьями съ горъ. Но поелику онъ взиралъ на оный глазами простаго наблюдателя; по слова его и не могутъ бытъ приняты въ уваженіе.

Морозной дымъ (*frost-rime*) случается весьма обыкновенно въ полярныхъ странахъ. Оный состоитъ изъ плотно замерзшаго пару, копорой выходитъ изъ моря или другой массы воды. Во время бурной погоды поднимается дымъ сей до высоты 80 и даже 100 фузовъ; а при тихихъ вѣтрахъ носится надъ поверхностію воды. Нерѣдко случается, что дымъ сей садится на корабельный шаклажь и образуешь призматическіе и пирамидальные хрустали. Дымъ сей случается только тогда, когда Термометръ показываетъ 14° морозу или болѣе.

Туманъ есть послѣдній водяной метеоръ, о коемъ упомянуешь должно. Онь составляетъ

(*) Страница 231 и 232.

одну изъ важнѣйшихъ причинъ, копорыя затрудняютъ плаваніе и содѣлываютъ оное весьма опаснымъ. Туманы господствуютъ въ полярныхъ моряхъ, въ самую лучшую часть года: въ Іюнь, Іюль и Августѣ. Плотность оныхъ бываетъ иногда такъ велика, что зрѣніе простирается только на аршинъ и лучи солнца не могутъ провидать чрезъ густоту его. Туманы бываютъ обыкновенно гуще при льдахъ, нежели при берегѣ. Оныя уснановляются при Южныхъ, Юго-Западныхъ и Юго-Восточныхъ вѣтрахъ. Сѣверные, Сѣверо-Западные и Сѣверо-Восточные вѣтры разгоняютъ туманы. Хотя во время штурмовъ или бурь случаются рѣдко туманы; однако же *Скорезби* говорятъ, что ему случилось нѣсколько разъ видѣть явленіе сіе. — Хотя дождь разгоняетъ туманъ; но, по минованіи онаго находишь гораздо густѣйшій. Когда во время густаго тумана здѣлается морозъ; то оный, обращаясь въ мѣльчайшій градъ, садится иглами на платье и снасти. При семъ случаѣ можно легко уколоть руки и лице. Для мореплавателя кажутся туманы тѣмъ опаснѣе, что лишаютъ его способоу, повѣрить счисленіе свое наблюденіями. Между льдами, гдѣ море бываетъ обыкновенно тихо и солнце показывается иногда сквозь туманъ, можно употреблять искусственный горизонтъ на палубѣ или, еще гораздо лучше, на льдинѣ. *Скорезби* совѣшуютъ наблюдать высоту солнца съ ялика, заключая: что при первыхъ случаяхъ можетъ погрѣшность простирается до 15-ти, а въ послѣднемъ только до 2-хъ минутъ. Онъ замѣчаетъ также, что въ самыхъ высокихъ широтахъ бываетъ менѣе тумановъ.

Краткое извѣстiе о всѣхъ съ 1707-го по 1825-й годъ выходившихъ въ Россiи повременныхъ изданiяхъ и вѣдомостяхъ. (Продолженiе.)

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какомъ городѣ.
48. Новыя Академическiя ежемѣсячныя сочиненiя	1790	С. П.
49. Бесѣды съ Богомъ	1790	М.
50. Политичес. Журналь (1)	1790	М.
51. Иршышь, превращенный въ Ишпокрену	1791	Т.
52. Московскiй Журналь	1791	М.
53. Магазинь Англiйскихъ, Французскихъ и другихъ модъ	1791	М.
54. Еженедѣльникъ	1792	М.
55. Зришель	1792	С. П.
56. Прохладные часы	1792	М.
57. Россiйскiй магазинь	1792	М.
58. С. Пешербургскiя Врачебныя вѣдомоспи	1793	С. П.
59. С. Пешербургскiй Меркурiй	1793	С. П.
60. Чшенiе для вкуса и разума	1793	М.
61. Прiяшное и полезное препровожденiе времени	1794	М.
62. Магазинь для распространенiя знанiй	1795	С. П.
63. С. Пешербургск. магазинь	1795	С. П.
64. Муза	1796	С. П.

(1) Продолжается нынѣ подъ названiемъ Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала. К.

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какомъ городѣ.
65. С. Петербургск. Журналь	1798	С. П.
66. Журналь земледѣлія	1799	С. П.
67. Новоспи	1799	М.
68. Иппокрена	1799	М.
69. Мой досугъ въ уединеніи (?)	1801	М.
70. Новоспи Руской Литше- рапуры	1802	М.
71. Плоды уединенія (2)	1802	С. П.
72. Журналь пріятнаго, лю- бопытнаго и забавнаго чтенія	1802	М.
73. Продолж. трудовъ вольн. Россійскаго Собранія	1802	М.
74. Вѣстникъ Европы	1802	М.
75. Осенніе вечера	1803	М.
76. Періодичес. сочиненія (?)	1803	С. П.
77. Корифей	1803	С. П.
78. Московскій Меркурій	1803	М.
79. Вѣдомости Коммерческія	1803	С. П.
80. Другъ просвѣщенія	1803	М.
81. Уранія	1804	К.
82. Труды любителей Россій- ской Словесности	1804	М.
83. Сѣверный Вѣстникъ	1804	С. П.
84. С. Пешербургск. Журналь	1804	С. П.
85. Періодическое изданіе Общества любителей Наукъ, Словесности и Художествъ	1804	С. П.
86. Пашріюшъ. Журналь вос- питанія	1804	М.

(2) Книга сія не принадлежитъ къ числу Журналовъ. К.

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какомъ городѣ.
87. Технологическ. Журналь	1804	С. П.
88. Журналь для милыхъ	1804	М.
89. Аврора	1805	М.
90. Московскій Курьеръ	1805	М.
91. Журналь хозяйствен- ныхъ свѣденій	1805	С. П.
92. Журналь новоспей	1805	М.
93. Журналь для пользы и удовольствія	1805	С. П.
94. Ученыя Московскія вѣдо- мости	1805	М.
95. Журналь Россійской Сло- весности	1805	С. П.
96. Журналь опечеспвленной Музыки	1806	М.
97. Лицей	1806	С. П.
98. Любитель Россійской Словесности	1806	С. П.
99. Минерва	1806	М.
100. Московскій зритель	1806	М.
101. Московск. собесѣдникъ	1806	М.
102. Повременное изданіе о полезн. изобрѣшеніяхъ , ...	1806	М.
103. Сѣверная пчела	1807	С. П.
104. Талія (3)	1807	С. П.

(Продолженіе впрѣдъ.)

(3) Талія, изданная покойнымъ Бенццкимъ, есть собраніе Спихотвореній и нѣкоторый родъ Календаря Музъ, а потому и не можеть быти причислена къ періодическимъ изданіямъ. Въ противномъ случаѣ, Аониды, Приношеніе Религіи, Свѣшкъ Музъ и проч. принадлежали бы также къ сему списку. К.

Анекдоты.

— Рассказываютъ объ одномъ плотникѣ, копорой подверженъ былъ спирающему припадку гипохондрии. Онъ всегда лишался ума, когда оставлялъ свою мастерскую и не прежде приходилъ въ себя, какъ возвращаясь въ оную. Случай сей упоминается въ книгѣ: *Recherches sur les causes de la melancholie*, какъ Психологическая доспопамянность. А сколько Ученыхъ, кои умы только въ кабинетѣ?

— Слѣдующій анекдотъ послужилъ въ доказательство предъидущаго замѣчанія: Славный *Николь* такъ мало занимался свѣтомъ, что во всю жизнь сказалъ только одинъ комплиментъ Дамѣ, да и тотъ — самый неудачный: онъ вздумалъ похвалить ея *прекрасные маленькіе глаза и прекрасный большой ротъ!*

— Въ слѣдъ за симъ анекдотомъ о *Николѣ*, приведемъ другой о *Мопертюи*, копорый доказываетъ, что если Ученый бываетъ вмѣстѣ свѣтскимъ человекомъ, то бываетъ имъ — въ высочайшей степени. *Мопертюи*, находясь въ плѣну въ Австріи, предсавленъ былъ Императрицѣ-Королевѣ, копорая его между прочимъ спросила: «Вы конечно знаете Королеву Шведскую, сестру Вашего Государя?» — «Знаю, В. В-во,» отвѣчалъ онъ. — «Говорятъ, что это прекраснѣйшая Принцесса въ свѣтѣ.» — «Государыня! Я и самъ это думалъ — до нынѣшняго дня.»

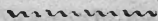
— Графъ *О — й*, одинъ изъ знатнѣйшихъ Польскихъ Вельможъ своего времени, не менѣе былъ извѣстенъ превосходными своими качествами. Онъ дѣлалъ благороднѣйшее употребле-

ніе изъ несмѣшнаго своего богатства; покровительствовалъ Науки и Художества; принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ опечисленныхъ заведеніяхъ; содержалъ и воспитывалъ въ домѣ своемъ до 500 бѣдныхъ Дворянъ, составлявшихъ обыкновенную его свиту! Но Графъ О — ѵ, какъ и всѣ люди, имѣлъ свою слабость: онъ былъ большой лгунъ. Однажды путешествовалъ онъ по разнымъ странамъ Европы, сопровождаемый племянникомъ своимъ, молодымъ Графомъ В*. Сей послѣдній нерѣдко принужденъ былъ краснѣть отъ нецѣлѣнныхъ гиперболъ своего дяди. Всего хуже было то, что сей, для подтвержденія словъ своихъ, нерѣдко ссылался на племянника. Разумѣется, что Графъ В.*, изъ родственнаго уваженія, не смѣлъ ему противорѣчитьъ, и прошивъ воли своей, долженъ былъ раздѣлять славу почтеннаго дяди. Однажды обѣдали они въ Дрезденѣ, у Курфирста Саксонскаго. Графъ О — ѵ лгалъ по обыкновенію и всегда ссылался на племянника; а сей находился принужденнымъ подтверждать его слова. При концѣ обѣда вздумалъ онъ рассказывать Исторію какого-то сраженія, въ коемъ онъ будно бы находился и оказалъ невѣроятныя чудеса храбрости. «Не правда ли, В.*?» сказалъ онъ племяннику. «Ты былъ тогда со мною?» — Графъ В.*, выведенный изъ терпѣнія, отвѣчалъ: «Такъ, дядюшка; но развѣ Вы забыли, что я былъ убитъ при самомъ началѣ сраженія?»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу.

Служитель Музъ и древняго Омера,
Судья и другъ Поэтовъ молодыхъ!
Къ своимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
Есть шайная, особенная въра.
Къ шебъ она зовешъ меня, Поэтъ!
О Гнѣдичъ, дай спасительный совѣтъ:
Какъ жить тому, кто любитъ Аполлона?

Завиденъ мнѣ счастливый жребій швой:
Съ какою ты спокойною душой
На высотѣ опасной Геликона!
Прекраснаго поклонникъ самъ и жрецъ,
Предъ божествомъ своимъ въ мольбѣ смиренной,
Ты свѣтъ забылъ и судъ его премѣнной;
Ты пренебрегъ минушній въ немъ вѣнецъ
И опдалъ шрудъ и жизнь свою попомшву.
А я, слѣпецъ . . . все оцую брожу,
И рабски всѣмъ спрашямъ своимъ служу:
То — похвалою плѣненный — въроломшву
Младенчески, какъ дружбѣ, опдаюсь
И милья дѣлю съ нимъ сердца шайны;
То, получивъ въ шрудѣ успѣхъ случайный,
Съ отважношью за славою шремлюсь —
И падаю. другой Икаръ, въ пучину;
То, измѣнивъ безсмертія мечшъ,
Ищу любви въ бездушной красотѣ
И въ Граціи записываю . . . Фрину.

За чѣмъ скрывать? Въ Поэзіи моей
Останешся лишь повѣсть заблужденій,
Посыдная уму игра страстей,
А не огонь небесныхъ вдохновеній,

Безсиленъ я владѣть своей душой
И съ Музою согласно жить одной:
Мнѣ нравится — то гуль трубы военной,
То сладкій гласъ свирѣли паспуховъ,
То лиры звукъ, въ пищи уединенной
Ласкающій спыдливую любовь.
Съ утра рѣшусь Омерова Ахилла
Весь день слѣдипь въ живыхъ пвоихъ спихахъ;
Но вдругъ . . . Омеръ забыть — въ моихъ мечпахъ
Герой Русланъ и рѣзвая Людмила.
Такъ поушру на пурпурный Воспокъ,
Гдѣ царь свѣшилъ явлененя прекрасной,
Порой, дия глядипь съ улыбкой ясной:
Опъ золота лучей горипь пошокъ,
Окрестный лѣсъ и дальнихъ горъ вершины;
Въ его глазахъ чудесныя картины!
Но долго ли займешь его сей видъ?
Невольникъ чувствъ, ужъ онъ давно бѣжитъ
За мопылькомъ, надъ ближними цвѣпами
Мелькающимъ блестящими крылами.

И Музы мспяпъ невѣрноспію мнѣ
За рѣзвыя мои въ любви измѣны.
Какъ часто гласъ невидимой Сирены.
Мнѣ слышипся въ безмолвной пишинѣ!
Склоню слухъ къ пѣнищельному звуку
И въ радости накладываю руку,

Чтобъ голосъ спрунъ съ ея мнѣ пѣнемъ слышь,
Коварная . . . мгновенно умолкаетъ;
Воспорга звукъ на лирѣ умираетъ —
И я гопповъ бездушную разбишь.
О сладкое, святое вдохновенье,
Огонь души и сердца уоенье!
Я чувсповаль, я помню эпошь жаръ,
Какъ Муза мнѣ съ улыбкой мысль внушала:
Передо мной пеперь — одни начала,
Погибнувшій небесной дѣвы дарь!

Повѣришь ли? Я часто въ груспи пайной
Завидую пому, кпо, чуждый Музь,
Съ безпечностью одной хранилъ союзъ
И въкъ не зналъ бесѣды ихъ случайной!
Когда молодой Художникъ посѣпшилъ
Развалины разрушеннаго града —
Онъ плачетъ памъ . . . и гореспнаго взгляда
Въ спраданіи души не опвращилъ
Опъ славныхъ сихъ, разбросанныхъ обломковъ,
Гдѣ въ каждой онъ возвышенной черпѣ
Находитъ дань небесной красотѣ
Или урокъ, священный для попомковъ.
Такъ я въ нѣмомъ уныніи сижу
Надъ мыслию, счастливо мнѣ внушенной
И въ пламенномъ стихѣ изображенной;
Прикованный, я на нее гляжу,
Какъ на кусокъ разбиатаго кумира . . .
Опброшена безжизненная лира —
Не уловишь исчезнувшей мечпы
И не видашь мнѣ полной красоты!

Доступный другъ веселью и спраданью!
Я все свое принесъ къ тебѣ на судъ;
Все, что сулилъ мнѣ благосворный шрудъ,
Что я въбралъ нѣмому упованью.
Я раздѣлилъ всѣ радости съ тобой
И муки всѣ въ моей суровой долѣ.
Скажи: еще ль бороться мнѣ съ Судьбой,
Иль позабышь обмановъ сладкихъ поле?
Быть можешь, я вступилъ средь дѣвскихъ лѣтъ
На поприще Поэзіи ошибкой;
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
„Сними съ себя вѣнокъ — ты не Поэтъ!“

1821.

Плетневъ.

Три возраста Амура.

Люблю Амура я дитя.
Онъ скромнень, взоры поупляещь
И если ранишь — то шумя;
Невинностью сердца плѣняещь.

*

Не по годамъ, а по часамъ
Распещь младенецъ сей губишель,
И возмужавъ, уже сердцамъ
Онъ говоришь, какъ повелишель.

*

Дипля, а завтра — человекъ;
А завтра — чудныя явленія! —
Старикъ, кончающій свой вѣкъ
Въ объясняхъ спрашивныхъ наслажденья!

16-го Ноября, 1822.

В. Венковъ
об.

При семь No. карпинка, изображающая видъ
полярныхъ снѣговъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXVI.

П Р О З А.

О Надеждѣ и Любви.

(Изъ Шапобріана.)

Надежда, впрочемъ Богословская добродѣтель, имѣешь почти по же могущество, какое имѣешь и Вѣра. Доброе желаніе рождаетъ силу; а кто желаетъ сильно, пріобрѣтаетъ. *Ищите, сказалъ Иисусъ Христъ, и обряцете; толцуйте, и отверзетъ вамъ.* — Древніе говаривали въ томъ же смыслѣ: *сила живетъ подлѣ нужды*; ибо нужда заключаетъ въ лишеніи, лишеніе же идетъ рядомъ съ желаніемъ.

Сіе-по усердное желаніе, порождающее силу духа, есть истинный Геній челоуѣка. Оно имѣешь творческій даръ и производитъ жажду, ничѣмъ неуполимую. Если челоуѣкъ не успѣлъ въ своихъ предпріятіяхъ; то сіе только значитъ, что онъ не желалъ довольно сильно и пламенно; что не имѣлъ сего искренняго усердія, которое рано или поздно достигаетъ своего предмета; сей небесной Любви, которая объемлетъ все и наслаждается обладаніемъ всѣхъ міровъ; сей безпредѣльной Надежды, которая всегда удовлетворяема и безпрестанно вновь возрождается.

Но между Вѣрою и Надеждою, разсматриваемыми какъ силы душевныя, есть существенное различіе. Вѣра имѣетъ начало свое внѣ насъ, — производя оныя предметы посторонняго. Надежда, напротивъ, рождается внутри насъ и дѣйствуетъ на внѣшніе предметы. — Первая поставлена для насъ закономъ; собственное наше желаніе рождаетъ послѣднюю. Первая есть повиновеніе; послѣдняя же любовь. Но поелику Вѣра удобнѣе порождаетъ всѣ другія добродѣтели; поелику произшекаетъ прямо опъ Бога: — она прекраснѣе Надежды, которая сославляетъ только часть человѣка. Посему-то Церковь назначила Вѣрѣ первое мѣсто между добродѣтелями Богословскими.

Но Надежда отличается еще особеннымъ свойствомъ, посредствомъ коего находится она въ непрерывномъ соотношеніи съ нашими бѣдствіями. Такъ, безъ сомнѣнія, самимъ Небомъ открыта намъ Религія, которая Надежду поставила въ числѣ добродѣтелей! Сія пипательница несчастныхъ, собесѣдуя человѣку, какъ мать больному своему сыну, успокоиваетъ его въ своихъ обѣщаніяхъ; наполаетъ, у неиспощимыхъ своихъ персей, млеко, укрощающимъ его спраданія; бдитъ у его уединеннаго возглавія и усыпляетъ его своими волшебными пѣснями. — Не удивительно ли видѣть Надежду, сіе чувство сладостное, чувство, по видимому, столь сродное душѣ; Надежду, преобразованную Христіаниномъ въ добродѣтель, строго предписанную? Но здѣсь открывается намъ нѣчто, еще болѣе непостижимое и чудесное: Церковь научаетъ насъ, что мы будемъ награждены за то,

что надѣялись, по ешь, за то, что соспавляли собственное свое счастье. Правовѣрный, всегда воинствующій въ жизни, безпреспанно рапоборствующій со врагами, уважаетса Религією и въ самомъ пораженіи своемъ, подобно шѣмъ побѣжденнымъ полководцамъ, коихъ Сенатъ Римскій вспрѣчалъ съ шоржеспвомъ попому единственнo, что они не опчаявались въ благоденствіи опечеспва. Но если Древніе приписывали нѣчто чудесное челoвѣку, неоспавляемому никогда Надеждою; то что подумали бы они о Христіанинѣ, который, на удивительномъ языкѣ своемъ, не говоритса уже: *сохранять*, но — *исполнять* надежду?

Касательно же Любви, дочери Иисуса Христа, — то сія означеспъ, въ собственномъ смыслѣ, *Благодать* и *радость*. Религія, желая преобразовашъ сердце челoвѣческое и обратишъ къ пользѣ добродѣтели наши нѣжнѣйшія привязанности, изобрѣла новое орудіе, посредствомъ коего направляетса наши склонности къ Небу, очищая и вознося ихъ къ Создателю; посредствомъ коего научаетса насъ сей чудесной истинѣ, что люди должны — такъ сказашъ — любить другъ друга чрезъ Бога, который одухощворяетса ихъ любовь и оспавляетса одну только безсмертную сущность, бывъ посредникомъ оныя.

Но если Любовь есть Христіанская добродѣтель, произпекающая прямо опъ Предвѣчнаго Его Слова, то она всегда и шѣсно связана съ Природою. Въ сей-то безпрерывной гармоніи между Небомъ и землею, между Богомъ и челoвѣческимъ, познаемъ свойство истинной Ре-

лиги. Часто нравственные и Политическія постановленія Древности были проповѣданы чувствованіямъ души. Христианство, напротивъ, будучи всегда согласно съ сердцемъ, не предписываетъ добродѣтелей опвлеченныхъ, но указываетъ на добродѣтели, основанныя на собственннхъ нашихъ нуждахъ и полезныя всѣмъ и каждому. Оно основало Любовь, какъ неизчерпаемый кладезь въ юдоли жизненной. » Любы долготерпитъ, « говоритъ Апостоль, милосердствуетъ; любы не завидитъ; любы не превозносится, не гордится, не безгинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ; вся любитъ, всему вѣру емлеть, вся цповаетъ, вся терпитъ. « (*)

Б.

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Окончаніе.)

Въ Греціи, какъ и вездѣ, счастливая и горестная любовь водала поводъ къ сочиненію безчисленнаго множества пѣсень. Нѣкошорыя изъ оныхъ опличающся вѣрнымъ изображеніемъ чистой, невинной снрасни, и пѣвняющъ своею пресношою. На примѣръ:

» Нѣшь любви безъ печали, безъ шерзаній, мученія и вздоховъ. Я всегда поскую, и повсюду раздающся мои жалобы.»

(*) Св. Павель, Коринѣ. Гл. XIII. сп. 4.

» Чувствую, что мнѣ должно умереть. У меня нѣтъ друга, которому бы я могъ вѣрить мои спраданія. Я никогда не думалъ, чтобы сирѣлы любви были столь ядовиты и гибельны.»

» Свободныя птички! летише далеко отъ кляшки. Юныя сердца! спрашишесь коварныхъ сѣней любви. Хищный Купидонъ, воспламеняя души, веселился нашими спраданіями.»

» Подобно вамъ, я не зналъ заботы; привыкъ къ радости и чуждъ былъ печали. Прелестныя надежды ласкали меня; — теперь я плененъ любовью и гибельное пламя пожираетъ меня поспешенно.»

» Я льстился, что ты будешь моею; а теперь не знаю, что сказать, что подумаешь! Увядаю какъ цвѣшокъ; плачу, какъ воскъ и — никому неизвѣстна печаль моя.»

» Лейшесь изъ глазъ моихъ, ручьи слезъ! Есть ли кто-либо въ свѣтѣ меня несчастнѣе? Желанная подруга сердца! сжалась надо мною. Каждое слово твое облегчаетъ мою грусть.»

» Кровь кипитъ въ жилахъ моихъ; разумъ помрачается; языкъ немеетъ; слова замираютъ на устахъ. — Можно ли бытъ такъ нечувствительною; можно ли радоваться, когда другой терзается столь жестокою тоскою?»

» Унылый духъ, сплѣсненное сердце, потерпите еще немного. Я увѣренъ, что печаль предшесвуешь всегда радости.»

Чтобы имѣть понятіе о впечатлѣніи, производимомъ сими пѣснями, надобно представить себѣ благозвудіе и пріятность Греческаго языка. Мелодія оныхъ проста и выразительна.

Прекрасныя лѣтнія ночи, въ кои раздаются сіи увывыя тоны, увеличивающъ волшебное оныхъ дѣйствіе.

Между жителями Аркадіи и мапросами сохранились еще нѣкоторыя изъ древнихъ пѣсней. Пѣвцы обыкновенно собирающъ вокругъ себя большую толпу молодыхъ людей, а женщины проливаютъ горькія слезы при помныхъ звукахъ лиры, копорыми они сопровождаютъ свое пѣніе. Около горы Тайгеша, подобно какъ въ древней Спаршѣ, и теперь еще воспѣвають войну. Битвы и опасности сославляютъ любимый предметъ Спихошворцевъ. Такъ воспѣвъ былъ житель Тайгеша, падшій со славою въ сраженіи за землю опечесшвенную:

»Машери и невѣсны! Увѣнчайте цвѣтами могилу его. Онъ уваль, подобно розѣ Мессинской, сожженной полуденнымъ вѣтромъ.»

»Гордый побѣдитель его посмѣвался надъ его именемъ. Но вы почтуйте его горячими слезами; призовите день мщенія, копорый придетъ неминуемо.»

Духовныя пѣсни Грековъ, употребляемыя въ церквахъ при Богослуженіи, прогашельны и пріятны для слуха. Мореплаватели часто поющъ Гимны въ честь Пресв. Дѣвѣ. Мелодіи ихъ просшы и по большой части пріятны; особливо дѣйствующъ онѣ на сердце чудеснымъ образомъ, когда сопровождающъ плескомъ воднь.

Музыка и пѣніе у Альбанцевъ совсѣмъ въ другомъ сословіи, нежели у прочихъ, болѣе образованныхъ Грековъ. Мелодіи ихъ имѣющъ нѣчто дикое и звѣрское, подобно характеру самаго народа; онѣ какъ будто нарочно для

ного здѣланы, чтобы раздаваться между скалами, въ ущелии дикихъ и бесплодныхъ горъ.

Какъ много Греки любяпъ пѣсни и сколько имѣюпъ расположенія къ Поэзiи, доказываетъ слѣдующее повѣствованіе одного путешественника:

»Рыбныя ловли въ Аршскомъ заливѣ, близъ Салахоріи, въ особенноти славны. Я поѣхалъ въ селеніе рыбаковъ, находящееся на одномъ оспровѣ. Въшеръ былъ шихій; видъ прекрасный; пысячи дикихъ упокъ, гусей и рыболововъ оживляли поверхность водъ. Осмошрѣвъ ряды рыбачьихъ садковъ, пошли мы въ кухню, служащую мѣстомъ собранія сихъ промышленниковъ. Въ огромномъ котлѣ варилась на огнѣ рыба, коей было въ немъ ошъ 40 до 50 фуншовъ. Другая рыба пригошовлялась инымъ образомъ и вмѣстѣ съ принесенною нами поспавлена была на сполъ. Капишанъ корабля и спаршіе рыбаки сидѣли съ нами за однимъ споломъ. По окончаніи ужина пошла кружка вокругъ всего спола; собесѣдники оную другъ другу передавали. Каждый пилъ за здоровье, чишая припомъ по нѣскольку спиховъ, изъ коихъ многіе были очень замысловаты. Особливо ошличался одинъ спарый рыбакъ своими шушками, копорыя съ каждымъ спаканомъ спановились живѣе.»

При многихъ играхъ Грековъ, обнаруживается живоспъ ума ихъ, въ оспрыхъ ошѣтпахъ и экспромпахъ. Въ Ивановъ день собираются они большими и малыми общеспвами и все случающееся въ эпошъ день почишается предзнаменованіемъ шого, что будетъ на слѣдующій годъ. Молодыя дѣвицы выходятпъ для гаданій на ошкрышое мѣспо. Одна изъ нихъ держитъ на

колѣняхъ корзину съ цвѣтами, плодами, лентами и другими мѣлочами, коими наполняютъ онаю ея подруги, пока еще не придуть молодые мущины. Вещи, положенныя въ сію корзину, вынимаются одна послѣ другой и на каждую изъ оныхъ одинъ изъ молодыхъ людей долженъ сказать два стиха. Экспромпты сіи бывають иногда лестныя и похвальныя, а иногда насмѣшливыя и колкія. Вынущую ленту или цвѣпокъ кладуть въ другую корзинку; а по окончаніи игры каждая дѣвушка беретъ свою вещь и сказанныя приномъ стихи изъясняютъ, сколько можно, въ хорошую или дурную сторону. Какъ въ новомъ Греческомъ языкѣ легко находишь рѣчмы; по для знающихъ хорошо свой языкъ нѣтъ никакого труда сказать, не думая, нѣсколько стиховъ. Мѣра словъ и самый выборъ мыслей въ шакой игрѣ не строго наблюдаются.

Есть множество и другихъ игръ въ Греціи. Извѣстная у насъ игра *тетъ или нететъ*, а у Итальянцовъ *a la toga*, здѣсь также употребительна. При свадьбахъ молодые люди бѣгають иногда въ запуски, съ горящими факелами въ рукахъ; плѣ, кои неоспорожно погасяють свои факелы, платяють извѣстную сумму денегъ тому, кто первый будетъ у цѣли, не погасивъ своего. Въ игрѣ, называемой *перепелиныиъ боеиъ*, привязываютъ на одномъ мѣстѣ перепела. Съ завязанными глазами ошводяють одного ошъ сего мѣста шаговъ на двадцать или тридцать и заславляютъ его ишши назадъ. Приемъ ошъ стараются ишши прямо къ шицѣ; что напурально рѣдко удается.

Молодые люди и дѣвушки, при всѣхъ такихъ играхъ, являющіяся въ праздничномъ платьѣ. Подобно всѣмъ Южнымъ народамъ, Греки, обитавшіе подъ яснымъ и благошворнымъ небомъ, любящія яркіе, блестящіе цвѣты; равно какъ жители Сѣвера любящія темныя и нѣжныя, привыкнувъ къ мрачному и пасмурному климату. Въ Южныхъ странахъ болѣе всего кидаются въ глаза блестящіе уборы Турокъ и Грековъ, въ коихъ часто соединяются самыя противоположныя цвѣты. Съ давнихъ временъ сохранили они сей вкусъ, и какъ въ маперіи, такъ и въ самомъ покроѣ платья, не слѣдуютъ модѣ, подобно Европейцамъ, но всегда носятъ одинакое платье.

Роскошь у нынѣшнихъ Грековъ дошла до высокой степени. (*) Особливо женщины любящія украшаться жемчугомъ, золотомъ и дорогими камнями, часто сверхъ соспоянія мужей своихъ. Но за то они менѣе радятъ о бѣлѣ и вообще мало думаютъ объ опрятности. Самыя бани не много имъ помогаютъ. Знашныя и незнашныя люди заслуживаютъ въ томъ общій упрекъ, и они вообще хорошо дѣлаютъ, что любящія благовонныя вещества, какъ-то розовыя эссенціи, мускъ и тому подобное, также пахучіе цвѣты. Замужнія дѣвицы носятъ на головахъ цѣлыя пучки жасминныхъ цвѣтковь, и нерѣдко опрыскиваются розовою и померанцовою водою. Сими же благовоніемъ окропляютъ они бѣлыя и плоды, подаваемые для десерта. Знашныя имѣютъ собственныя бани, а прочіе ходятъ въ

(*) Разумѣется, въ высшихъ сословіяхъ.

публичныя, коихъ находилъсь довольное число во всякомъ городѣ. Войдя въ баню, раздѣваются въ большой квадратной залѣ, гдѣ развѣшены сухія полошница и безошлучно находятся служители. Каждому даются полошница для опоясания себя поперегъ шѣла и деревянныя башмаки. Отсюда, чрезъ узкой коридоръ, ведутъ васъ въ другое отдѣленіе, согрѣваемое пошачеными печами, гдѣ спойшъ вода для купанья и по споронамъ очень покойныя комнаты. Здѣсь надобно лечь на возвышенномъ по среднѣ полкѣ, обшачушомъ полошницомъ. Тогда входяшъ два ваге человекъ, кошорые начинаютъ съ такою силою шереть вамъ всѣ часши шѣла, что у васъ шрещашъ сосшавы, руки, ноги и даже спина и грудь; они вершашъ и поворачивашъ все шѣло, какимъ шолько можно образомъ. Послѣ шого ошираюшъ оное полошницомъ особеннаго рода, а засимъ уже вводяшъ въ баню, гдѣ спойшъ ванна съ двумя кранами, для холодной и шеплой воды. Пошомъ служитель приносилъ вамъ сосудъ, наполненный разведеннымъ мыломъ и губку и обливаешъ васъ водою. Наконецъ, подаюшъ вамъ сухое плашье и ошиводяшъ въ первую залу, гдѣ пригошвлены поштели. Послѣ малаго ошидыха, приносашъ закуренную шрубку шабаку и чашку кофе. Такимъ образомъ, подкрѣпивъ и освѣживъ свои силы, выходите вы изъ бани. Просшой народъ пошщаешъ обыкновенно бани по два раза въ недѣлю, а знашныя и еще болѣе.

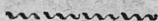
Гречанки и Турчанки носяшъ длинное и широкое, нижнее плашье, простирающееся почти до самыхъ пятокъ; часто даже по два, снизу

полошьяе или бумажное, а сверху шелковое. Ово подвязывается шелковымъ или бумажнымъ поясомъ. Оспровишянки носятъ нижее плашье короткое, подвязываемое около колѣвъ ленною, и при томъ шакъ шуго, что она часто врѣзывается въ шѣло. — Въ Аѣинахъ Греческія знатныя женщины носятъ одежду изъ сиваго или краснаго сукна, съ корошкою шалією. Длинныя юбки со многими складками доспають до самой земли. Тонкое волнистое покрывало, по краямъ вышитое золотомъ, набрасывается на голову. Молодыя дѣвицы носятъ на большой часпи красное плашье, съ висящимъ на спинѣ капишномъ изъ желтаго апласа. Когда онѣ прогуливаются, то прячуть руки въ карманъ и закрываютъ лицо свое. Часпо употребляютъ онѣ также и Турецкое плашье, когда выходятъ изъ дома.

Пер. В. С — ѣб.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Моя родина.

„Гдѣ швол родина, пѣвецъ молодой?“

Тамъ ли, гдѣ льется роскошная Рона;
Тамъ ли, гдѣ пѣли Пѣвцы Альбіона;
Тамъ ли, гдѣ бился Арминія — Герой?“
— Не шамъ, гдѣ сражался Герой Туискона,
За честь и свободу отчизны драгой;
Не шамъ, гдѣ носился гласъ Варда живой;
Не шамъ, гдѣ спруишся прекрасная Рона. —

„Гдѣ швоя родина, пѣвецъ молодой?“ —

— Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ;
Гдѣ бились Славяне при пѣсняхъ Бояновъ;
Гдѣ Волга, какъ море, волнами шумишь.
Тамъ памяшь Героевъ, шамъ край вдохновеній;
Тамъ все, чпо мнѣ мило, чѣмъ сердце горишь;
Туда горделивый пѣвецъ полетишь —
И струны пробудяшь минувшаго Геній! —

„Кого же прославишь пѣвецъ молодой?“

— Пѣвца восхищающъ могучіе дѣды;
Ояъ любишь Славянскихъ Героевъ побѣды,
Ихъ нравы преспые, ихъ жаръ боевой;
Онъ любишь долины, гдѣ бились народы,
Пылая къ отчизнѣ любовью святой;
Гдѣ падали силы Орды Золотой;
Гдѣ пѣлися пѣсни войны и свободы. —

„Кого же прославить пѣвецъ молодой? “

- Огнь звука роднаго, съ ихъ бравною славою,
Какъ звѣзды блистая красой величавой,
Возстануть Герои изъ мрака пѣней:
Вы, страшные Грекамъ, и ты, нашъ Арменій,
Младый, но ужасный средь вражьихъ мечей;
И ты, сокрушитель Тапарскихъ цѣпей,
И ты, побѣдившій враговъ и пустыни!

„Но ктожь молодого пѣвца наградить? “

- Пылаешь онъ жаждой награды высокой.
Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой
И, гордый, всемогущей судьбы не винитъ.
Такъ, бурей гонимый средь мрака ночнаго.
Пловецъ по ревущимъ пучинамъ лешитъ;
На грозное небо спокойно глядитъ
И взорами ищетъ свѣтила роднаго! —

„Но ктожь молодого пѣвца наградить? “

- Попомокъ Героевъ, какъ предки, свободной,
Пѣвецъ не унижитъ души благородной
Огнь почестей свѣта и пышныхъ даровъ.
Онъ славитъ опчиэну — и въ гордости смѣлой
Не занятъ молвою, не терпитъ оковъ;
Онъ ждетъ себѣ славы — за далью вѣковъ
И взоры сверкающъ надеждой веселой!

Н. Языковъ.

Дерптъ, Ноябра 23-го, 1822.

Э л о г і я.

Почто несется скорби спосеъ
Ошь спрунъ молодой цѣвницы?
Гдѣ лучшей другъ? . . Могильный сонъ
Сковаль его звницы . . .

*

На вѣки смолкнуль дружиий гласъ;
Съ усненъ душа слешѣла;
Какъ бы къ небесному спремясь,
Къ земному охладѣла.

*

Безсмертная! Гдѣ днесъ паришь,
Покинувъ обласъ плѣвья?
Спрѣлой въ опчизну ты лепишь,
На крыльяхъ обновленья!

*

Еговы храмъ швой вспрѣпишь взглядъ;
Горяшь небесъ свѣшила,
И предъ Тайншвеннымъ висащъ
Враздой паникадила.

*

Предъ олшаремъ ты ниць падешь
И, вспрѣпивъ ливъ неплѣвной,
Молишву съ прешемъ прольешь
За время жизни бренной.

*

Но жизни сей запылился свѣтъ
Для гореспнаго браша!
Кѣмъ для него, въ пучинѣ бѣдъ,
Замѣнился ушраша?

*

„Ушраченныхъ не возвращишь!
(Мнѣ слышишся въ мечтаньѣ)
„Для смершнаго не измѣнишь
Небесъ предначерпаньѣ!“

*

„Душа вкусившаго покой,
Ээра новый жипель,
Горишь звѣздою надъ побой,
Какъ лучь-пушеводипель!“

В. Г.

К ъ Н е ѣ.

~~~~~

Она похишила надежды милой сладость,
Довѣренность, любовь, Поэзію и радость!
Цвѣтъ насіящихъ благъ цвѣшетъ не для меня:
Все, кромѣ горестей, похишила Она.

*

Но Еѣ обязанъ я прекраснѣйшими днями,
Возвышенностью чувствъ и лучшими стихами.
О счастье прошломъ мысль преслѣдуетъ меня,
И счастье въ будущемъ похишила Она.

В — 68.

Ноября 18-го дня, 1822.

Конецъ 2-й книжки.